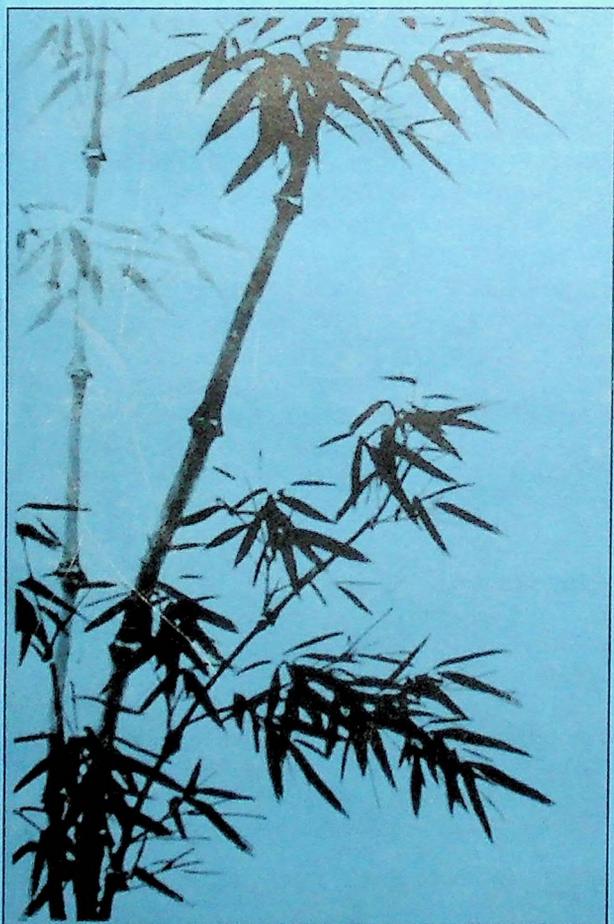

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

1/2018

Итоги XIX съезда
Компартии Китая

Обществу российско-китайской
дружбы – 60 лет

Развитие китайского
машиностроения

Парламентские выборы
в Японии

Логика стратегического
мышления

1-й кв

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в отгтенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги: [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2018

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), В.Г. Дацышен,
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева
(ответственный секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Анган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

1-й кв. 3

© Российская академия наук, 2018

© ФГУП «Издательство «Наука», 2018

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2018

Содержание

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Участникам и гостям торжественного заседания по случаю 60-летия
Общества российско-китайской дружбы. [Приветственное послание
Президента РФ В.В. Путина]4
- Поздравительное послание Председателя КНР Си Цзиньпина по случаю
60-летнего юбилея Общества российско-китайской дружбы5
- Г.В. Куликова.* К 60-летию Общества российско-китайской дружбы6

ХІХ СЪЕЗД КПК

- Круглый стол в ИДВ РАН «ХІХ съезд Коммунистической партии Китая
и российско-китайские отношения»*18
- А.В. Виноградов.* ХІХ съезд КПК: великий поход к возрождению68
- И.В. Ушаков.* Экологическая повестка ХІХ съезда КПК81

ПОЛИТИКА

- Д.В. Стрельцов.* Парламентские выборы в Японии 2017 года: возвращение
«на круги своя» или новый этап политического развития?91

ЭКОНОМИКА

- Н.Н. Котляров, А.В. Островский.* Иностранные инвестиции в КНР:
место и роль в экономической реформе103
- Н.Н. Коледенкова.* Основные направления и приоритеты развития
машиностроительного комплекса КНР117

ИСТОРИЯ

- И.Р. Гарри.* История происхождения Хорских княжеств в Восточном
Тибете127
- В.А. Перминова.* Законодательное реформирование и правовой статус
Тайваня в составе Японской империи в 1895–1945 гг.140

ФИЛОСОФИЯ

- А.А. Крушинский.* Логика китайского стратагемного мышления153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В.М. Мазырин.* Обзор материалов Круглого стола в ИДВ РАН «Форум
АТЭС 2017 во Вьетнаме: возможности регионального развития»169
- О.Н. Попова.* Синологической библиотеке — 60 лет174

РЕЦЕНЗИИ

В.О. Кистанов. Молодякова Э.В. Япония: тотальная победа консерваторов182

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Ольги Исааковны Завьяловой184

Юбилей Елены Ильиничны Сафроновой186

Contents188

Summary189

Обществу российско-китайской дружбы — 60

Участникам и гостям торжественного заседания по случаю 60-летия Общества российско-китайской дружбы

Дорогие друзья!

Искренне поздравляю вас с юбилеем Общества российско-китайской дружбы. Созданное шесть десятилетий назад, оно стало первым из отечественных обществ дружбы с народами зарубежных стран.

С деятельностью Общества связана практически вся современная история российско-китайских отношений, которые сегодня вышли на уровень всеобъемлющего доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. С первых дней своего существования этот канал народной дипломатии играет весомую роль в развитии двустороннего гуманитарного сотрудничества, прямых контактов между регионами Российской Федерации и провинциями Китайской Народной Республики, побратимских связей между городами, обменов по линии различных неправительственных организаций. Под эгидой Общества реализуются масштабные совместные проекты в области культуры, искусства, образования, просвещения, спорта.

Весьма важно, что к работе Общества всё активнее подключается молодежь двух стран. Это дает уверенность, что славные традиции дружбы, взаимопонимания и добрососедства, связывающие граждан России и Китая, будут сохраняться и преумножаться в будущем.

От души желаю всем вам дальнейших успехов и всего самого доброго.

Владимир Путин

9 октября 2017 г.

Поздравительное послание Председателя КНР Си Цзиньпина по случаю 60-летнего юбилея Общества российско-китайской дружбы

Уважаемые члены Общества российско-китайской дружбы!

По случаю 60-летнего юбилея Общества имею честь передать его членам, а также всем представителям дружественных кругов общественности двух наших стран свои горячие поздравления и сердечное приветствие.

На протяжении 60 лет Общество российско-китайской дружбы постоянно придерживается дружеского подхода к Китаю, способствует активному расширению контактов между простыми людьми, внося позитивный вклад в укрепление взаимопонимания и дружбы народов Китая и России. Общество российско-китайской дружбы по праву считается важным инструментом упрочения и развития китайско-российских отношений.

«Межгосударственные отношения строятся на взаимном расположении народов». В настоящее время отношения Китая и России находятся на новом историческом старте и обретают новые шансы для дальнейшего развития. А оно требует более активного участия общественности обеих стран, большей ее мудрости и усилий.

Надеюсь, что Общество российско-китайской дружбы, используя свой 60-летний юбилей как импульс к открытию новых горизонтов народной дипломатии, будет вносить еще более значимый вклад в тесное сближение двух наших народов, содействуя своими усилиями высокому качеству развития китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

*Председатель Китайской Народной Республики
Си Цзиньпин*

9 октября 2017 года, г. Пекин

К 60-летию Общества российско-китайской дружбы

© 2018

Г.В. Куликова

В статье характеризуется Общество российско-китайской дружбы (ОРКД) — наследник и продолжатель славных традиций первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран — Общества советско-китайской дружбы, созданного в Москве 29 октября 1957 года и в течение 60 лет ни на день не прекращавшего своей деятельности на благо укрепления взаимопонимания и дружеских связей со своим соседом — КНР, с великим китайским народом.

Ключевые слова: ОСКД, ОРКД, ОКРД, российско-китайские отношения, интересы народов России и Китая, добрососедство, партнерство, дружба, мир, развитие.

9 октября 2017 г. в Государственном академическом Большом театре России царил праздничная обстановка. Более двух тысяч человек собрались в этот вечер в историческом здании на Театральной площади Москвы, чтобы поздравить с юбилеем Общество российско-китайской дружбы. В этот день в знаменитом на весь мир Большом театре, как говорится, яблоку негде было упасть.

Поздравить ОРКД с юбилеем пришли представители обеих палат российского парламента, МИД РФ и других государственных и общественных организаций, члены Центрального правления и активисты Общества, видные деятели российского Китаеведения, преподаватели и учащиеся московских вузов и школ, в которых изучают Китай и китайский язык.

В торжествах приняли участие представители региональных отделений ОРКД из Санкт-Петербурга, Татарстана, Саха-Якутии и Алтая, Иркутска, Екатеринбурга, Челябинска, Кирова, Тамбова и других городов России.

Гостями торжественного вечера стали сотрудники Посольства КНР в РФ во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Ли Хуэем, представители китайской диаспоры, российской и китайской прессы.

По приглашению Общества российско-китайской дружбы в Москву прибыла для участия в юбилейных торжествах представительная делегация наших партнеров — Общества китайско-российской дружбы во главе с его председателем, Заместителем председателя ВК НПКСК Чэнь Юанем. В состав делегации входили бывший председатель Китайского народного общества дружбы с заграницей и Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу, руководящие деятели Общества, представители китайского бизнеса. В зале главного национального театра России царил необычайно приподнятая атмосфера.

Особую торжественность мероприятию придали поздравления, которые направили Обществу российско-китайской дружбы лидеры России и Китая.

Приветственное послание Президента РФ В.В. Путина под гром аплодисментов огласила открывшая торжественный вечер Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко.

В своем послании Президент подчеркнул, что «с деятельностью Общества связана практически вся современная история российско-китайских отношений, которые сегодня вышли на уровень всеобъемлющего доверительного партнерства и стратегического взаимодействия... Весьма важно, — отметил В.В. Путин, — что к работе Общества все активнее подключается молодежь двух стран. Это дает уверенность, что славные традиции дружбы, взаимопонимания и добрососедства, связывающие граждан России и Китая, будут сохраняться и приумножаться в будущем...».

Выступивший на вечере Посол КНР в РФ Ли Хуэй зачитал поздравительное послание Председателя КНР Си Цзиньпина, который назвал ОРКД «важной силой в деле упрочения и развития китайско-российских отношений». «Межгосударственные отношения строятся на взаимном расположении народов», — написал Си Цзиньпин и призвал «использовать юбилей в качестве стимула открытия новых горизонтов народной дипломатии».

Тепло встреченными участниками торжественного вечера председатель Общества китайско-российской дружбы, Заместитель председателя ВК НПКСК Чэнь Юань подчеркнул важное значение деятельности главного партнера ОРКД — Общества китайско-российской дружбы.

«Сегодня мы отдаем дань уважения людям, внесшим огромный вклад в дело китайско-российской дружбы — Лю Шаоци, Сун Цинлин, Цюй У, У Сююаню, И.В. Архипову, М.Л. Титаренко, а также выражаем благодарность Чэнь Хаосу, почетному председателю Общества российско-китайской дружбы С.Л. Тихвинскому, его председателю Д.Ф. Мезенцеву, первому заместителю председателя Г.В. Куликовой — людям, внесшим и продолжающим вносить значительный вклад в сотрудничество между нашими организациями», — сказал Чэнь Юань. В заключение своего эмоционального выступления Чэнь Юань призвал ОРКД вместе с его китайским партнером активно реализовывать задачи, поставленные главами государств, продолжать оставаться сторонниками сопряжения «Одного пояса, одного пути» и Евразийского экономического союза, выступать инициаторами развития делового сотрудничества, расширять и развивать китайско-российскую народную дипломатию, укреплять социальную базу китайско-российских отношений практического всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Торжественная часть вечера закончилась выступлением председателя Общества российско-китайской дружбы Д.Ф. Мезенцева, выразившего благодарность главам России и Китая за теплые приветственные послания в адрес ОРКД по случаю 60-летнего юбилея.

Торжества в Большом театре завершились в тот памятный вечер блистательным концертом Академического ансамбля песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова, с которым ОРКД на протяжении многих лет поддерживает дружеские контакты.

По инициативе наших китайских партнеров 60-летие Общества российско-китайской дружбы торжественно отмечалось и в Китае. Для участия в юбилейных мероприятиях в Пекин была приглашена делегация ОРКД во главе с Д.Ф. Мезенцевым.

В торжественном приеме в Актовом зале Китайского народного общества дружбы с заграницей приняли участие известные государственные и общественные деятели КНР, представители культуры, науки и китайского бизнеса, поддерживающие активные контакты с российскими партнерами, а также руководители КНОДЗ и ОКРД, на протяжении многих лет принимавшие личное участие в деятельности Общества и имеющие давние и хорошие отношения с первым заместителем председателя ОРКД Г.В. Куликовой и другими руководителями и активистами Общества.

Выступая на торжественном приеме, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР А.И. Денисов отметил интересный факт. Передовица «Правды» 30 октября 1957 г. вышла с подзаголовком, который и сегодня, спустя 60 лет, не утратил, по словам посла, своей актуальности: «Братский привет великому китайскому народу — строителю социализма! Да здравствует нерушимая дружба и сотрудничество советского и китайского народов — могучей опоры мира во всем мире».

Проведение 29 октября 1957 г. в Большом актовом зале Государственной консерватории им. П.И. Чайковского учредительного собрания по созданию Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) отражало давние многолетние симпатии народов нашей страны к Китаю и готовность внести свой вклад в развитие всестороннего сотрудничества с народом, строящим новую жизнь на древней китайской земле.

Газета «Жэньминь жибао», комментируя это событие, назвала создание Общества «новым звеном во всестороннем сотрудничестве советского и китайского народов».

Первым председателем ОСКД стал известный государственный и общественный деятель, член Президиума Верховного Совета СССР — Андрей Андреевич Андреев.

В правление Общества, избранного на учредительной конференции в составе 50 человек, вошли видные государственные деятели, деятели науки и культуры. При ОСКД было создано семь секций, в работе которых участвовали более 250 представителей различных слоев советской общественности.

Вскоре ОСКД превратилось в массовую представительную организацию советской общественности, отделения которой были созданы в союзных республиках, краях и крупных городах нашей страны. 400 промышленных предприятий, научных и культурных учреждений, вузов и школ вошли в состав Общества на правах коллективных членов.

Деятельность ОСКД координировал Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Деятельность ССОД и обществ дружбы, в том числе ОСКД, финансировалась за счет средств государственного бюджета. В распоряжение ССОД был предоставлен Дом дружбы с народами зарубежных стран. Для обеспечения информационной деятельности при ССОД был создан фотокомбинат, готовивший фотовыставки о различных сторонах жизни СССР и освещавший деятельность обществ дружбы.

ОСКД установило и активно развивало контакты с Обществом китайско-советской дружбы (ОКСД), также первым в Китае обществом дружбы с народами зарубежных стран, созданным 5 октября 1949 г. — на четвертый день после провозглашения КНР. ОКСД возглавил Лю Шаоци — член Политбюро, секретарь ЦК КПК. В 1954 г. председателем ОКСД стала Сун Цинлин.

В первое десятилетие существования КНР ОКСД развернуло всенародную кампанию по мобилизации китайской общественности на поддержку курса дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

ОСКД, в свою очередь, активизировало мероприятия по ознакомлению советской общественности с историей и культурой Китая, героической борьбой китайского народа за победу революции, той огромной помощью и поддержкой, которую наша страна оказывала Китаю в достижении победы в революционной борьбе, а также борьбе против японской агрессии.

Деятельность ОСКД и наших китайских партнеров расширилась после подписания в Москве 12 ноября 1959 г. Соглашения о сотрудничестве ССОД, ОСКД и ОКСД. Соглашение содействовало установлению непосредственных контактов между отделениями ОСКД в союзных республиках, краях, областях и городах, а также трудовых коллективах нашей страны с отделениями ОКСД в провинциях и городах Китая, с китайскими предприятиями и учреждениями.

В период с октября 1957 по 1967 г. в нашей стране по линии ОСКД была проведена не одна сотня различных мероприятий, принято из КНР и направлено в Китай более ста делегаций представителей различных слоев общественности двух стран.

Деятельность ОСКД и ОКСД в первое десятилетие после их создания содействовала тому, чтобы народы Китая и Советского Союза лучше узнали друг друга, и внесла определенный вклад в укрепление добрососедских отношений.

Однако серьезные осложнения в советско-китайских отношениях, возникшие с начала 60-х годов прошлого столетия, негативно сказались на двусторонних общественных связях. Начиная с 1964 г. китайские партнеры резко сократили обмены делегациями, а с 1967 г. практически свернули свою деятельность и прекратили все контакты с ОСКД.

В тот период деятельность ОСКД приобрела особое значение.

В условиях отсутствия контактов с китайскими партнерами ОСКД вынуждено было изменить форму своей работы, оставляя неизменным ее содержание.

29 января 1969 г., в самый разгар так называемой «культурной революции» в Китае, в Москве была проведена II Всесоюзная конференция ОСКД.

В принятом постановлении конференция заявила о том, что главной задачей своей деятельности «считает содействие сохранению, развитию и укреплению дружбы и сотрудничества между народами наших стран; широкому ознакомлению советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой, способствуя тем самым воспитанию уважения к китайскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации; проведение мероприятий, воскресающих немеркнущие страницы совместной борьбы против фашистской Германии и милитаристской Японии».

Конференция постановила, что руководящим органом Общества будет Центральное правление. Его председателем вновь стал А.А. Андреев, а заместителями — член-корреспондент АН СССР С.Л. Тихвинский, первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС О.Б. Рахманин, вице-президент АН СССР Л.М. Румянцев, Маршал Советского Союза В.И. Чуйков.

Очередные итоги деятельности ОСКД были подведены на состоявшейся в Москве 17 февраля 1978 г. III Всесоюзной конференции общества.

В отчетном докладе заместитель председателя Центрального правления ОСКД С.Л. Тихвинский сообщил, что со времени II Всесоюзной конференции в СССР было проведено более 150 различных мероприятий, посвященных важнейшим событиям революционной борьбы китайского народа, выдающимся деятелям национально-освободительного и революционного движения, всемирно известным деятелям китайской литературы и искусства, знаменательным вехам советско-китайских отношений. От имени советской общественности конференция заявила о готовности ОСКД возобновить контакты с ОКСД на основании Соглашения от 12 ноября 1959 г.

Инициатива советской стороны по восстановлению контактов с китайскими партнерами была вновь подтверждена в 1982 г., когда отмечалось 25-летие ОСКД. В Пекин в адрес ОКСД было направлено приглашение принять участие в мероприятии в Москве. Однако делегация ОКСД в Москву не прибыла. Присутствовавший на юбилейном вечере Посол КНР в СССР Ян Шоучжэн огласил приветствие ОКСД — первое после большого перерыва официальное послание китайских партнеров, в котором отмечалась «благородная деятельность ОСКД, направленная на расширение взаимопонимания, укрепление дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами».

В октябре 1983 г. ОКСД впервые после 18-летнего перерыва пригласило в Китай делегацию ОСКД. Делегация во главе с первым заместителем председателя ОСКД академиком С.Л. Тихвинским была тепло принята в Китае. А в ноябре 1983 г. по приглашению ОСКД Советский Союз посетил делегация ОКСД во главе с Лян Шуфэнь — вице-губернатором и заместителем председателя ОКСД провинции Хубэй. Этот обмен убедил его советских и китайских участников, в том, что у народов наших стран не только сохрани-

лись теплые чувства друг к другу, но проявилась готовность возобновить дружеские контакты и связи.

Таким образом, активная деятельность ОСКД в непростой для двусторонних межгосударственных отношений период стала наглядным подтверждением роли народной дипломатии в восстановлении двусторонних советско-китайских отношений.

25 ноября 1986 г. в Москве была проведена IV Всесоюзная конференция ОСКД, подтвердившая курс на расширение и укрепление дружественных связей и сотрудничества с ОКСД. На конференции председателем ОСКД был избран ректор Дипломатической академии МИД СССР академик АН СССР С.Л. Тихвинский. Первыми заместителями председателя ОСКД стали директор Института Дальнего Востока, член корреспондент АН СССР М.Л. Титаренко и член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР О.Б. Рахманин.

29 октября 1987 г. ОСКД отмечало свой 30-летний юбилей.

В отчетном докладе председателя Общества академика С.Л. Тихвинского сообщалось, что за период с 1967 по 1987 г. в нашей стране было проведено 300 мероприятий, посвященных различным сторонам жизни Китая и советско-китайских отношений. ОСКД, продолжавшее активно работать даже в годы «культурной революции», не только помогло сблизить взаимные теплые чувства народов двух стран, но стало своего рода центром, сплотившим вокруг себя всех представителей советской общественности, кому было дорого дело дружбы с китайским народом.

На собрании было оглашено приветственное послание председателя ОКСД У Сюцюаня, в котором говорилось о том, что в Китае высоко ценят деятельность ОСКД, которое за 30 лет проделало большую работу по укреплению взаимопонимания и дружбы между народами Китая и Советского Союза.

1987 год вписал новые яркие страницы в летопись двусторонних советско-китайских общественных связей. В Москву по приглашению Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР была приглашена делегация КНОДЗ во главе с его председателем Чжан Вэньцзином для участия в мероприятиях, посвященных 70-летию Великой октябрьской социалистической революции. Прием делегации был возложен на ССОД и ОСКД.

В июле 1988 г. по приглашению ССОД нашу страну посетила делегация ОКСД во главе с его председателем У Сюцюанем, а в октябре 1988 г. по приглашению китайской стороны в Китай выезжала делегация ССОД и ОСКД во главе с председателем Президиума ССОД В.В. Терешковой и С.Л. Тихвинским.

Важным событием, содействовавшим дальнейшему развитию советско-китайских межгосударственных и общественных связей, стал визит в нашу страну в апреле 1990 г. премьер-министра Госсовета КНР Ли Пэна, а в мае 1991 г. Генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Цзян Цзэминя. Во время визитов в нашу страну китайских руководителей по их инициативе состоялись их встречи с руководителями и активистами ОСКД, что явилось подтверждением признания в Китае вклада ОСКД в восстановление советско-китайских общественных связей и нормализацию межгосударственных отношений.

Наступил 1991 г. Не стало Советского Союза. Перестал существовать ССОД. Входящие в его состав 85 обществ дружбы с народами зарубежных стран, в том числе и первое из них — ОСКД, лишились штатных работников и должны были существовать, опираясь на собственные силы и средства.

В переломные 90-е годы прошлого столетия народная дипломатия снова доказала свою востребованность.

Благодаря энергичной деятельности ОСКД во главе с первым заместителем председателя, директором ИДВ АН СССР академиком М.Л. Титаренко, активной позиции коллектива Института, самоотверженным усилиям энтузиастов ОСКД, решительной

инициативности представителя ССОД-ОСКД Г.В. Куликовой, с декабря 1989 г. работавшей в Китае в Посольстве СССР в должности советника и поддержанной китайскими партнерами, ОСКД не только не прекратило свою деятельность, но, получив безвозмездно помещение в ИДВ, стало искать и находить новые методы активизации своей работы.

В январе 1992 г. в ходе V отчетно-выборной конференции в Москве ОСКД было переименовано в Общество российско-китайской дружбы (ОРКД). В Пекине нашим партнером стало Общество китайско-российской дружбы (ОКРД).

3 апреля 1998 г. в Москве состоялась VI Всероссийская конференция ОРКД, на которой председателем Общества был избран директор ИДВ РАН, член-корреспондент РАН М.Л. Титаренко. Академик С.Л. Тихвинский, многие годы возглавлявший ОРКД, стал почетным председателем ОРКД. Первыми заместителями председателя были названы: В.И. Иванов — руководитель группы ветеранов в составе Центрального правления ОРКД и Г.В. Куликова — представитель ОРКД и Росзарубежцентра (преемника ССОД) в Китае.

16 июля 2001 г. в Москве состоялось историческое событие — был подписан Договор добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, закрепивший концепцию «вечной дружбы и отсутствия вражды» между нашими странами. В этих новых условиях ОРКД поставило перед собой задачу не только расширить массовую базу, но и активизировать свою деятельность.

В ее решении приняли участие существовавшие к тому времени региональные отделения ОРКД в Санкт-Петербурге, Приморском, Хабаровском и Алтайском краях, Республике Саха-Якутия, Республике Марий-Эл, Карелии, Свердловской, Амурской, Иркутской, Читинской и Новосибирской областях, в Еврейской автономной области, Курске, Перми и Орле.

Итоги этой деятельности были подведены на состоявшейся в Москве 24 апреля 2003 г. VII отчетно-выборной конференции ОРКД.

Отметив важную роль народной дипломатии в восстановлении российско-китайских общественных связей, конференция поставила задачу дальнейшего развития социальной базы российско-китайских отношений путем совершенствования разносторонних связей и контактов, делового сотрудничества между гражданами, их общественными объединениями и регионами как в России, так и в Китае.

Начиная с 2006 г. ОРКД активно участвовало в крупномасштабных акциях, инициаторами которых были главы государств России и Китая — таких, как Национальные и Языковые годы, Годы туризма, Годы молодежных обменов и Годы СМИ.

Только в Москве в период 2003–2010 гг. по линии ОРКД ежегодно проводилось до 40 различных мероприятий.

ОРКД продолжало выступать инициатором и организатором торжественных собраний, посвященных годовщинам образования КНР и российско-китайских дипломатических отношений, Российско-Китайского Договора, годовщинам победы советского народа в Великой Отечественной войне и китайского народа в Войне сопротивления японским агрессорам, годовщинам создания организаций дружбы.

Итоги этой деятельности были подведены на состоявшейся в Москве в декабре 2010 г. VIII отчетно-выборной конференции ОРКД. В отчетном докладе председателя ОРКД академика М.Л. Титаренко говорилось об участии ОРКД и ОКРД в торжественных мероприятиях, посвященных юбилейным и памятным датам из истории КНР и российско-китайских отношений.

Для участия в торжествах, посвященных 60-летию КНР, 60-летию двусторонних дипломатических отношений и 60-летию юбилею ОКРД в Пекин была приглашена делегация ОРКД. Результатом юбилейных мероприятий стало подписание первого за всю историю контактов Совместного заявления ОРКД и ОКРД, в котором были обобщены итоги сотрудничества организаций дружбы двух стран.

В докладе М.Л. Титаренко говорилось также о том, что за отчетный период Обществом было проведено более 200 мероприятий, посвященных юбилейным и памятным датам из жизни китайских государственных и общественных деятелей, деятелей литературы и искусства. М.Л. Титаренко сообщил, что в 2007 г., когда отмечался 50-летний юбилей ОРКД, высокая оценка деятельности Общества была дана в приветственных посланиях Президента РФ В.В. Путина, министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, а также представителей китайской стороны. Народная дипломатия во многом помогла сблизить традиционные добрые чувства жителей России и Китая друг к другу, способствовала нормализации межгосударственных связей, подъему их до уровня доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

За участие ОРКД в подготовке и проведении Национальных годов Президент РФ В.В. Путин награждал председателя ОРКД и его первого заместителя почетными грамотами. В дни визита в Москву премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао вручил правительственные грамоты «За вклад в распространение китайского языка и культуры» ряду руководителей ОРКД, в том числе первому заместителю председателя Общества Г.В. Куликовой.

На VIII отчетно-выборной конференции ОРКД в Москве 6 декабря 2010 г. директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко был переизбран председателем Общества, академик С.Л. Тихвинский — почетным председателем ОРКД; Г.В. Куликова и В.И. Иванов — первыми заместителями председателя ОРКД.

2011 год был ознаменован высоким признанием вклада российской науки в развитие российско-китайских отношений. Создателям фундаментального труда «Энциклопедия духовной культуры Китая» — академику М.Л. Титаренко, докторам философских наук А.Е. Лукьянову и А.И. Кобзеву была присуждена Государственная премия Российской Федерации за выдающийся вклад в развитие отечественного и мирового Китаеведения, подготовку и издание академической энциклопедии.

В 2012 г. в Москве и Пекине отмечалась 55-я годовщина создания ОРКД. Состоялась торжественная презентация книги Г.В. Куликовой «Россия — Китай. Народная дипломатия», рассказывающей об истории создания и деятельности ОРКД и ОКРД, их важной роли «каналов народной дипломатии» в становлении, восстановлении и развитии российско-китайских отношений.

По словам почетного председателя ОРКД академика С.Л. Тихвинского, сказанным на презентации книги в Москве, «55-летняя история ОРКД — это история самоотверженного служения тысяч и тысяч энтузиастов нашей страны идеалам дружбы двух великих народов, вдохновляемых уверенностью в исторической необходимости добрососедства, дружбы и сотрудничества между великими государствами и народами для судеб наших стран».

Важным событием в истории российско-китайских отношений стал 2014 год — год 65-летия КНР, 65-летия российско-китайских отношений и 65-летия ОКРД. Эти даты были торжественно отмечены в Пекине и в Москве.

В 2015 г. деятельность ОРКД была направлена на подготовку и проведение мероприятий, посвященных 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и китайского народа в борьбе против японских агрессоров.

По инициативе ОРКД и ИДВ РАН 5–6 мая в Москве была проведена международная конференция на тему «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне», в которой приняли участие 150 российских и китайских ученых, а также делегация ОКРД во главе с его председателем Чэнь Юанем. Своими посланиями конференцию приветствовали Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин.

Особое значение деятельность ОРКД приобрела в 2016 г., когда с участием Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В.В. Путина в Китае и в России отмечались такие даты, как 20-летие с момента провозглашения Россией и Китаем курса

на развитие отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, и 15-летие со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

Для участия в праздновании этих дат в Китай 25 июня 2016 г. с официальным визитом прибыл Президент РФ В.В. Путин. В ходе визита, высоких встреч и переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином, председателем ПК ВСНП Чжан Дэцзяном и премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном стороны провозгласили стратегическую программу развития двусторонних отношений и обнародовали Совместное заявление РФ и КНР.

Программа официального визита в Китай Президента В.В. Путина завершилась торжественным собранием, посвященным 15-й годовщине со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. В своих выступлениях В.В. Путин и Си Цзиньпин высоко оценили Договор как не только отвечающий коренным интересам наших народов, задачам долговременного развития двух государств, но и служащий фактором региональной и глобальной безопасности и стабильности.

В торжественных мероприятиях в Пекине по приглашению КНОДЗ — ОКРД участвовала делегация ОКРД, являвшаяся единственной представительницей российской общественности на этих торжествах.

15-я годовщина Российско-Китайского Договора была торжественно отмечена и в Москве. По инициативе ОКРД и ИДВ РАН в Актовом зале Государственного университета управления — коллективного члена ОКРД, 16 июля было проведено торжественное собрание общественности Москвы с участием представителей Республик Татарстан, Дагестан, Чеченской Республики, городов Нижнего Новгорода и Тулы.

За период 2010–2016 гг. ОКРД провело в Москве множество различных мероприятий, посвященных различным сторонам жизни Китая и России и российско-китайских отношений.

Только в течение 2016 г. ОКРД совместно с ИДВ РАН посвятило свои мероприятия 67-й годовщине КНР, 95-летию КПК, 150-летию со дня рождения великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, юбилейным датам маршалов Хэ Луна и Чжу Дэ, а также писателей Мао Дуня, Гао Мана, поэта Сяо Саня.

ОКРД традиционно продолжало участвовать в российско-китайских молодежных обменах. В течение последних лет в Москву по приглашению ОКРД приезжали детские художественные коллективы из провинций Хубэй, Хэбэй, Шаньдун, Чжэцзян, Гуйчжоу, Юньнань и других для участия в Московском международном фестивале-конкурсе детского и юношеского художественного творчества «Открытая Европа — Открытая планета». В то же время российские детские художественные коллективы направлялись нашим Обществом в Китай для участия в различных детских и юношеских фестивалях.

Большое внимание в деятельности ОКРД всегда уделялось работе с вузами, студенческой и школьной молодежью. Мы содействуем ее контактам с китайскими ровесниками, участвуем в организации и проведении конкурсов на лучшее знание китайского языка.

Свою деятельность в 2016 г. ОКРД начало с проведения 25 января торжественного собрания, посвященного 100-летию со дня рождения Ху Яобана — видного государственного и партийного деятеля КНР, друга нашей страны.

В собрании, которое открыл председатель ОКРД академик М.Л. Титаренко, участвовали дипломатические сотрудники Посольства КНР в РФ во главе с Послом Ли Хуэем, который в своем выступлении выразил глубокую благодарность организаторам за проведение в год 95-летия КПК собрания, посвященного 100-летию Ху Яобана — одного из известнейших китайских коммунистов, патриота своей Родины, настоящего борца за ее развитие, процветание и благополучие, человека, на всех этапах своей жизни выступавшего за дружбу и сотрудничество с российским народом.

Поблагодарив Посла КНР за выступление, М.Л. Титаренко сказал:

«Наше торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Ху Яобана — видного государственного и политического деятеля Китая, всегда активно выступавшего за дружбу и сотрудничество между нашими странами и народами, призывает нас к тому, чтобы как зеницу ока беречь, развивать и преумножать традиции дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами. Если ты патриот, любишь свою Родину, желаешь ей дальнейших успехов, ты должен знать, что добрососедство, дружба и сотрудничество с нашим великим соседом Китаем, успешное развитие российско-китайских отношений, является залогом наших успехов, залогом нашего движения вперед. Укрепление дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами — это долг каждого россиянина, любящего свою Родину и заботящегося о ее процветании. Именно эти задачи стоят сегодня перед ОРКД в его повседневной деятельности».

25 февраля 2016 г. М.Л. Титаренко не стало. Ушел из жизни выдающийся ученый-востоковед и китаевед, глубокий знаток китайской философии и культуры, лауреат Государственной премии, в течение почти 30 лет возглавлявший ИДВ РАН и ОРКД.

Слова председателя ОРКД академика М.Л. Титаренко, сказанные 25 января 2016 г., стали своего рода завещанием для всех тех, кто вместе с ним в течение многих лет участвовал и продолжает участвовать в деятельности ОРКД во имя взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами.

6 июня 2016 г. на внеочередном заседании Центрального правления ОРКД новым председателем Общества был единогласно избран Дмитрий Федорович Мезенцев — член Совета Федерации ФС РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Поблагодарив участников заседания за оказанное доверие, Д.Ф. Мезенцев сказал, что ОРКД будет формировать свои задачи «с учетом того уникального уровня стратегического партнерства, авторами которого являются Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин. При этом он подчеркнул, что ОРКД будет находить такие формы взаимодействия между миллионами граждан наших стран, которые будут рассказывать жителям Китая о России, а в России — о Китае; содействовать развитию практических отношений в формате «регион — регион», поддерживать отношения профессиональных организаций, представителей различных уровней бизнеса.

Наступил 2017 год — год 60-летнего юбилея ОРКД.

Планом работы Общества на этот год предусматривалось проведение большого количества мероприятий, посвященных юбилейным и памятным датам КНР и наших двусторонних отношений.

Несмотря на большой объем повседневной работы, главное внимание в деятельности Общества в 2017 г. было сосредоточено на подготовке к проведению мероприятий, посвященных 60-летию ОРКД.

С 10 по 14 апреля 2017 г. делегация ОРКД во главе с председателем Д.Ф. Мезенцевым посетила Пекин. Целью поездки было обсуждение с китайскими коллегами мероприятий, связанных с предстоящим 60-летием ОРКД, а также информирование китайской стороны о новых задачах, которые Общество ставит перед собой.

На встречах с Гуй Цунью — руководителем Департамента по делам Европы и Азии МИД КНР, а также с председателем ОКРД, заместителем председателя ВК НПКСК Чэнь Юанем и заместителем председателя КНОДЗ и ОКРД Сун Цзинью Д.Ф. Мезенцев представил свои предложения по подготовке фотоальбома о регионах России и Китая на русском и китайском языках в целях расширения межрегионального сотрудничества; книги для подростков, которая в литературной и художественной формах могла бы познакомить молодое поколение наших стран с главными и наиболее важными событиями в истории России и Китая, а также сборника, в котором ведущие специалисты и ученые двух стран изложили бы свое видение проблем, стоящих перед Россией и Китаем в области социально-экономического развития и по актуальным вопросам

международной политики. Было высказано предложение о необходимости расширения сотрудничества Обществ дружбы с государственными туристическими организациями.

Китайская сторона с интересом отнеслась к вышеперечисленным предложениям нового председателя ОРКД, назвав их наглядным подтверждением активизации участия Общества не только в гуманитарном, но и двустороннем деловом и межрегиональном сотрудничестве.

В качестве одного из стартовых мероприятий в преддверии юбилея ОРКД, посвященных расширению контактов Общества с регионами и содействию активизации их сотрудничества с китайскими партнерами, стала успешно прошедшая 19 апреля 2017 г. в Москве встреча председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко и председателя ПК ВСНП Чжан Дэцзяна с представителями ОРКД.

В ней участвовали руководители ОРКД во главе с его председателем, членом Совета Федерации Д.Ф. Мезенцевым и члены Центрального правления ОРКД.

Открывая встречу, Д.Ф. Мезенцев сказал: «Сегодня представители Общества, люди, много лет вкладывающие свою душу, труд, сердце в систему общественных связей, губернаторы ряда регионов, руководители МИД РФ, руководство парламентов имеют возможность доложить В.И. Матвиенко и Чжан Дэцзяну о тех планах, заботах и перспективах, которые они видят в соотнесении своей деятельности с той единой комплексной задачей, которую ставят Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин».

После вступительного слова Д.Ф. Мезенцева перед участниками встречи выступила председатель Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко, высоко оценившая деятельность ОРКД со времени создания и поддерживавшая задачи, которые Общество намерено реализовывать.

Затем к собравшимся обратился председатель ПК ВСНП Чжан Дэцзян.

«На протяжении многих лет Общество российско-китайской дружбы и присутствующие на встрече его представители прилагали большие усилия к развитию китайско-российских отношений и укреплению нашего взаимодоверия. Хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы выразить всем вам благодарность от имени народа и правительства Китая за вашу работу», — отметил Чжан Дэцзян.

В заключение он сказал: «Текущий год ознаменован 60-летним юбилеем ОРКД. В китайском циклическом календаре 60 лет знаменуют новый исторический старт. Я хотел бы от всей души пожелать новых успехов Обществу российско-китайской дружбы в его деятельности во имя того, чтобы наши народы лучше знали и понимали друг друга в целях создания еще более прочной основы всесторонних китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия».

После встречи в Совете Федерации с представителями ОРКД, губернаторами, руководителями законодательных собраний ряда регионов и мэрами городов, Председатель ПК ВСНП Чжан Дэцзян был принят в Кремле Президентом РФ В.В. Путиным.

Принимая высокого китайского гостя, В.В. Путин подчеркнул, что «стратегические отношения с Китаем в значительной степени подкрепляются и деятельностью по линии межпарламентских связей. Кроме того, в парламенте Китая патронируют, поддерживают деятельность Общества российско-китайской дружбы, которому в этом году исполняется 60 лет». Внимание главы российского государства к юбилею Общества явилось свидетельством его уважения к истории Общества, в деятельности которого участвовали и участвуют многие тысячи россиян.

14–15 мая 2017 г. в Пекине был проведен Форум международного сотрудничества «Один пояс, один путь». Президент РФ В.В. Путин был главным гостем на этом форуме. Во время встречи 14 мая с В.В. Путиным Председатель КНР Си Цзиньпин отметил: «В этом году мы отмечаем 60-летие Общества российско-китайской дружбы. Стороны разрабатывают и реализуют планы по проведению разнообразных праздничных меро-

приятий. Это позволит укрепить не только дружбу и взаимопонимание между народами, но и общественную основу российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия».

29–30 мая по приглашению главы Российского совета по международным делам И.С. Иванова Общество российско-китайской дружбы выступило соорганизатором конференции «Россия — Китай: к новому качеству двусторонних отношений».

Конференция открылась выступлением председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко, которое было воспринято участниками как свидетельство возрастающей роли межпарламентских связей в системе российско-китайских отношений и поддержки парламентами двух стран народной дипломатии.

На одном из заседаний конференции обсуждалась проблематика гуманитарного сотрудничества и отношений субъектов РФ и провинций КНР. На этом заседании выступили председатель ОРКД Д.Ф. Мезенцев и заместитель председателя ОКРД Сун Цзинью. Руководители организаций дружбы высказались за необходимость расширения сотрудничества между субъектами РФ и провинциями КНР, привлечения к этому сотрудничеству молодежи.

По приглашению Президента В.В. Путина Председатель КНР Си Цзиньпин 3–4 июля 2017 г. посетил Москву с официальным визитом.

В рамках официального визита Председателя КНР в Россию лидеры двух государств провели в Андреевском зале Кремля встречу с представителями общественных организаций, деловых кругов и медиасообществ двух стран.

От Общества российско-китайской дружбы в этой встрече участвовали его председатель Д.Ф. Мезенцев и директор ИДВ РАН, первый заместитель председателя Общества С.Г. Лузянин.

На встрече В.В. Путин и Си Цзиньпин, наряду с высокой оценкой вклада Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития в укрепление дружбы и взаимопонимания между нашими странами и народами, отметили важную роль Общества российско-китайской дружбы в развитии двусторонних отношений.

«Активно работает на ниве народной дипломатии Общество российско-китайской дружбы, — сказал В.В. Путин. Оно стало правопреемником основанного в далеком 1957 году Общества советско-китайской дружбы и все 60 лет своего существования посвятило углублению дружеских связей между гражданами двух стран. Сплачивало вокруг себя всех тех, кому дороги близкие отношения с нашим великим соседом, тех, кто любит и уважает богатое наследие, историю и культуру китайского народа. Сегодня Общество — инициатор и организатор многих крупных совместных акций, ведет активную работу по укреплению молодежных связей, способствует развитию сотрудничества между регионами России и Китая».

«В этом году исполняется 60 лет со дня создания Общества российско-китайской дружбы. На протяжении долгих лет Общество российско-китайской дружбы в духе дружбы к Китаю собрало целый ряд активистов разных кругов общества, неуклонно продвигает российско-китайское сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической, образовательной, культурной сферах, по линии молодежи и регионов, сыграло незаменимую роль в укреплении общественной и народной базы нашей дружбы», — подчеркнул Председатель КНР Си Цзиньпин.

Выступление глав России и Китая и высокая оценка, которую они дали деятельности ОРКД, явились подтверждением признания роли народной дипломатии в расширении и укреплении социальной базы российско-китайских отношений. Эти высокие оценки вдохновляют, придают большую позитивную энергию дальнейшей деятельности ОРКД.

В интервью, опубликованном в июльском номере журнала «Китай» за 2017 г., председатель ОРКД, член Совета Федерации ФС РФ Д.Ф. Мезенцев изложил свое мне-

ние по поводу того, как должно работать Общество российско-китайской дружбы в современных условиях.

«Сейчас, когда ОРКД готовится к 60-летию, — сказал Д.Ф. Мезенцев, — для нас важно еще раз внимательно взглянуть на опыт прошлых десятилетий, приумножить достигнутые успехи, определить новые приоритеты и задачи». По словам председателя ОРКД, новое время требует нового подхода к работе. А это означает и другой уровень межрегионального взаимодействия, более масштабные молодежные обмены, более активную поддержку бизнеса и т.д.

Итак, задачи на будущее поставлены.

В настоящее время Общество российско-китайской дружбы готовится к проведению IX Всероссийской конференции ОРКД, на которой будет принят новый устав Общества, избраны члены Центрального правления ОРКД, определены задачи на предстоящее пятилетие, заключающиеся в реализации целей, намеченных главами наших государств.

Общество российско-китайской дружбы будет и дальше основываться на положительном опыте прошлых лет, выступать инициатором развития двустороннего межрегионального сотрудничества, продолжателем и популяризатором дела дружбы, содействовать лучшему знанию друг о друге, способствовать большему взаимопониманию между народами, будет укреплять социальную базу российско-китайских отношений, активно содействовать привлечению молодежи к деятельности ОРКД в целях передачи эстафеты дружбы из поколения в поколение.

ОРКД как один из активных каналов народной дипломатии, будет и впредь содействовать дальнейшему всестороннему развитию российско-китайских отношений в интересах наших стран и народов во имя того, чтобы мы всегда оставались « добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами», и проводить в жизнь концепцию «навекы друзья и никогда враги».

XIX съезд КПК

Круглый стол в ИДВ РАН

«XIX съезд Коммунистической партии Китая и российско-китайские отношения»

С 18 по 24 октября 2017 г. в КНР проходил XIX съезд Коммунистической партии Китая, который, как подчеркивали китайские СМИ, носил «открытый» и «глобальный» характер: его освещали более 3600 журналистов из 134 стран и территорий мира. Идея «всестороннего освещения» этого события преподносилась в КНР как трансляция «голо-са Китая» всему миру и разъяснение «будущего плана развития страны».

8 ноября 2017 г. Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН был организован Круглый стол «XIX съезд Коммунистической партии Китая и российско-китайские отношения», в работе которого приняли участие ведущие специалисты Института и других научно-образовательных учреждений.

Состоявшееся в ходе Круглого стола откровенное обсуждение проблем российско-китайских отношений и внешней политики Китая в контексте решений XIX съезда КПК показало, что отношения с КНР сегодня являются главным направлением внешней политики РФ, а Китай — ведущим партнером России в экономической и политической областях.

Вместе с тем происходящее в последние несколько лет определенное «приукрашивание» состояния и характера российско-китайских отношений мешает видеть существующие проблемы и находить пути и возможности для их решения. Попытка представить отношения РФ и КНР исключительно в безоблачном свете отнюдь не способствует их развитию в направлении долгосрочного сотрудничества.

Ниже следует основное содержание выступлений участников Круглого стола.

С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., директор ИДВ РАН:

Для КНР 2017 год стал, как известно, годом XIX съезда КПК и основных идей компартии по углублению и дальнейшему продвижению модели «социализма с китайской спецификой», включая внешнеполитическую часть. Очевидно, что ряд официальных определений и понятий из китайской внешнеполитической лексики 2016 г. и более раннего периода («четыре содействия», «взаимный выигрыш», «совместное развитие» и др.) плавно трансформировались в повестку этого года.

Важным моментом на съезде стал отчет Председателя КНР Си Цзиньпина о работе по реализации за последние пять лет инициативы «Один пояс, один путь». Одновре-

менно руководитель КНР «презентовал» для китайского и международного сообщества относительно новую идею «сообщества единой судьбы», которая до съезда им неоднократно озвучивалась.

Начиная с 2013 г. Си Цзиньпин выступал с идеей создания «сообщества единой судьбы», адресовал ее Африке, Латинской Америке, АСЕАН, а также сопредельным странам в целом («азиатское сообщество судьбы», «азиатско-африканское сообщество судьбы», «сообщество судьбы Китая и АСЕАН»). Одной из недавних вариаций на эту тему стала идея «сообщества судьбы ядерной безопасности». В этих формулировках акцент делается на равноправии, взаимных консультациях о правилах взаимодействия, стремлении к партнерским отношениям, к открытости, инклюзивности, признании многообразия культур и путей развития. Из китайских публикаций можно сделать вывод, что «сообщество единой судьбы» означает создание механизмов взаимодействия, предполагающих общую ответственность, формирование комплексного сотрудничества в политике, экономике и культуре.

Принципиально важным в этой идее является констатация, что ни одна большая держава не может навязывать любым другим государствам свои внутренние ценности¹. Современная политика, к сожалению, знает массу примеров, когда США и ряд других стран — союзников Америки, под предлогом тех или иных «гуманитарных акций» силой навязывали свое понимание «справедливости и ценностей», например, Ираку. Ливии и др.

Понятно, что объявленная идея нуждается в экспертном «наполнении» и развитии. В частности, просматривается исследование возможностей и выявление препятствий в процессе взаимодействия китайской и других сопредельных цивилизаций, перспектива формирования евразийского сообщества («Большой Евразии») в рамках сближения различных инициатив и проектов КНР, РФ, Казахстана и других государств континента.

Традиционный подход во внешней политике КНР, сформировавшийся, как известно, еще в эпоху правления Дэн Сяопина, базировался на принципе «проявлять скромность и держаться в тени». Сегодня речь идет о новых подходах во внутренней и внешней политике, подтвержденных XIX съездом КПК: радикальной перекройке экономических механизмов роста, переходе к активной, наступательной политике по отстаиванию своих национальных интересов и позиционированию в мире в качестве новой растущей большой державы.

Ключевой идеей съезда стал тезис о «подъеме китайской нации». Китайское национальное возрождение, на наш взгляд, процесс непростой, таящий для самих китайцев и большие возможности, и ряд потенциальных вызовов. Главный вызов — это вовремя отделять рост здорового патриотизма от элементов национализма. Учитывая наличие в ряде западных стран так называемой теории китайской угрозы, руководству КНР придется очень внимательно наблюдать и пресекать возможные негативные настроения.

Китайским руководством достаточно четко сформулированы цели и мотивация развития: к 100-летию юбилею КПК (2021 г.) будет построено общество «среднего достатка», а к 100-летию КНР (2049 г.) — создано богатое, сильное, модернизированное государство. Таким образом, нынешним, пятым поколением руководителей Китая под руководством Председателя Си Цзиньпина будет реализована поставленная сверхзадача — достижение великого возрождения китайской нации².

С другой стороны, КНР объективно сталкивается с различными трудностями внутреннего и внешнего характера, связанными с трансформацией экономики, переходом на новую, инновационную модель развития, сложной борьбой за чистую экологию, за энергоресурсы против демографических диспропорций. На съезде все эти проблемы были озвучены, была дана четкая и ясная стратегия их разрешения.

Развернувшаяся после XIX съезда КПК дискуссия в экспертном сообществе по поводу интерпретации проблемы международной «глобальной ответственности» выявила достаточно широкий спектр мнений и подходов по данной проблеме: от осторожных позиций ряда китайских и российских политологов о преждевременности реализации подобного курса до радикальных подходов — необходимости скорейшего усиления политики продвижения КНР на глобальные позиции и создания более справедливого и рационального мирового порядка.

Материалы XIX съезда КПК содержат некую установку на формирование более активной и «многослойной» китайской дипломатии, развитие отношений с крупными державами (США), странами-соседями (куда входит и Россия) и развивающимися государствами³. На XIX съезде китайское руководство фактически констатировало достижение промежуточного этапа формирования Китая как лидера нового мирового порядка. Были определены временные параметры формирования Китая как великой державы — 2050 год.

Скорее всего, это несколько завышенные сроки. На самом деле КНР уже вошла в большую геополитику и через 10–15 лет (если не произойдет форс-мажорных ситуаций в мире или в самом Китае) выйдет в абсолютные лидеры мирового сообщества. Китайское руководство, отойдя от традиционной стратегии выжидания и осторожности, демонстрирует не только рост активности, но и некие стратегические новации.

На наш взгляд, ряд новейших внешнеполитических инициатив («Один пояс, один путь», взаимодействие с АСЕАН, деятельность в БРИКС и др.) фактически синтезируют геэкономическую и геополитику. Причем китайское руководство, не используя известные (классические) термины и отказываясь называть крупные внешние проекты геополитическими, фактически объединяет сухопутную и морскую геополитику поднимающегося Китая в единый комплекс. Подобный синтез дает возможность КНР маневрировать в широком географическом диапазоне — от евразийского пространства до Латинской Америки, Африки, южных морей и Северного морского пути. Китай вряд ли пойдет на радикальное обновление создавшегося мирового порядка. Но при этом он постепенно и мягко обновляет систему глобального управления — МВФ, ВТО, развивает БРИКС, расширяет ШОС совместно с РФ и пр.

Поставленные XIX съездом задачи превращения страны в ведущее по совокупному и экономическому потенциалу государство означают, что Китай должен будет осуществить крупнейшее в истории перераспределение мирового рынка, намного превосходящее по своим масштабам потрясения, связанные со становлением Японии и Южной Кореи в качестве крупных промышленных держав. Рост японской и южнокорейской промышленности в 1960-е — 1970-е годы привел к разрушению одних крупных отраслей промышленности в Европе и США (например, гражданского судостроения) и к затяжным кризисным явлениям в других. Выход же на подобный уровень развития страны с численностью населения в десять раз большим, чем у Японии, повлечет за собой последствия, которые потенциально могут носить катастрофический характер для старых экономических центров мира. Кроме того, для решения этой задачи Китай, уже превратившийся в крупного экспортёра капитала, должен будет превратиться и в крупнейшего мирового инвестора всех секторов экономики для обеспечения расширения доступа своих компаний на мировые рынки.

Наращивание инвестиций, в свою очередь, поставит вопрос об их защите. Накопленные прямые иностранные инвестиции Китая за рубежом, по данным China Investment Tracker, достигли 1,65 трлн долл. по состоянию на начало 2017 г.⁴ Значительная часть этих ресурсов была инвестирована в нестабильные регионы мира, такие, как Африка и Ближний Восток. Инвестиции позволяют Китаю облегчить собственный выход на важные зарубежные рынки, установить контроль над источниками сырья, решать про-

блему избыточных производственных мощностей внутри страны. Защита столь крупной бизнес-империи является нелегкой задачей, и Китай постепенно создает как политическое, так и военные возможности для ее решения.

В этих условиях принципиально важным вопросом для России становится характер нынешних отношений двух великих держав — РФ и КНР и перспективы дальнейшего стратегического взаимодействия в мировой политике, экономике и гуманитарной сфере. Суверенитет, безопасность и развитие отражают основные национальные интересы двух стран. Москва и Пекин неоднократно подчеркивали, что они с уважением относятся к праву государств на выбор пути развития и социально-политической системы, и отмечали необходимость мирного урегулирования межгосударственных споров политическими и дипломатическими средствами⁵. Россия поддерживает «политику одного Китая», признавая Тайвань его частью, и занимает схожую позицию в отношении Синьцзяна и Тибета. Россия также настаивает на неприемлемости участия третьих сил в урегулировании споров в Южно-Китайском море.

Стремясь сохранить за собой полный суверенитет в принятии решений, Россия и Китай не являются военно-политическими союзниками. Москва и Пекин действуют в сфере внешней политики самостоятельно, но не в ущерб национальным интересам партнера. Суть таких отношений — углубленная координация политики, выработка согласованной позиции по поводу строительства нового, более эффективного и справедливого миропорядка, укрепления стратегической стабильности, урегулирования кризисных и конфликтных ситуаций в различных регионах мира. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г., совпадение принципиальных подходов России и Китая к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности⁶.

Поддержание глобальной стратегической стабильности и региональной безопасности — обязанность России и Китая как мировых держав и членов Организации Объединенных Наций (ООН). На международном уровне Россия и Китай выступают против незаконного внешнего вмешательства во внутренние дела государств, навязывания социально-экономической системы и политического строя, экстерриториального применения государствами собственного национального права в нарушение международного права, односторонних санкций, выходящих за рамки согласованных в Совете Безопасности ООН и не соответствующих международно-правовым нормам. Россия и Китай содействуют развитию многополярности, выступая против односторонних действий и за укрепление центральной роли ООН в международных делах. Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстраняют ее итоги. Они осуждают попытки обеления фашизма, милитаризма и иных действий пособников трагедий войны.

Решительное противодействие международному терроризму — стратегический консенсус России и Китая. В обоих государствах совершаются террористические акты, и потому Россия и Китай заявляют о всемерном осуждении терроризма во всех его формах и проявлениях. Перед лицом угрозы «Исламского государства» и «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещены в России) Россия и Китай должны укреплять борьбу против распространения террористических и экстремистских идей, развивать обмен информацией в целях осуществления эффективного антитеррористического сотрудничества для совместного пресечения террористической активности, совместно противодействовать финансированию и материально-технической подпитке терроризма. Россия и Китай выполняют соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН и рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), нацеленные на укрепление режима выявления и пресечения каналов финансирования терро-

ристических группировок. Кроме того, оба государства выступают за начало переговоров на Конференции по разоружению в Женеве о разработке международной Конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма⁷.

А.Н. Карнеев, к.и.н., заместитель директора ИСАА МГУ:

В потоке материалов о съезде и связанных с ним в предстоящие месяцы и годы тенденциях развития Китая многие авторы справедливо отмечают, что этот партийный форум не только номинально провозгласил новый этап развития «социализма с китайской спецификой», но, вероятно, действительно стал своеобразной точкой отсчета нового периода развития КНР.

Одним из самых важных обстоятельств, мимо которого не прошел ни один комментатор, стало укрепление власти Си Цзиньпина, стремительное превращение нынешнего генсека в фигуру, равную по значимости основателю КНР Мао Цзэду и «прорабу китайских реформ» Дэн Сяопину. Почти в открытую в размышлениях партийных публицистов проскальзывает мысль о том, что два предшествующих Си Цзиньпину генсека были «слабыми лидерами». Это дополнительно высвечивает значимость и масштаб руководства с его стороны.

17 ноября 2017 г. агентство Синьхуа опубликовало редакционную статью под названием «Си Цзиньпин: лидер новой эпохи, указывающий путь вперед», в которой впервые в концентрированной форме даются формулировки того, как следует характеризовать роль нынешнего лидера Китая с учетом достижений последних пяти лет.

Несмотря на то что в западных СМИ подобные формулировки критикуются как проявление «риторики времен Мао Цзэдуна» и нарастающего «культа личности Си Цзиньпина», стоит внимательно отнестись к появлению данной статьи. Во-первых, речь, видимо, идет о своеобразном «пробном шаре», проверке реакции общества и политических элит на новую трактовку роли хозяина Чжуннаньхя. Во-вторых, публикация этой статьи позволяет более точно понять некоторые качественные отличия наступившего после XIX съезда КПК нового пятилетнего периода развития партии и государства.

В статье дается характеристика Си Цзиньпина как лидера, находящегося в самом центре эпохальных перемен, «фулевого», ведущего корабль Китая к осуществлению «великой мечты». Отмечается, что Си — это ключевой лидер «великой борьбы», которую ведет партия против коррупции и разложения в своих рядах. Подтверждением этого стало якобы ниспровержение «неприкасаемых», руководителей самого высшего эшелона, таких, как Чжоу Юнкан, Бо Силай, Го Босюн, Сюй Цайхоу, Лин Цихуа. Из числа избранных на XVIII съезде членов и кандидатов в члены ЦК КПК 43 человека за время, прошедшее после него, стали субъектами антикоррупционных расследований.

Си назван в статье «слугой народа», не покладающим рук в труде для счастья китайских граждан, который поклялся к 2020 г. «вытащить из бедности» последние 40 млн китайцев. Эта цель названа беспрецедентной в мировой истории и главным вкладом Китая в мировое развитие.

Следующий тезис статьи — беспрецедентные по масштабу реформы, главным стратегом которых выступает Си Цзиньпин. Реформы и открытость названы «ключом к определению судьбы Китая».

Указано, что Си Цзиньпин — главнокомандующий перестройки армии и национальной обороны. Выдвинутые цели в этой области предполагают «совершить скачок» — из страны с огромной армией превратиться в могучую военную державу.

Отмечены успехи внешней политики Китая. На международной арене Си выступает как авторитетный «лидер великой державы», ратующий за справедливый мировой

порядок и укрепление глобальной управляемости на основе разумных компромиссов и учета взаимных интересов.

Наконец, на основании того, что «идеи Си Цзиньпина о новой эре социализма с китайской спецификой» записаны теперь в уставе партии, делается вывод об осуществлении нового теоретического прорыва в теории марксизма и в процессе китаизации марксизма. Си Цзиньпин — «генеральный конструктор строительства в новую эпоху».

Статья завершается выводом о том, что Си Цзиньпин ведет Китай вперед в новую эпоху социализма с китайской спецификой, и эта эпоха одновременно является периодом, когда весь мир оказался на распутье в поисках новых путей и источников развития.

На данном этапе пока сложно сделать вывод о том, означают ли новые нюансы в официальной титулатуре китайского руководителя движение в сторону отхода от принципов коллегиальности или речь идет о необходимости в условиях нарастания всяческих трудностей и вызовов мобилизовать и сконцентрировать в одних руках необходимые ресурсы для решительного продвижения вперед нового этапа реформ.

Еще одна особенность — акцент на усилении борьбы с различными неблагоприятными для КПК тенденциями в идейно-политической и информационной сфере. Не секрет, что весь первый срок нахождения Си и его соратников во власти характеризовался довольно заметным ужесточением контроля за идеологической сферой, получившей определенное пространство для развития, особенно в годы Ху Цзиньтао. После прихода к власти в 2012 г. «пятого поколения» китайских руководителей последовала некоторая «подморозка» идеологической сферы: ограничения подверглись силы, выступающие за дальнейшую либерализацию политической атмосферы, и группы публицистов и политических активистов, отстаивающие «левую перспективу» развития. В частности, перед XIX съездом КПК были введены более широкие ограничительные меры в отношении разных информационных ресурсов, против независимых блогеров и других критиков правительства, практически «зачистившие поляну» от возможных проявлений критики текущей администрации с любых идейных направлений. В представлении многих людей ограничения, введенные в предшествовавший съезду период, после съезда должны ослабнуть. По крайней мере, такой алгоритм (периодическое ужесточение — ослабление ограничительных мер) стал во многом привычным для китайской образованной публики. Но эти ожидания части китайских интеллектуалов могут не оправдаться на практике.

Обращает на себя внимание заявление в газете «Жэньминь жибао» недавно назначенного руководителя Отдела пропаганды ЦК КПК Хуан Куньмина, предсказавшего на обозримую перспективу интенсификацию противоборства между так называемыми базовыми социалистическими ценностями, которые продолжает отстаивать руководство партии, и пресловутыми «универсальными ценностями», которые, по утверждению официоза, навязывают Китаю западные страны с целью подчинить его своему влиянию.

Другой аспект проблемы — подверженность влиянию «универсальных ценностей» не только представителей китайской интеллигенции, но и части китайского истеблишмента. В выступлении в середине ноября Чэнь Си, занявшего после съезда пост руководителя Орготдела ЦК, содержится предупреждение о том, что многими руководящими кадрами овладели «ложные идеи», в то время как влияние марксизма-ленинизма ослабевает. В итоге многие кадровые работники стали уязвимы перед лицом соблазнов морального плана (коррупция, карьеризм, групповщина и фракционность). Более того, веру в Маркса и Энгельса многим из них заменила циничная погоня за властью или личной выгодой, а также вера в мистику, паранормальные способности или традиционные китайские религиозные практики.

Складывается ощущение, что фундаментализм Си Цзиньпина, проявляющийся в четко обозначенном призыве «не забывать о тех принципах, с которыми коммунисты

брали власть в стране», и причудливым образом сочетающийся со вполне либерально ориентированной повесткой дня в области экономических реформ, проявит себя в сфере идеологической работы новыми установками и инициативами, а ожидающим поворота к «универсальным ценностям» китайским интеллектуалам придется «сложить свои надежды в долгий ящик».

Спустя неделю после завершения XIX съезда КПК состоялось важное действие, призванное подчеркнуть неизменность конечных целей Коммунистической партии Китая. В сопровождении всех членов Постоянного комитета Политбюро ЦК генсек Си Цзиньпин прибыл в Шанхай для посещения дома-музея I съезда КПК.

Посещение важных для истории китайской революции объектов, таких, как этот шанхайский музей, Яньань, Сибайпо, Цзуньи и других — важная часть партийной традиции. Члены Постоянного комитета Политбюро вслед за Си повторили клятву каждого, вступающего в партию, причем любопытно, что Си произносил ее по памяти. «Запомнить наизусть клятву вступающего в партию несложно, — сказал он, выступая с речью в тот день. — Сложно всю жизнь сохранить преданность тем идеям, с которыми человек вступал в партию».

Наверное, в этих словах и кроется ответ на вопрос о том, зачем Си Цзиньпину, который стал генсеком уже 5 лет назад, нужно было снова посещать «красную Мекку» в Шанхае. Беспрецедентный характер этого действия объясняется, с одной стороны, личностью и характером нынешнего генсека, который воспринимается партийцами как олицетворение и символ новой эпохи — «новой эры социализма с китайской спецификой». А с другой — тем, что в руководстве партии, видимо, не снижается озабоченность неблагоприятными тенденциями в партийной среде: бюрократизация, размывание партийной идеологии, утрата высоких идеалов, карьеризм и групповщина, стремление к материальным выгодам, «прагматизм» и отрыв от нужд и чаяний простых людей.

Именно с этими явлениями вел борьбу Си Цзиньпин последние пять лет в ходе беспрецедентной по масштабу антикоррупционной кампании, получившей довольно сильную поддержку по стороны простых китайцев. На съезде эту борьбу объявили важнейшим достижением этого периода.

Обозреватели обратили внимание, что несмотря на масштабные ограничительные меры властей, стремящихся положить конец нарастающей поляризации китайского социума и публичного пространства, критикующие политику властей как слева, так и справа идеологические лагеря продолжают существовать и периодически напоминать о себе. Одним из таких вызовов для властей является участие части населения в не поощряемых сверху мероприятиях памяти Мао Цзэдуна. В некоторых интернет-изданиях леворадикального характера, например, обсуждается вопрос, насколько реальна в современном Китае революция против эксплуататорских классов, выразителем интересов которых якобы является КПК. Так, в статье на сайте «Красный Китай», озаглавленной «Продолжить упорную борьбу, выступая против поражения», отмечается, что в настоящий момент среди «молодых товарищей» распространена «концепция китайского империализма», в свете которой господство буржуазии в стране «необычайно сильно». Она не боится ни китайского рабочего класса, ни мелкой буржуазии, во внешней политике практикует методы гегемонизма и диктата. «Есть также некоторые товарищи, которые считают, что проведенный правящей партией китайской буржуазии так называемый XIX съезд продемонстрировал стабилизацию положения китайской буржуазии, господство которой теперь вряд ли можно будет поколебать в ближайшие годы»⁸.

Значительное место на съезде и в уходящем году в целом заняли вопросы «совершенствования способности к управлению», укрепления руководящей роли КПК в обществе. На протяжении последних нескольких лет высшее китайское руководство посто-

янно подчеркивало необходимость усиления идеологического контроля и укрепления «способности руководить» процессами в мировоззренческой области, включая такие важные сферы, как «информационная безопасность» и идеологическая борьба в Интернете. Любопытно, что на съезде и после него была выдвинута для общественных обсуждений проблематика так называемого китайского проекта — реинкарнация темы «китайской модели», дискуссия о которой активно велась в КНР с 2009 по 2012 г.

А.В. Ломанов, д.и.н., г.н.с. ИДВ РАН:

Особенностью XIX съезда КПК стало включение в доклад большого количества формулировок, которые были предложены Си Цзиньпином за пять лет пребывания у власти, и внешнеполитическая тематика не стала исключением. Ко времени съезда сложился устойчивый набор концепций, отражающих взгляды нынешнего китайского руководства на отношения с внешним миром («новый тип международных отношений», «новый тип отношений между большими государствами», «сообщество судьбы человечества», «правильный взгляд на долг и выгоду» и т.д.). В докладе на съезде им был придан систематизированный облик.

В экономическом подразделе доклада упомянуто строительство «Одного пояса, одного пути», ставшего ключевой внешнеэкономической и внешнеполитической инициативой Си Цзиньпина. Хотя со времени провозглашения в 2013 г. эта инициатива обрела многоплановый и комплексный характер, включение ее в данный подраздел указывает на важность экономических аспектов «пояса и пути».

Наиболее примечательным является присутствие в экономическом подразделе фразы об «активном продвижении строительства островных рифов в Южно-Китайском море», которое не раз вызывало критику со стороны других государств и становилось причиной обострения отношений с соседями. США использовали эту деятельность КНР как предлог для усиления собственного военного присутствия в регионе под видом «защиты свободы судоходства». Включение этой темы в экономический подраздел отражает стремление китайского руководства заявить о невоенном характере проводившихся работ.

В дипломатическом подразделе доклада было заявлено об осуществлении в минувшие пять лет «всестороннего продвижения дипломатии большого государства с китайской спецификой». Эта формулировка также принадлежит Си Цзиньпину, который впервые озвучил ее в ноябре 2014 г.

Далее следует утверждение, что за прошедшие годы Китаю удалось сформировать «всенаправленную», «многослойную» и «объемную» дипломатию. Этот набор характеристик является новым, и можно предположить, что после съезда он обретет нормативный характер при описании китайской внешней политики.

В дипломатическом подразделе также содержатся упоминания о конкретных инициативах, о созданных при участии китайской стороны международных структурах и о проведенных в Китае международных мероприятиях высокого уровня.

На первом месте находится заявление о том, что Китай осуществлял «совместное строительство “Одного пояса, одного пути”». Понятие «совместное строительство» является отсылкой к нормативной формулировке китайского подхода к глобальному управлению, указывающей на необходимость «совместного обсуждения» правил всеми участниками проекта, «совместного строительства» в соответствии с согласованными правилами и «совместного использования» достигнутых общими усилиями результатов. В контексте современной международной политики Китай противопоставляет этот подход позиции Запада, который, по мнению китайской стороны, разработал в прошлом правила глобального управления в собственных интересах и теперь не желает считаться

с мнением развивающихся и новых индустриальных стран, заинтересованных в модификации существующих правил.

В докладе говорится, что за минувшие пять лет по китайской инициативе были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. С предложением о создании АБИИ Си Цзиньпин выступил в октябре 2013 года. Фонд был учрежден в конце 2014 г. для поддержки проектов в рамках инициативы «пояса и пути». Среди международных мероприятий названы первый Форум высокого уровня «пояса и пути» (Пекин, май 2017 г.), встреча лидеров АТЭС (Пекин, ноябрь 2014 г.), саммит «Большой двадцатки» (Ханчжоу, сентябрь 2016 г.), встреча лидеров БРИКС (Сямэнь, сентябрь 2017 г.), саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (Шанхай, май 2014 г.)

Помимо конкретных событий упомянуты две важные программные инициативы, характеризующие период правления Си Цзиньпина — «строительство сообщества судьбы человечества» и продвижение реформы системы глобального управления.

Си Цзиньпин неоднократно выступал с идеей создания «сообществ судьбы» различного уровня. В китайской трактовке эти «сообщества» могут носить также региональный и трансрегиональный характер, однако высшей главной целью выступает создание «сообщества судьбы человечества». В основе этих концепций — акцент на равноправии и проведении совместных консультаций для выработки правил взаимодействия. Стремление к инклюзивным и открытым партнерским отношениям опирается на признание многообразия культур и путей развития. Китайская трактовка «сообщества судьбы» нацелена на создание механизмов сотрудничества, предполагающих общую ответственность. Создание «сообщества судьбы человечества» связано с двумя другими новыми китайскими концепциями — построением «международных отношений нового типа» и «правильным взглядом на долг и выгоду».

За годы правления Си Цзиньпина Китай окончательно преодолел прежнюю настороженность по отношению к заимствованной из западной политологии концепции «глобального управления». В прошлом китайские эксперты относились к ней с опаской, воспринимая глобальное управление как требование делегировать полномочия суверенных государств наднациональным органам, которые могли бы осуществлять в интересах Запада вмешательство во внутренние дела развивающихся стран, включая Китай. Однако по мере роста экономики заметно выросла заинтересованность Китая в обретении рычагов воздействия на разработку правил глобального экономического управления, прежде всего ради устранения препятствий в области международной торговли и инвестиций.

В идейно-теоретической части доклада излагается основное содержание «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой». В итоговой резолюции XIX съезда КПК и новой версии устава КПК эти идеи обрели персонифицированный характер. «Идеи Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» вошли в теоретический арсенал КПК наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, «важными идеями тройного представительства» и «научным взглядом на развитие».

Среди перечисленных в докладе восьми характеристик «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» содержится требование, согласно которому «дипломатия большого государства с китайской спецификой призвана продвигать строительство международных отношений нового типа, продвигать строительство сообщества судьбы человечества».

Идею «создания международных отношений нового типа, сердцевиной которых являются сотрудничество и взаимный выигрыш», Си Цзиньпин сформулировал в марте 2013 г. в ходе визита в Москву во время выступления в МГИМО. Он подчеркнул, что мир, развитие, сотрудничество и общий выигрыш стали основным лейтмотивом нашего

времени. Старая колониальная система распалась, противостоящих группировок времен холодной войны больше нет, ни одна страна или группа стран не может в одиночку управлять мировыми делами. Си отверг стремление Запада вершить судьбы всего человечества, подчеркнув равенство больших и малых, сильных и слабых, богатых и бедных стран.

Ключевой характеристикой внешнеполитического аспекта «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» в докладе стало «строительство сообщества судьбы». Было заявлено, что «мечта китайского народа взаимосвязана с мечтами народов всех стран, осуществление китайской мечты неотрывно от мирной международной обстановки и стабильного международного порядка».

«Китайская мечта» стала новым лозунгом, который Си Цзиньпин сформулировал в 2012 г., вскоре после прихода к власти. В первые годы его правления «китайская мечта» занимала доминирующее место в системе пропаганды официальной идеологии. Хотя призыв к осуществлению мечты о «великом возрождении китайской нации» адресован внутренней аудитории, с самого начала он обладал внешнеполитическим измерением. Китайская сторона неустанно подчеркивала, что осуществление «мечты о возрождении» не угрожает внешнему миру. Напротив, превращение Китая в сильное и богатое государство принесет существенные выгоды всему человечеству, поскольку Китай сможет брать на себя больше ответственности перед мировым сообществом и вносить более заметный вклад в глобальное развитие.

Описание характеристик движения к созданию «сообщества судьбы человечества» в контексте изложения «идей новой эпохи социализма с китайской спецификой» состоит из старых и новых концепций, что указывает на сочетание во внешнеполитических взглядах китайского руководства инновации и преемственности. В частности, речь идет о следовании по пути мира и развития, о нацеленной на взаимную выгоду и общий выигрыш стратегии открытости, о правильном взгляде на долг и выгоду, о новом взгляде на безопасность, об инновационности и инклюзивности, о продвижении обменов между цивилизациями и внимании к охране окружающей среды.

Было подчеркнуто, что Китай от начала и до конца будет выступать как строитель мира во всем мире, будет вносить вклад в глобальное развитие и действовать как «защитник международного порядка». Последнее направлено против распространенных в зарубежном экспертном сообществе рассуждений о стремлении Китая расшатать или вовсе ликвидировать современный мировой порядок. Вместе с тем это не означает согласия Китая со всеми аспектами нынешнего миропорядка. Китайский тезис о необходимости реформирования глобальных правил с учетом интересов развивающихся стран остается в силе.

Развернутое изложение китайских подходов к международной политике содержится в разделе 12 доклада «Придерживаться пути мира и развития, продвигать создание сообщества судьбы человечества», который начинается с заявления о том, что КПК думает не только о счастье китайского народа, а борется за прогресс всего человечества и считает своей исторической миссией более значительный вклад в его дела. Подобная постановка вопроса является новой, поскольку в докладах на предыдущих съездах роль партии в международной политике столь явно не подчеркивали. В период правления Си Цзиньпина курс на повсеместное утверждение руководящей роли КПК затронул и сферу международных отношений.

В разделе появилась расширенная характеристика содержания «международных отношений нового типа». Изначальная формулировка, которую Си Цзиньпин предложил в 2013 г., подчеркивала, что это отношения «сотрудничества и взаимного выигрыша». В докладе на съезде это определение было сохранено, но к нему добавили «взаимное уважение, равенство и справедливость».

Характеристика современной эпохи в основном наследует описания, представленные на предыдущих партийных съездах в 2007 и 2012 г. Новым стало упоминание о том, что «ускоряется изменение глобального управления и мирового порядка».

Среди современных элементов нестабильности и неопределенности были перечислены недостаточность движущих сил роста мировой экономики, увеличение разрыва бедности и богатства, появление региональных «горячих точек», терроризм, киберпреступления, опасные инфекционные заболевания, климатические изменения. Важно отметить, что здесь не было повторения упоминаний о «гегемонизме» и «неоинтервенционизме», присутствовавших в докладе на предыдущем съезде. Их исчезновение из документа можно интерпретировать как рост уверенности Китая в своих силах и стремление выстроить равноправные отношения с Западом, прежде всего с США. Особенно заметно отсутствие неизменного в прежние годы осуждения «гегемонизма». Вместе с тем в докладе был сохранен акцент на осуждение силовой политики.

В контексте поворота ведущих западных стран к политике изоляционизма следует обратить внимание на фразу: «Ни одна страна не может в одиночку справиться со стоящими перед человечеством вызовами, также ни одна страна не может отступить обратно на остров самоизоляции». В этом можно увидеть не только напоминание о китайской приверженности стратегии коллективных действий, но и завуалированную критическую оценку западной политики, в том числе политики американского президента Д. Трампа.

Китайская интерпретация «нового пути» в отношениях между государствами предполагает отказ от «менталитета холодной войны» и «силовой политики», проведение диалога без конфронтации и формирование партнерств без заключения союзов. В документе подтверждены приверженность Китая решению проблем путем диалога и осуждение терроризма во всех проявлениях. Выражено стремление направить экономическую глобализацию по пути увеличения открытости, инклюзивности, сбалансированности и способности приносить выгоды всем участникам. Присутствуют тезисы о важности многообразия человеческих цивилизаций и необходимости проведения диалога между цивилизациями, а также о совместных усилиях по защите окружающей среды и борьбе с климатическими изменениями.

В докладе сформулированы программные лозунги, которые получили в китайской комментаторской литературе обобщенные наименования «три против», «два решительно нет» и «два никогда». Они описывают подходы Китая к международной политике. «Три против» означают, что Китай выступает против навязывания другим собственной воли, против вмешательства во внутренние дела других стран и против притеснения слабых сильными. «Два решительно нет» подчеркивают, что Китай решительно не будет добиваться собственного развития ценой принесения в жертву интересов других стран, но также решительно не станет отказываться от своих законных прав и интересов. «Два никогда» провозглашают, что, вне зависимости от достигнутого уровня развития, Китай никогда не провозгласит себя гегемоном и никогда не прибегнет к экспансии.

Традиционная для прежних съездов схема, в которой выделяли отношения Китая с развитыми странами, с соседями и с развивающимися странами, была модифицирована и конкретизирована. На первое место была вынесена тема отношений с «большими государствами», указывающая на проблематику китайско-американских отношений. В этой сфере предполагается развивать скоординированные отношения сотрудничества, которые должны быть устойчивыми и сбалансированными. Исчезновение темы отношений с развитыми странами может выступать как косвенное указание на то, что по ряду направлений Китай уже не считает себя отсталой страной.

Следующие два компонента остались неизменными, но получили новые характеристики, которые были позаимствованы из внешнеполитических выступлений Си

Цзиньпина. В отношении сопредельных государств была заявлена политика, основанная на идеях «близости, искренности, взаимной выгоды, инклюзивности», провозглашенных китайским лидером в 2013 году. Применительно к развивающимся странам была подтверждена формула Си Цзиньпина «правдивость, реалистичность, близость, искренность» в сочетании с приверженностью «правильному взгляду на долг и выгоду».

Заявление о приверженности Китая политике открытости внешнему миру сочеталось с упоминанием необходимости продвижения международного сотрудничества по строительству «поояса и пути». В докладе воспроизведены относящиеся к этому проекту «пять соединений» (координация политики, взаимосвязь инфраструктуры, торговое взаимодействие, движение капитала, «соединение людских сердец») как путь к созданию новых площадок международного сотрудничества и новым импульсам совместного развития. Также было сказано о намерении Китая расширить оказание помощи слаборазвитым странам и добиваться сокращения разрыва в уровнях развития Юга и Севера.

В докладе заявлено о приверженности Китая демократизации международных отношений, о равенстве всех стран, о стремлении повышать роль ООН, о желании расширять представительство и «право слова» развивающихся стран в международных делах. Новыми стали формулировки, относящиеся к глобальному управлению. Было подчеркнуто, что китайский подход к нему основан на «совместном обсуждении, совместном созидании и совместном использовании». В качестве большого ответственного государства Китай намерен активно участвовать в «реформировании и строительстве» системы глобального управления. Эти высказывания указывают на изменение оценки Китаем собственной роли в мировом сообществе и на стремление стать равноправным участником процесса разработки новых правил.

В 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК было указано на желание Китая способствовать повышению роли в международных делах не только ООН, но «Большой двадцатки», ШОС и стран БРИКС. В 2017 г. в аналогичном разделе текста осталась лишь ООН. Упоминания о «Большой двадцатке» и БРИКС на этот раз присутствуют в связи с проводившимися в Китае международными мероприятиями. ШОС в докладе на XIX съезде вообще не упоминается.

Доклад ЦК на XIX съезде КПК отразил большие перемены в развитии Китая и окружающего мира. Китай становится глобальной державой, которая формулирует свою политику исходя из того, что ее влияние на мировое развитие будет становиться все более значительным. Для внешнего мира наибольший интерес представляет изложение в докладе Си Цзиньпина «сообщества судьбы человечества» как стержневой концепции новой китайской внешней политики. Помимо этого, в докладе была подтверждена приверженность Китая реализации инициативы строительства «Одного пояса, одного пути». В перспективе эта инициатива способна оживить экономическое развитие большого количества стран, активизировать их взаимодействие в политике и культуре.

Е.И.Сафронова, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН:

По итогам XIX съезда КПК ряд российских экспертов высказал мнение о том, что китайская концепция «сообщества единой судьбы» так и не получила конкретного описания и остается малопонятной для большинства представителей мировой политологии.

Доклад Си Цзиньпина XIX съезду КПК содержал призыв «продолжать стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ)», поскольку осуществление китайской мечты невозможно без мирной внешней обстановки и стабильного международного порядка, а КПК видит свою миссию во внесении еще более весомого вклада в развитие человечества.

Сообщество единой судьбы человечества описывается в докладе как «чистый и прекрасный мир, где царят долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность», а также соблюдаются принципы взаимоуважения, равноправия, диалога, консультативности, отказа от менталитета холодной войны и политики силы, неконфронтационности и неблоковости партнерства, уважения цивилизационного многообразия мира, дружественного отношения к окружающей среде. В мирохозяйственном плане смысл СЕСЧ связывается с либерализацией торговли и инвестиций, развитием экономической глобализации в направлении большей открытости, общедоступности, сбалансированности и всеобщего выигрыша.

Представляется, что концепция «сообщества единой судьбы» (СЕС) отнюдь не так «сыра», как это может показаться, и к прошедшему в октябре XIX съезду КПК она пришла уже во вполне апробированном виде.

Ее смысловые предвестники прозвучали еще в 2012 г. в докладе ЦК КПК XVIII съезду китайской компартии: «У человечества только одна планета — Земля, все страны сосуществуют в едином мире... Стимулирование создания гармоничного мира на Земле с прочным миром и общим процветанием — общее чаяние народов всех стран». В документе «сотрудничество и взаимный выигрыш» расценивались как путь «осознания общности судеб человечества». Доклад содержал призыв к странам мира «помогать друг другу в общем деле, вместе пользоваться правами и нести ответственность, ширить общие интересы человечества».

Впервые китайский взгляд на будущее человечества как сообщества единой судьбы был, как известно, озвучен в лекции Си Цзиньпина в МГИМО (март 2013 г.) Китайский лидер подчеркнул, что взаимосвязанность и взаимозависимость всех стран достигла беспрецедентного уровня: люди живут «в одной большой глобальной деревне», в одну эпоху и на одном пространстве, где сливаются история и реальность, «превращая нас в сообщество единой судьбы», в котором все влияют друг на друга.

18 мая 2015 г. в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья, подписанная «Го Цзипин», — «Обещание лучшего будущего для мира», в которой концепция СЕС была окрашена в политологические тона. В статье указывалось, что генеральный посыл идеи базируется на стремлении Китая к глобальному миру и развитию всего человечества и что, предлагая идею «сообщества единой судьбы» для стран, регионов и всего человечества, КНР выдвигает собственную стратегию сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, преодолевающую «ограничения национального и идеологического свойства». Статья призвала страны мира вести диалог, а не вступать в конфронтацию, быть партнерами, но не союзниками, добавляя, что прогресс отдельных стран должен дополнять развитие других и таким образом раскрывать большие возможности для противостояния мирохозяйственным вызовам (союзнические отношения в статье не приветствовались, по всей видимости, потому, что они ассоциируются с блоковым мышлением времен холодной войны).

Призывая к цивилизованному диалогу, основанному на принципе равенства и взаимном уважении, статья подчеркивала, что «сообщество единой судьбы» — это обещание Китая не строить свое развитие в ущерб интересам других стран и что выдвинутая концепция служит противовесом идее о «выживании наиболее приспособленных» (имелся в виду «золотой миллиард»).

В последующие годы на международном уровне Си Цзиньпин неоднократно детализировал понятие СЕС, приводя такое его определение, как «тесное сообщество, где все взаимосвязаны», и отмечая, что «во Вселенной есть только одна Земля, и мы, человечество, имеем только одну родину».

Все это свидетельствует о намерении Китая путем ярких теоретических построений и активной «лозунговой» дипломатии расширить свое влияние на процессы регионализации и глобального управления не просто на институциональном, но и на духовном уровне.

Примечательно, что вскоре после XVIII съезда КПК, озвучившего первые идеи для концепции СЕС, поиски китайских экспертов по теме «единая судьба человечества» были продолжены, причем в сфере изыскания нового свода универсальных ценностей. В статье Ван Ивэя, опубликованной 14 января 2013 г. в «Жэньминь жибао», была подвергнута сомнению пригодность текущих «общечеловеческих ценностей», поскольку они-де являются «лишь преломлением универсальных ценностей через призму западной культуры». Утверждалось, что мечтой западной цивилизации является торжество общечеловеческих ценностей в ее собственном понимании, а мечтой китайской цивилизации остается «великое единение» (*даун*). Особый акцент получила мысль о востребованности миром именно китайских ценностей, ибо «в них общечеловеческие ценности нашли свое полное выражение».

Согласно статье, основной посыл мирного развития Китая основан на триединстве следующих элементов: обретении Китаем величия, возрождении его нации и переходе (мировой) цивилизации на новый уровень. Под последним подразумевается создание на основе китайских ценностей системы, подходящей всему мировому сообществу, а также строя такой материальной и духовной культуры, который, взяв начало в Китае, будет служить на благо всех стран и станет плодом совместных усилий всех государств и народов.

Автор, опираясь на положения XVIII съезда КПК, в многоуровневом разрезе перечислил основные ценности китайской мировоззренческой модели. На уровне личности — патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбие. На семейном уровне — свобода, равенство, справедливость, законность. На уровне государства — стремление к зажиточности и могуществу, демократии, цивилизованности и гармонии. Эксперт представил и китайский/незападный взгляд на основную общечеловеческую ценность, которая формулируется им как «мир повсюду под Небесами». Он подчеркнул, что именно в рамках такой системы ценностей — «общей для всего человечества, и будет формироваться Китай наших дней».

Отталкиваясь от мнения Ван Ивэя, можно сказать, что путь создания СЕС складывается из трех порой противоречивых «дорожек»: во-первых, это движение «навстречу всему миру» через возвращение к лучшим образцам исконной китайской культуры и при этом — через творческое развитие проникших в китайскую цивилизацию элементов западной культуры. Во-вторых, создание «системы настоящих ценностей» путем «вобрания в себя» западной цивилизации и отказа от мифа об «общечеловеческих ценностях» в западном понимании. В-третьих, формирование Китаем новой общечеловеческой цивилизации, когда он, став кормчим новой постзападной эпохи, создаст предпосылки для «вечного развития всего человечества в мире, где Китай будет помощником и наставником каждого».

Надо сказать, что политически статья проходит по «лезвию бритвы», ибо в ней весьма смело и даже резко прорисовано намерение Китая стать флагманом новой цивилизации и сформировать ее согласно собственным представлениям. Возникает вопрос о преждевременности таких заявлений как в плане состоятельности их материально-экономической базы (Китай — хоть и крупнейшая в мире, но все еще развивающаяся страна), так и в дипломатическом отношении. В мире отнюдь не изжиты опасения перед «китайской угрозой» и далеко не все страны благосклонно оценивают перспективу стать частью возглавляемой Китаем глобальной цивилизации.

Однако при этом статья предельно честна: она не маскирует намерения Китая стать мировым лидером, еще раз подтверждая, что «сообщество (человечество) единой судьбы» должно стать плодом и воплощением именно китайских стремлений к мировому первенству.

Особо подробным и «вызревшим» изложением концепции «сообщества единой судьбы» стало выступление Си Цзиньпина в рамках 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. В нем китайский лидер перечислил общечеловеческие ценности, которые «совпадают с благородными целями ООН и разделяются всем человечеством»: мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода. Этим высший руководитель КНР, по сути, признал существование универсальных ценностей как таковых (и западных, и незападных), опровергая мнение ряда западных экспертов о том, что КНР «отрицает существование универсальных ценностей», а также и китайских политологов, о чем говорилось выше.

Далее Председатель КНР назвал задачи, которые следует выполнить, дабы достичь генеральной цели — создания СЕС. Формулировки этих задач можно рассматривать и как описание конкретных характеристик «сообщества единой судьбы».

Итак, для создания СЕС первым делом необходимо:

- Установить партнерские отношения, при которых страны будут относиться друг к другу как к равным, проводить взаимные консультации, соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела других государств и отстаивать право всех стран самостоятельно выбирать общественный строй и путь развития.

- Придерживаться принципа многосторонности отношений и отвергать односторонние (видимо, не поддержанные ООН) действия.

- Отказавшись от мышления эпохи холодной войны, создать систему общей безопасности, основой которой станут справедливость, законность, совместный вклад и коллективная выгода, ибо ни одна страна не может самостоятельно обеспечить себе абсолютную безопасность и ни одна страна не в состоянии добиться стабильности за счет нестабильности других.

- Стремиться к открытому, инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию, осознавая, что растущая разница между бедными и богатыми несправедлива и неприемлема. При этом важно формировать синергию сил рынка и действий правительства, добиваясь равенства и справедливости, а также того, чтобы никто не страдал от нужды, но каждый имел доступ к развитию и достойной жизни. (Это положение «приложимо» к условиям одной страны, нескольких стран и всего мирового сообщества.)

- Нарращивать всеобъемлющие межцивилизационные обмены на принципах взаимного уважения, равноправия, взаимозаимствования и гармоничного сосуществования. Многообразие человеческих цивилизаций способствует обменам, которые ведут к интеграции, а интеграция открывает новые возможности для прогресса, ускоряя развитие общечеловеческой цивилизации.

- Объединить усилия в деле создания глобальной экологической цивилизации, при которой превыше всего ставится природа и экологически чистое развитие.

Свод изложенных в выступлении Си Цзиньпина положений, отражающих не просто взгляд на направления создания «Сообщества», но и его отличительные черты, получил название «пять в одном».

В концентрированном виде этот квинтет излагается и поясняется так:

1. Поддержание международных отношений на основе равенства, взаимопонимания и партнерства, что названо «главным путем строительства сообщества единой судьбы».

2. Соблюдение принципов справедливости правосудия, совместного строительства и использования структуры безопасности. Это рассматривается как «гарантии для создания СЕС».

3. Развитие на основе открытости и инноваций, инклюзивности и взаимовыгодности, что «соответствует основным принципам единой судьбы» и служит благу всех.

4. При сохранении верности своим принципам повышение взаимовыгодности сотрудничества и осуществление всеобъемлющих культурных обменов, ибо только так «можно закрепить становление сообщества единой судьбы».

5. Создание «зеленой» экосистемы, поскольку только в ее условиях возможно достичь устойчивости развития сообщества с единой судьбой.

Похоже, что свод «пять в одном» являет собой яркий пример инновационного подхода с китайской спецификой к теории международных отношений.

Практическое формирование СЕС, по мнению китайской стороны, должно начинаться со стран, расположенных по периметру КНР. Так, на Боаоском Форуме 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул намерение «твердо продвигать идею сообщества единой судьбы». Далее он выступил с речью в индонезийском парламенте, где выдвинул пять инициатив по созданию «сообщества единой судьбы» Китая и АСЕАН. А тема Форума Боао 2015 г., не без влияния КНР, была определена как «Новое будущее Азии: навстречу сообществу единой судьбы». Кроме того, Си Цзиньпин указывал и на конструктивность создания и реализации «мечты Азиатско-Тихоокеанского региона».

Новейшим изложением концепции «Сообщества» стала речь Си Цзиньпина в штаб-квартире ООН в Женеве 18 января 2017 г., где идея СЕС была конкретизирована формулой «мир общего процветания, созданный путем взаимовыгодного сотрудничества».

«Новеллой» стало включение в описание устоев СЕС тезиса о неприятии «господства одной или нескольких стран» и упор на кардинальную важность для «Сообщества» демократизации международных отношений, когда все страны участвуют в глобальном управлении, определяют будущее мира, устанавливают международные правила, обеспечивая «распределение результатов развития между всеми».

Также примечательна решительность призыва к отказу от конфронтационного блокового подхода в партнерских отношениях, к полному уничтожению ядерного оружия и к формированию открытой мировой экономики, свободной от негативных последствий протекционизма.

Симптоматично, что, радуя за «здоровый» рост глобализации по пути к ее открытости, всеобъемлемости, сбалансированности и выгоды для всех, Си по сути внес в концепцию СЕС материальную конкретику, подчеркнутую призывом следовать экологичному, низкоуглеродному, возобновляемому и устойчивому образу жизни и производства.

Строительство СЕС уже получает конкретное наполнение, к которому Пекин относит очень многие свои международные экономические инициативы. В этом контексте упоминается режим сотрудничества в бассейне р. Ланьцанцзян (Меконг), в рамках которого были определены 45 проектов. В Африке — предоставление Китаем многомиллиардной финансовой поддержки и строительство современной транспортной инфраструктуры, в Латинской Америке — реализация Плана сотрудничества «Китай — Латинская Америка» на 2015–2019 гг., в арабском мире — сотрудничество в сфере энергетики, инфраструктуры, торговли и инвестиций, в области ядерной энергетики и новых видов энергии и сооружения спутников особого назначения. В этом ряду также называются учреждение Фонда поддержки сотрудничества «Юг-Юг», реализация инициативы «Пояс и путь» с ее субпроектами — ЭПШП и МШП-21, а также создание АБИИ.

По всей видимости, формирование сообщества единой судьбы подразумевает три стадии или уровня: национальный, региональный (или межрегиональный) и глобаль-

ный. Вышеуказанный свод «пять в одном» вполне применим для национального строительства внутри самого Китая, поскольку подразумевает создание СЕС для всех народностей, регионов и экономических зон КНР. То же самое можно сказать и о региональном уровне: в китайской прессе уже проходила мысль, что БРИКС, например, способна представлять собой сообщество единой судьбы регионально-организационного уровня. Когда говорится о СЕС глобального масштаба, то тут видится более уместным перевод китайского термина «*жэньлэй минъюнь гунтунти*» не как СЕСЧ, а как «человечество единой судьбы». Принципы всех трех уровней аналогичны, отличаясь лишь диапазоном применения и некоторыми акцентами в расстановке приоритетов.

В пользу определенной зрелости и понятной доступности концепции «сообщества единой судьбы» говорит ее выход на зарубежный уровень. Свидетельством международного признания стало включение понятия СЕС в резолюцию, принятую в феврале 2017 г. на 55-й сессии Комиссии социального развития (КСР) ООН. Позже эта резолюция была представлена в качестве рекомендаций Экономическому и Социальному Совету ООН (ЭКОСОС). Применительно к Африке резолюция призывает международное сообщество усилить поддержку развитию «в духе взаимовыгодного сотрудничества и создания общего будущего, основанного на общей судьбе».

Следует, однако, отметить, что мировое сообщество не склонно, в отличие от Пекина, поэтизировать концепцию СЕС, предпочитая выделять ее очевидные и достижимые черты. Так, Филипп Шарват, председатель 55-й сессии КСР ООН видит главный смысл концепции в признании взаимосвязанности всех стран на земле. Он также отмечает ее долгосрочный характер. А Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш усматривает суть идеи в утверждении принципа мультилатерализма/многосторонности, важной опорой которого становится Китай. Выражая намерение ООН сотрудничать с КНР в деле мира и развития человечества и создания сообщества единой судьбы, генсек ООН по сути увязывает понятие СЕС со стремлением к всеобщему экономическому процветанию.

Строго говоря, Китай не был первым в новейшее время, кто артикулировал тезис об общей судьбе человечества. В различной нюансировке это понятие приводилось и в работах Дени Гуле по «этике развития», опубликованных в конце XX века, и британским социологом Зигмунтом Бауманом в книге «Множество культур, одно человечество» (2008). Не надо быть древнекитайским философом или французским просветителем, чтобы самостоятельно прийти к аналогичной идее: каждый политолог мыслит по принципу индуктивности. Однако беспримерной заслугой китайского руководства является возведение этой гуманистической концепции в ранг государственной политики. Она уже приносит ощутимую пользу Китаю, служа мощным механизмом его «мягкой силы».

А.Ч. Мокрецкий, с.н.с. ИДВ РАН:

Представляется, что в области внешней политики основными моментами доклада Си Цзиньпина являются: контуры существующего миропорядка; безопасность в международном контексте; могущественная армия и мирное развитие; единая судьба для всего человечества и международные отношения нового типа; «истории», или «сказки», о Китае и «мягкая сила» китайской культуры.

Контуры миропорядка. В докладе была повторена формула, описывающая современный миропорядок через четыре особенности эпохи: политическую многополюсность, или полицентричность, экономическую глобализацию, информатизацию общества и культурный плюрализм.

Видимо, рассматривая современный миропорядок через призму этих «четырёх особенностей», Пекин заявляет о своем желании лидерства в политической, экономической, научно-технологической и культурной сферах. Причем, как полагает известный аме-

риканский эксперт Г. Киссинджер, Китай уже стал «экономической сверхдержавой и крупнейшим фактором формирования глобального политического порядка». На очереди научно-технологическое превосходство и культурное влияние. Среди успехов в первой области в докладе с большим энтузиазмом отмечаются грузовой космический корабль «Тяньгун», глубоководный батискаф «Цзяолун», первый космический рентгеновский телескоп, узкофюзеляжный пассажирский авиалайнер С919, квантовый спутник «Моцзы» и др.

Экологический аспект пока не входит в описанную выше «четверку», хотя вероятность лидерства Китая в этой области не за горами. В разъяснениях после съезда комментаторы сделали акцент на необходимости вносить вклад в обеспечение глобальной экологической безопасности.

Безопасность в международном контексте. Очень серьезное внимание при Си Цзиньпине в КНР уделяется безопасности. В неменьшей степени страна заинтересована в обеспечении государственного суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов развития. Для реализации этих целей решением 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва был учрежден Комитет государственной безопасности (2014 г.), принята концепция государственной безопасности (1 июля 2015 г.) Кроме того, ежегодно 15 апреля стал отмечаться новый государственный праздник — Всенародный день образования в области государственной безопасности. Проводятся рабочие семинары по вопросам государственной безопасности. Сформировалась система комплексной государственной безопасности, которая включает в себя 11 видов безопасности.

Важно отметить, что в докладе был дважды повторен тезис «живя в спокойствии, думай об опасности». Само понимание органической связи безопасности и готовности к проблемам отражено в китайской философии. В частности, древний трактат «Цзо чжуань», охватывающий события с 722 до 468 г. до н.э., использовал идею о том, что «вода может как нести лодку, так и опрокинуть ее». Другими словами, любая вещь может принести вред при недостатке внимания. Древнекитайский мыслитель Хань Фэй был убежден, что необходимо уделять внимание мелочам, потому что «тысячеверстная дамба разрушается из-за муравьиного гнезда». Классический текст «Книга перемен» гласит: благородный муж, «находясь в безопасности, не забывает об угрозе, существуя, не забывает о погибели; управляя, не забывает о смуте».

Вместе с тем безопасность в докладе увязывается со словом «развитие». Формула «безопасность и развитие» воплощается на практике следующим образом: «безопасность — условие для развития», а «развитие — гарантия безопасности». Что касается международного аспекта, формула «безопасность и развитие» предусматривает также единое, или комплексное, планирование, учет всех мер и возможностей, одновременное «лечение» причин и симптомов «заболевания».

Таким образом, государственная безопасность представляется авторам доклада наиважнейшей и фундаментальной предпосылкой существования и развития государства.

Могущественная армия и мирное развитие. После XIX съезда на сайте «Хуаньцю шибао» появилась статья контр-адмирала КНР Ян И, в которой он тесно увязывает богатое государство и могущественную армию с миром и развитием. Основные положения статьи сводятся к следующему.

Китай успешно создал международный имидж «цивилизованного наставника», который проявляется в том, что НОАК КНР активно участвует в миротворческих операциях ООН по всему миру, а также в конвоировании судов в Аденском заливе.

Автор убежден, что чем сильнее китайская армия, тем надежнее безопасность в мире. Строительство могущественной армии вызвано необходимостью развития Китая и растущим требованием обеспечения государственной безопасности в интересах развития. И это нормальный процесс.

Автор разделяет государства, которые пропагандируют и распространяют миф о «китайской угрозе», на три группы. Первая — США и их союзники, вторая — отдельные традиционно сильные западные державы, третья — сопредельные или пограничные с Китаем государства, с которыми он имеет территориальные или морские споры.

Стратегическая культура китайской нации не содержит понятие экспансии и тем более не обладает «геном» военной экспансии. Напротив, Китай придерживается пути мирного развития и отстаивает курс «активной обороны». В связи с этим ставятся три исторические задачи, которые будут минимизировать распространение «теорий китайской угрозы»: дальнейшее осуществление модернизации, завершение объединения Родины и защита международного мира и содействие развитию.

Таким образом, контр-адмирал Ян И связывает мирное развитие страны с созданием могущественной армии и не считает, что в этом есть какое-либо логическое противоречие. Публикация подобных материалов, очевидно, преследует цель успокоить международное сообщество. В качестве главных тезисов в них присутствуют два положения: сильный и могущественный Китай — гарантия мира во всем мире; важно умение побеждать во всех войнах, не сражаясь, т.е. делать так, чтобы любой противник, угрожающий Китаю, пасовал перед его мощью.

Кроме того, китайские эксперты продолжают говорить о том, что коллективный Запад сдерживает возрождение Китая, и поэтому мирное развитие страны сталкивается с серьезным давлением и вызовами.

Сообщество единой судьбы и международные отношения нового типа. В международном разделе доклада отмечаются успехи КНР в формировании «самоыбитной китайской дипломатии великой державы», которая становится всевекторной (т.е. всеохватывающей), многоуровневой и многомерной, или объемной, создавая благоприятные международные условия для развития государства.

Констатируется, что Китай значительно повысил свое международное влияние, свою притягательную и созидательную силу. Это произошло, прежде всего, потому, что КНР запустила мегапроект «Один пояс, один путь», успешно провела на «домашних площадках» саммиты АТЭС, международный форум «Пояса и пути» (Пекин), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (Шанхай), саммит «Группы двадцати» (Ханчжоу) и саммит БРИКС (Сямэнь). Наряду с этим Китай основал Фонд Шелкового пути, учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, способствовал реформе системы глобального управления.

Примечательно, что в докладе сообщество единой судьбы для всего человечества упоминается вместе с международными отношениями нового типа. Как подчеркивает профессор Института по изучению международной стратегии Партийной школы ЦК КПК Чжао Лэй, в своей внешней политике Китай намерен полагаться на эти две концепции, поскольку в основе международных отношений нового типа лежит взаимовыгодное сотрудничество в процессе развития, а в сообществе единой судьбы — сближение и консенсус цивилизаций.

По мнению ответственного секретаря Научно-исследовательского центра изучения теории китайского социализма при Партийной школе ЦК КПК Хань Цинсяна, ключевым моментом формирования сообщества единой судьбы выступают конкретные действия, или «китайские проекты». Причем эти действия должны сопровождаться обязательствами перед мировым сообществом, в частности обещанием продвигать экономическую глобализацию в правильном направлении и добиваться обоюдного выигрыша и совместного пользования плодами развития.

Заместитель директора Института международных отношений при Народном университете Китая, профессор Цзинь Цаньжун называет проект сообщества единой

судьбы «рецептом» от различных внутренних и внешних расколов в условиях падения авторитета Запада и его фрагментации. Он убежден, что если Китай сможет добиться успехов в области модернизации, это станет примером и будет служить образцом для других государств.

«Сказки» о Китае и «мягкая сила» культуры. На протяжении нескольких лет после XVIII съезда КПК руководство КНР активно пропагандирует различные сюжеты из истории Китая, которые можно охарактеризовать словом «сказки».

Наиболее часто повторяется тезис об «общественных продуктах» или «китайской мудрости» как «дарах», которые КНР предлагает всему миру. В частности, инициатива «Один пояс, один путь» преподносится как «свежее дыхание теряющему уверенность международному сообществу», которое стимулирует и укрепляет тенденции прогресса. Примечательно, что эти «общественные продукты», или «блага», носят системный характер и становятся «убедительным свидетельством активного участия Китая в глобальном управлении».

Второй тезис связан с «китайским чудом». Так, генерал-полковник ВВС НОАК КНР Лю Ячжоу отождествляет китайские успехи с мировым чудом. По его словам, мир стал свидетелем «китайского чуда», восхищается «китайской силой», пристально следит за «китайскими проектами». Сегодня Китай — не только название государства, но и слово, ассоциирующееся с надеждой и жизненной силой.

Третья «сказка», которая распространяется все шире — история о том, что ценности сообщества единой судьбы для всего человечества отражаются в китайской традиционной культуре и, особенно, в культуре хэхэ (симбиоз гармонии и сотрудничества). Так называемая модель симбиоза гармонии и сотрудничества хэхэ представляет собой такое состояние отношений Китая с миром, результатом которого является взаимная адаптация и приспособление. Формирование этой модели взаимодействия оказывает позитивное влияние как на судьбу самого Китая, так и на мир, стабильность, региональное и глобальное развитие.

В политике эта модель предусматривает равенство и уважение, в экономике — взаимную выгоду и общий выигрыш, в сфере культуры — взаимное обогащение и взаимную учебу, в сфере безопасности — взаимное доверие и сотрудничество, в глобальных вопросах — общую ответственность. Эта модель базируется на ценностях мира, сотрудничества, совместного развития, исходит из базовых требований долговременной мирной обстановки и общего процветания, рассматривает равноправие, уважение, взаимную выгоду и обоюдный выигрыш как основные нормы поведения, а международное право, международные институты и механизмы — в качестве гарантов.

Таким образом, все более явно происходит привлечение позитивных элементов китайской культуры и использование древности в интересах современности. В то же время предлагается прилагать усилия для укрепления международного сотрудничества и гуманитарных контактов, расширять международный кругозор, должным образом рассказывать о Китае, способствовать выходу китайской культуры на международный рынок.

С.В. Уянаев, к.и.н., заместитель директора ИДВ РАН:

Если давать характеристику итогов работы XIX съезда КПК, то это — фиксация достижений и определение очередных задач страны, которая последовательно идет по пути обретения полновесного статуса крупной мировой державы, одного из главных участников формирования глобальной и региональной повестки дня.

Важное место на съезде традиционно занимали вопросы внешней политики. И в самом Китае, и наблюдателям за его пределами понятно, что внешнеполитический инструментарий — важнейший механизм в решении системных задач подъема страны,

включая создание благоприятной внешней обстановки и обеспечение необходимыми для роста ресурсами.

Может показаться, что в сравнении с предыдущим, XVIII съездом нынешний форум оказался менее «щедр» на громкие внешнеполитические новации. Действительно, в 2012 г. на том съезде впервые четко прозвучали намерение решительно «охранять безопасность государства, никогда не подчиняться какому бы то ни было давлению извне»; готовность «принимать более активное участие в международных делах, играть роль большой и ответственной страны»⁹. Хотя принципиально новых тезисов на XIX съезде на этот счет не прозвучало, однако важным и показательным стал факт, что прежние положения были подтверждены, развиты и дополнены новыми акцентами.

В документах XIX съезда говорится: «Китай будет продолжать играть роль ответственной державы, активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу»¹⁰.

В уже знакомом тезисе четко видны отсутствовавшие ранее нюансы. Во-первых, речь идет о произошедшем за пять лет переходе от «намерений и готовности» к «продолжению» действий в уже состоявшейся «глобальной роли» КНР. Во-вторых, подчеркнута конкретное направление реализации этой роли — «участие в формировании системы глобального управления», причем с осознанием особой правомочности на то в виду «китайской мудрости и силы».

На съезде говорилось, что «Китай...ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов»¹¹. По сути, подтвержден тезис предыдущего съезда о том, что усиливающийся Китай намерен непреклонно и всемерно отстаивать свое видение положения мировых и региональных дел. Это может касаться территориальных споров в ЮКМ, ВКМ и Южной Азии, вопросов, связанных с внешним препятствованием «возвращению Тайваня в лоно Родины» и т.п.

Что касается новых акцентов в прежних тезисах, то можно отметить в докладе Си Цзиньпина положение о том, что национальная оборона КНР «носит оборонительный характер», «не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства»¹². По-видимому, речь идет о стремлении рассеять опасения международного сообщества относительно целей военного усиления Китая, убедить его в отсутствии неких вызовов и угроз.

Определенные акценты налицо и в традиционных положениях о развитии двусторонних отношений. Сохранив выделение трех основных групп стран-партнеров и очередность их упоминания, китайское руководство сделало в каждом случае небольшие, но знаковые корректировки.

В связи с «крупными странами» опущены прежние слова о «разногласиях» и подчеркнут как де-факто достигнутый уровень «в целом стабильных и равномерно развивающихся отношений». Поскольку под диалогом с крупными странами в Китае чаще всего подразумеваются отношения с США, в такой формулировке может отражаться общая направленность американской политики КНР, ориентированная на минимизацию разногласий и достижение экономических выгод при сохранении собственной независимости и равноправия.

Тезис об отношениях с «сопредельными странами», ранее включавший намерения «доброжелательности, партнерства и взаимовыгодности», дополнен понятием о «стремлении к искренности»¹³. Повышение «градуса» здесь не случайно. 24–25 октября 2013 г. китайское руководство провело первое в истории КНР Специальное совещание в ЦК КПК по дипломатической работе с сопредельными государствами, что стало наглядным отражением повысившегося внимания к странам-соседям.

Определение отношений с «развивающимися странами», которым Китай издавна выражает симпатии и намерение «навски оставаться их надежным другом и искренним партнером», расширено за счет концепции «правдивости, деловитости, душевной близости», «правильного понимания справедливости и выгоды»¹⁴. Налицо очевидное желание Пекина и дальше уделять повышенное внимание этим группам стран, создавая, с одной стороны, «пояс ближней безопасности», с другой — рационально привлекая экономические и политические ресурсы «развивающегося мира» к решению своих национальных задач.

К числу прежних тезисов с новыми акцентами можно отнести также общую тональность внешнеполитического раздела доклада, позиционирующую Китай на международной арене как стойкого защитника принципов «равноправия, коллективизма, демократизма». Особый акцент сделан на принцип совместных действий.

Как отмечалось многими экспертами, съезд закрепил и ряд новых положений, которые прямо связаны с деятельностью нынешнего Председателя КНР. Напомним, что вскоре после вступления на высшие государственные посты Си Цзиньпин выдвинул лозунг о «китайской мечте», увязав его реализацию с ранее озвученной задачей «великого национального возрождения». Было подчеркнуто, что «великое возрождение китайской нации — это и есть величайшая китайская мечта», причем ныне у Китая «больше, чем когда-либо в истории, веры и возможностей достичь эту цель»¹⁵.

Что касается китайской внешней политики, то в данном контексте сама ее цель была подана как «создание условий для реализации мечты о великом возрождении».

Характер новации имеет и тезис об «общности исторических судеб» Китая и народов других стран. Призванный обеспечить имиджевое сопровождение китайской внешней политики, этот лозунг тоже был выдвинут вскоре после прихода к власти пятого поколения китайских руководителей. В документах съезда в рамках этой новации Китай призывает «народы всех стран общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества».

Наконец, в документах съезда нашла неоднократное подтверждение инициатива «Один пояс, один путь», которая за годы после ее оглашения Си Цзиньпином стала истинным лейтмотивом китайской внешней и внутренней политики, присутствует практически во всех внутригосударственных планах и программах, широко и активно реализуется на внешней арене. В целом внешнеполитический раздел Отчетного доклада, другие его сюжеты, связанные с внешнеполитической тематикой, содержат системную основу устойчивых положений. Это и базовые определения характера нынешней эпохи (мир и развитие), и констатация продвижения к мультиполярности, и подчеркнутое отсутствие у Китая стремлений к экспансии и гегемонизму, и многие аналогичные тезисы. Это подкреплено приведенными выше положениями, которые, во-первых, отражают постепенное наполнение модернизированными оценками уже известных установок, а, во-вторых, свидетельствуют о закреплении на высшем партийном форуме тех новаций, которые появились в период между предыдущим и нынешним съездами. Все это позволяет говорить о преемственности, эволюционном характере, а потому — определенной предсказуемости китайской внешней политики.

Рассматривая это положение применительно к российско-китайским отношениям, можно с высокой долей вероятности говорить, что курс на развитие с РФ отношений всеобъемлющего стратегического партнерства Китай планирует сохранить в числе своих основных международных приоритетов.

Этот вывод был официально озвучен спустя две недели после съезда, когда Си Цзиньпин, встречаясь с В. Путиным во Вьетнаме, заявил: «В последующие годы вместе с российскими партнерами мы плечом к плечу неуклонно будем развивать отношения

на высоком уровне, эффективнее способствовать безопасности и развитию обеих стран»¹⁶. Весомость этого заявления действительно ощутима, поскольку оно опирается на объективные реальности и интересы, каковые у КНР по-прежнему присутствуют. Китай заинтересован в мирной совместной границе, в роли РФ как надежного тыла в международных делах, источника энергетических ресурсов. Китай и Россия оценивают двусторонние отношения как действенный рычаг повышения совокупной государственной мощи и международной конкурентоспособности обеих стран, как важный фактор международной стабильности, защиты суверенитета и территориальной целостности каждой из них.

Тем не менее, очевидные имеющиеся достижения и декларации о будущих намерениях не исчерпывают всей повестки российско-китайского взаимодействия. В нем продолжает присутствовать определенная «облачность», которую дипломатично именуют «шероховатостями» и «еще нерешенными вопросами». Для РФ это порождает необходимость четко представлять вызовы и риски, связанные с российско-китайскими отношениями. Основными из них представляются следующие:

1. В связи с продвижением Китаем модели нового «типа отношений с крупными странами» растет значение внимательного мониторинга ситуации в трехстороннем формате КНР — РФ — США. Упор КНР на позитивную составляющую в сложном комплексе отношений с США, подтвержденный личными встречами Трампа и Си Цзиньпина, продолжает сочетаться со значительным сегментом двусторонних разногласий. Глубокий кризис в отношениях РФ и США объективно расширяет возможности Китая, востребованность которого растет со стороны двух других сторон «треугольника». Интересам России отвечает деликатная, но последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР в рамках формулы всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия и на «уход» от антикитайских проявлений, осуществляемая, однако, при параллельных действиях в направлении обеспечения равноправности диалога с США. Такой подход важен не только как фактор позитивного развития связей с обоими партнерами, но и как «страховка» от возможного для РФ риска оказаться «на обочине» каких-либо китайско-американских проектов вроде потенциально не исключенной реанимации идеи «G-2».

2. Внимательного изучения по-прежнему требуют внешнеполитические и внешнеэкономические новации КНР, прежде всего, ход реализации идеи «Экономического пояса Шелкового пути». Речь идет об активизации продвижения Китаем своих интересов в бывших среднеазиатских и европейских республиках СССР в сфере экономики и в других областях, для чего привлекаются продуманные средства идеологии (тезис «общности судеб» и т.д.) Не исключено, что это может привести к усилению регионального соперничества между РФ и КНР в экономике, сферах культуры и идеологии, где пока преобладает влияние России. Очевидны и вызовы, которые в связи с китайским проектом возникают для эффективного становления и развития ЕАЭС: партнеры РФ, особенно из стран Центральной Азии, зачастую стоят перед соблазном пожертвовать интеграцией в ЕАЭС ради щедрых предложений в рамках идеи ЭПШП, поступающих им от КНР. Это во многом объясняет непростой характер диалога, ведущегося между ЕАЭС и КНР по заключению торгово-экономического соглашения.

Тем не менее объявленному обеими странами «сопряжению» строительства ЕАЭС и ЭПШП разумная альтернатива у РФ не просматривается. Трезво оценивая и, по возможности, купирова вызовы, необходимо максимально использовать связанные с ЭПШП шансы. Речь идет, во-первых, о потенциально возможном прорыве в давнем вопросе о привлечении китайских инвестиций на российский Дальний Восток и использовании их для общего подъема региона и инфраструктурного строительства. Пока роль КНР как источника прямых инвестиций, к сожалению, не до конца осознана и еще слабее реализуется. Во-вторых, следует продумать и осуществлять выгодное для РФ встраивание

в транзитные коридоры, которые Китай намерен развивать для транспортировки железнодорожных и автомобильных грузов в Европу и обратно. Кроме того, шагом в правильном направлении, безусловно, является выдвигание концепции Большой Евразии (Евразийское экономическое партнерство), что позволяет поднять уровень российских евразийских инициатив, совместно и на одном уровне с китайской идеей ЭПШП продвигать их к более широкой интеграции. Важно, что общее одобрение китайскими партнерами такого подхода зафиксировано в российско-китайских официальных документах¹⁷.

3. В отношениях двух стран, насчитывающих 400-летнюю историю, присутствуют и другие вызовы и нерешенные вопросы: элементы недоверия на бытовом уровне (тезис о «желтой опасности» в РФ, реликты исторических обид по поводу захвата китайских территорий царской Россией — в КНР). Есть экономические шероховатости, к которым относятся не только низкий уровень взаимных инвестиций, но и пробуксовка программ приграничного сотрудничества, не оптимальная для РФ структура торговли.

Тем не менее, очевидно, что в развитии позитивных связей с самой динамичной экономикой мира, со страной, неуклонно набирающей политический вес, заключена возможность укрепления международных позиций РФ в непростое для нее «санкционное» время. В сотрудничестве с нею кроются для экономического развития самой России, в том числе, решения стратегически важной задачи подъема ее сибирских и дальневосточных регионов.

В интересах России — продвигать стратегическое партнерство с КНР, одновременно учитывая те вызовы, которые могут проистекать из новых особенностей китайской внешней политики.

Ю.М. Галенович, д.и.н., г.н.с. ИДВ РАН:

В ответ на поздравление Президента РФ В.В. Путина Председателю КНР и Генеральному секретарю ЦК КПК Си Цзиньпину в связи с успешным проведением в октябре 2017 г. XIX съезда КПК последний заявил, что «Китай и Россию связывают всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства, и Китай будет неизменно решительно углублять отношения с Россией вне зависимости от изменений международной обстановки. Он намерен следовать по единой траектории с Россией, добиваться еще большего развития двусторонних отношений и еще больших результатов».

Судя по словам Президента РФ, основой наших двусторонних отношений является принцип сотрудничества. Российская сторона стремится к согласованию позиций по проблемам внешней политики как в области двусторонних, так и многосторонних, региональных и глобальных отношений и проблем. Она заинтересована в сохранении и поддержании атмосферы доброжелательности в наших отношениях.

Главным представляется сохранение ныне существующей, внешней или декоративной стороны двусторонних отношений, поддержание в них атмосферы доброжелательности. Наша сторона заинтересована в сохранении такой атмосферы. Вместе с тем у двусторонних отношений РФ и КНР есть и внутреннее содержание. Определенное представление об этом дают высказывания Си Цзиньпина в упомянутом телефонном разговоре с Президентом РФ.

Си Цзиньпин подчеркнул, что прошедший съезд утвердил общий курс и программу для будущего развития партии и государства. По сути, это новый генеральный курс КПК, «ядром» которой ныне выступает Си Цзиньпин. Речь идет о признании и в нашей стране своего рода культа личности Си Цзиньпина, а также его «идеи» в качестве генерального курса партии и государства.

Си Цзиньпин также говорит о том, цель КПК — великое возрождение китайской нации. Осуществление этой цели, по словам Си Цзиньпина, — это исторический долг

и миссия КПК. Следовательно, придется приспособливаться к действиям с целью возродить нацию Китая, считаться с требованиями Китая, выполнять то, что требуется, если это трактуется в КНР как часть возрождения нации. Нельзя исключать и того, что речь идет о так называемых утраченных территориях нации Китая.

По словам Си Цзиньпина, развитие Китая невозможно отделить от мира. Это означает, что всему человечеству — и России как одной из его частей — придется считаться с выполнением КПК ее исторической миссии и исторического долга — великим возрождением китайской нации.

По словам Си Цзиньпина, Китай намерен «следовать по единой траектории с Россией». По сути, это все та же мысль о том, что у человечества — общая судьба, общая судьба с нацией Китая. Иными словами, каждая нация, в том числе Россия, должна следовать за нацией Китая.

Призыв ко всем странам объединить усилия оборачивается в этом случае призывом признать руководящую, направляющую и управляющую роль Китая в ходе глобализации. При этом на практике оказывается, что китайская сторона заботится прежде всего о выгоде для себя.

Третий вопрос, как относиться к китайско-американскому соперничеству? Ключевым фактором является наличие глобальной перспективы, трактовку которой также предлагают с китайской стороны. Эта перспектива складывается из двух частей. Будучи крупнейшими экономиками в мире и постоянными членами СБ ООН, Китай и США имеют обширные общие интересы в защите мира и стабильности на планете, стимулировании глобального развития и процветания; они несут на себе важную ответственность. Интересы двух стран глубоко пересекаются, они нужны друг другу. Китай не является соперником или врагом, как думают некоторые. Снова возникает перспектива появления на планете «большой двойки», причем — на условиях Китая.

XIX съезд КПК предстал, прежде всего, как инерционно-декоративное мероприятие, и в этом нашла свое отражение ситуация в самой компартии и в стране в целом. КПК и ее руководство продолжают держать власть в своих руках. В то же время не происходит существенных реформ, позволяющих решать существующие политические и экономические проблемы. Съезд не был посвящен обсуждению реальных проблем, не были предложены пути их решения.

Представляется, что необходимость появления «ядра» — проявление слабости руководства правящей партии, ненормальности обстановки в партии и в стране. В то же время нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как компромисс между всеми главными силами внутри руководства партии. Во всяком случае, говорить о реальном единовластии Си Цзиньпина нет оснований. Тем не менее большинство руководителей партии сочли необходимым укрепить номинальное первое место Си Цзиньпина в партийной иерархии.

Судя по докладу, главная национальная идея сегодня — это великое возрождение нации Китая, достижение китайцами главенствующего положения по отношению ко всему человечеству.

В докладе говорится о том, что «страна переживает важный стратегический благоприятный момент». Но одновременно существуют и серьезные вызовы. Под благоприятным моментом имеются в виду противоречия и конфликты между различными силами на планете, то, что США и прочие находятся в «состоянии упадка». В то же время говорится о недопустимости чувства самоуспокоенности, поскольку «глобальные проблемы обостряются». При этом «китайская мечта» объединяется с мечтой о сильной армии, сильных вооруженных силах, чему в докладе также уделено большое внимание.

Необходимо самым тщательным образом анализировать развитие ситуации и учитывать курс Китая на усиление вооруженных сил и на подготовку войны. У нас уже

был урок, когда в 1969 году в нашей стране, особенно в ее руководстве, не были готовы к отражению нападения, «просмотрели войну». Не хочется, чтобы это повторилось.

В докладе предлагается «всесторонне продвигать вперед китайскую самобытную дипломатию великого государства, формировать многовекторную, многоуровневую, многоярусную, многоступенчатую, стереоскопическую обстановку в области внешних связей с тем, чтобы создавать прекрасные внешние условия для развития страны». Это означает осуществление глобальной стратегии, нацеленность на будущее, на действия в любом районе планеты. Этой стратегии подчинены все действия в сфере внешней политики, независимо от того, кто их осуществляет — государство или негосударственные структуры.

В докладе говорится о необходимости содействовать реформе системы глобального управления, повышать влияние Китая в мире. Стоит выяснить у китайских коллег, что подразумевается под реформой системы глобального управления. В Китае считают, что в истории человечества глобальное управление лучше всех осуществляли китайцы. Можно предполагать, что речь идет о возрождении подобной ситуации.

В докладе предлагается поднимать международный статус КНР на ранее неданную высоту. К термину «возвышение» стоит присмотреться, чтобы понять, что это означает на практике, прежде всего, для нашего народа и нашей страны.

Центральное теоретическое положение доклада Си Цзиньпина — это идея китайского самобытного социализма в новую эпоху. Речь идет о «возвышении» Китая. У Си Цзиньпина это характеризуется термином *вэй да фэй юе* — «великий взлет». А до того Китай претерпел много горестей и невзгод, причем подразумевается, что эти невзгоды ему принесли иностранцы.

Китай давно не является страной, которую кто-то угнетает, причиняет ей страдания. Реальная ситуация такова, что сегодня никто в мире не может напасть на Китай, навязать ему свой контроль или свое господство. Наоборот, многие рассматривают именно Китай как угрозу, озабочены тем, как бы эту угрозу сдержать. В этой ситуации заявления о страданиях и невзгодах Китая могут восприниматься как намеренное желание его властей оказать нажим на того или иного партнера.

С точки зрения Си Цзиньпина, за годы существования КНР страна уже пережила две «эпохи». Сначала «эпоху Мао», во время которой она «встала во весь рост». Затем — «эпоху Дэна», когда страна «обогатилась». Наконец теперь страна живет в «эпоху Си», для которой основной характеристикой является сила, страна сегодня «усилилась».

В историческом разделе доклада говорится о том, что КПК с момента создания «поставила своей целью осуществление коммунизма и историческую миссию великого возрождения нации Китая...». То есть у нее изначально существовала двуединая цель. Очевидно, таким образом решается трудная задача соединения коммунизма и национализма. При этом национализм явно занимает главенствующее положение, а с интернационализмом, похоже, пришлось окончательно распрощаться.

В докладе постоянно повторяется термин *цян* («сильный»), подчеркивается, что нынешняя эпоха требует сильного государства и сильной армии. При этом, имея в виду реальную мощь Китая и ситуацию на планете, очевидно, что сильное государство и сильная армия нужны нынешним китайским руководителям не для того, чтобы защищать Китай от нападения извне.

В докладе сказано: «Китай ни в коем случае не будет жертвовать интересами других стран ради того, чтобы развиваться самому, а также ни в коем случае не будет отказываться от своих законных (справедливых) интересов, ни у кого не должно быть иллюзий, что можно заставить Китай проглотить горькие плоды нанесения ущерба его интересам». Представляется, что такая формулировка позволяет китайской стороне иметь руки развя-

занными в любой ситуации. С одной стороны, дается заверение в том, что развитие Китая не наносит никому никакого ущерба. Но одновременно говорится, что Китай ни в коем случае не будет отказываться от своих законных справедливых интересов. Более того, «ни у кого не должно быть иллюзий, что можно заставить Китай проглотить горькие плоды нанесения ущерба его интересам» (это, кстати, напоминание о словах Мао Цзэдуна по поводу того, что проглотить горькую пилюлю его якобы заставила наша страна).

Далее говорится: «Китай осуществляет политику оборонительного характера. Развитие Китая не создает угрозы ни одному государству. Вне зависимости от того, до какой степени будет развит Китай, он никогда не будет именоваться гегемоном (*ба*), никогда не будет заниматься экспансией». Термин *ба* в связи с международными отношениями был введен в свое время Мао Цзэдуном. Необходимо, однако, уточнить, что в истории Китая *ба* именовали того, кто незаконно претендовал на верховную власть (по мнению Мао, СССР и США незаконно претендовали на верховную власть над миром). Тогда как сегодня в КНР часто говорят о том, что в свое время в истории Китай управлял делами планеты, и у него это получалось лучше, чем у кого бы то ни было.

В целом на основе изучения доклада можно констатировать, что КПК на съезде заявила, по сути, о переходе внешней политики Китая в стадию активного осуществления глобальной стратегии, составной частью которой является реформирование управления. При этом Си Цзиньпин прямо говорит о «мудрости и силе Китая».

В заключительной части доклада вновь появляется слово «сильный». Си Цзиньпин, в частности, подчеркивает: «Великое дело... требует руководства со стороны сильной партии». Другое важное слово — «величие»: великая нация, великий народ, великая политическая партия, великая мечта. Во время правления Мао Цзэдуна некоторые в Китае говорили: «У нас теперь все великое». Похоже, что в этом смысле происходит возврат в прежние времена. В целом, на XIX съезде КПК ее руководство, прежде всего Си Цзиньпин, объявив о переходе глобальной стратегии Китая в активную фазу, фактически противопоставили себя «остальному человечеству». Главным соперником в конкурентной борьбе за мировое господство они считают США. России при этом предназначена роль «отвлекающего маневра» — того, кто должен находиться в состоянии постоянной конфронтации с США. В ходе противостояния «остальному человечеству» в целом и каждой его части, так или иначе, придется защищать свои интересы от активно осуществляющего свою глобальную стратегию Китая. Эта ситуация будет побуждать части «остального человечества» объединять усилия. Вопрос в том, сумеет ли и успеет ли «остальное человечество» осознать ситуацию.

Вопрос об отношениях с Китаем — главный во внешней политике России. На его решении, то есть на защите интересов нашего народа и нашей страны, необходимо сосредоточить все материальные и духовные силы.

В настоящее время у нас в этом отношении нет многого, в первую очередь, руководящего центра. Необходимо иметь единый руководящий центр, определяющий всю политику РФ в отношении Китая. Исторический опыт показывает, что эту работу целесообразно осуществлять под руководством верховного государственного совещания. Речь идет о группе руководителей: президент, глава правительства, министры обороны, иностранных дел, экономики, финансов. Возможно привлечение руководителей иных ведомств.

В администрации президента целесообразно иметь специальный отдел по Китаю, который может быть наделен полномочиями для отслеживания исполнения решений верховного государственного совещания и должен опираться на мнения китаеведов, других экспертов и специалистов.

Необходимы экспертные центры, в том числе ИДВ РАН. При этом часть его деятельности должна носить открытый, а часть — закрытый характер. ИДВ и другие науч-

ные центры по Китаю должны находиться на особом государственном материальном обеспечении и не испытывать недостатка в средствах, чтобы гарантировать приток кадров, в том числе молодежи.

Исследования по Китаю должны носить комплексный характер. Это означает объединение центров изучения Китая внутри России, объединение их усилий, возможно, с помощью всероссийской организации китаеведов. Необходимы также совместные исследования китаеведов России с китаеведами государств — бывших республик СССР, восточно-европейских стран, Европы, Америки, Японии, Индии, мусульманских государств, соседних с Китаем стран и т.д. Вся эта работа в настоящее время прекращена, а без этого не удастся согласовывать действия с другими частями человечества по общей для них проблеме — взаимоотношения с Китаем.

Необходимо повысить значение работы Общества российско-китайской дружбы, которое на деле должно быть обществом дружбы народов России и Китая. Действующие Президент РФ и Председатель КНР могли бы стать почетными председателями соответствующих обществ дружбы между народами двух стран. Средства на работу общества в нашей стране должны выделяться из государственного бюджета.

Целесообразно настаивать перед китайской стороной на неоднократном проведении Годов дружбы между Россией и Китаем. Китайская сторона «уходит» от термина дружба, пытается заменять его термином «народная дипломатия». Например, совместные военные маневры РФ и КНР сначала именовались «миссией дружбы», затем, по настоянию китайской стороны, были переименованы в «миссию мира», в то время как такие же учения, например, с Пакистаном, именуется «миссией дружбы».

Под полный контроль должна быть поставлена работа институтов Конфуция в нашей стране и туризм из Китая. Все то, что говорится при обучении студентов в институтах Конфуция и гидами туристам из Китая, должно проходить утверждение в соответствующих учреждениях нашей стороны. Преподаватели и гиды должны говорить то, что отвечает интересам нашей страны, а за нарушения — лишаться права заниматься этой работой.

Работа всех чиновников, бизнесменов, работников сферы образования и науки, а также средств массовой информации, которые имеют отношение к Китаю, должна быть под особым контролем: нужно исключить работу по принципу «поддакивания» китайской стороне и работу фактически на содержании у китайской стороны.

Особого внимания заслуживает работа по выявлению китайских шпионов, по пресечению китайского шпионажа. Необходимо также добиться полного прекращения экспорта в нашу страну наркотиков из Китая.

При осуществлении экономической деятельности следует исходить из того, что китайская сторона как покупатель в большей мере заинтересована в таких связях, чем наша сторона. При этом необходимо помнить, что земля, вода и воздух — наше национальное и общечеловеческое достояние, которое следует беречь и передать потомкам, а не «разбазаривать».

В учебниках для средних и высших учебных заведений России должны быть разделы, посвященные истории наших отношений с Китаем, написанные с позиций защиты наших интересов: у населения России должно быть правильное представление об истории наших отношений.

По острым вопросам истории наших взаимоотношений могут вестись дискуссии с китайскими коллегами. Важно отделить вопросы о взглядах тех или иных ученых от межгосударственных отношений.

Было бы целесообразно заменить все ныне действующие договоры о границе одним новым общим договором, с которым были бы согласны обе стороны. Необходимо также разработать и подписать договор о режиме границы.

Во взаимоотношениях с китайской стороной важно подчеркивать, что главные принципы наших отношений — это дружба и отношения между народами, в интересах народов. Следует напоминать, что существуют и должны пропагандироваться Реестр добрых дел России по отношению к Китаю и Реестр добрых дел Китая по отношению к России, поскольку в настоящее время с китайской стороны фактически предъявляется необоснованный исторический счет к нашему народу и нашей стране.

При изучении внешней политики Китая первостепенную важность, помимо наших двусторонних отношений, имеют отношения КНР с США, государствами Европы, с Индией, государствами Средней Азии, Монголией, мусульманскими странами и Израилем, а также с соседними с ним государствами. Важным представляется специальное изучение отношений между Китаем и бывшими советскими республиками, Китаем и государствами Восточной Европы. Эта работа должна быть развернута в рамках комплексных и совместных исследований. Например, вопрос об отношениях Китая и Америки должен рассматриваться совместно ИДВ РАН и Институтом США и Канады РАН.

Необходимо наладить обмен мнениями, совместное изучение вопросов, касающихся наших отношений с Китаем, с представителями государственных учреждений, бизнеса, преподавателями вузов, работниками СМИ.

Все, что содействует поддержанию дружественной атмосферы в отношениях, необходимо оберегать и сохранять. В то же время нельзя поддакивать и находиться на поддержке у китайской стороны, нельзя считать себя учениками Китая. Не следует повторять за китайской стороной утверждение: «Будущее принадлежит Китаю», говорить, что место, где в 1928 г. в окрестностях Москвы проходил шестой съезд КПК, «это святое для китайцев место». Неприемлемым представляется и навязываемый китайской стороной термин «красный туристический маршрут» (имеется в виду путешествие «по ленинским местам»).

Необходимо исходить из различий между идеологиями в нашей стране и в Китае. Это — разные идеологии.

Нужно с осторожностью относиться к утверждениям о том, что сейчас мы переживаем «лучший период в истории наших отношений»; что «в пограничном вопросе поставлена точка»; не соглашаться с утверждением о том, что анализ внутреннего положения в Китае — это «досужие домыслы» о стабильности в КНР.

А.Г. Ларин, к.и.н., в.и.с. ИДВ РАН:

Главное то, что съезд зафиксировал становление Китая в новом качестве: глобальной державы, вошедшей в число мировых лидеров по совокупной национальной мощи, мыслящей глобальными категориями и принимающей значительную долю ответственности за судьбы мира. Китай идет собственным путем развития, отличным от путей, присущих государствам Запада, поднимаясь все выше к вершинам мирового лидерства. Съезд наметил также перспективы дальнейшего развития страны и снабдил ее новой идеологической платформой — идеями Си Цзиньпина, поименованными концепцией социализма с китайской спецификой в новую эпоху.

При этом материалы съезда буквально пропитаны духом китайского национализма, насыщенного гордостью за историю и культуру народа, за его нынешние успехи. Было бы удивительно, если бы в идеологии успешно развивающегося государства таких масштабов не появилось мессианских тенденций. И они появились и нашли четкое выражение в формулировках типа: развитие социализма с китайской спецификой «открыло

развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и сохранить собственную независимость».

Мессианство было свойственно и СССР, и дореформенному социалистическому Китаю, присутствует оно и в политике США. Но советско-китайское социалистическое мессианство и американское мессианство предусматривали уход с мировой сцены определенных политических режимов и социальных систем — в результате победы социалистического строя или многопартийного демократического строя. Это — конфронтационные, агрессивные виды мессианства.

В отличие от них китайское мессианство — это идеология общего выигрыша, толерантности, равноправия, взаимного уважения, идеология общей судьбы человечества. В ней, конечно, есть немалая доля утопизма, и едва ли сам Китай удержится в ее рамках. Тем не менее, предложенная Китаем идеология способна работать на смягчение конфликтов и конфронтации в современном мире и тем самым приносить общую пользу.

Вместе с тем она прекрасно обслуживает интересы самого Китая, в целом держащего курс на экономическую, а не на силовую экспансию и не испытывающего необходимости затевать вооруженные конфликты или вмешиваться во внутреннюю жизнь других стран. При этом огромная «жесткая» сила Китая порождает особый вид вторичной, психологической силы (назовем ее «мягким последствием жесткой силы»): противник отступает, понимая, что силовой конфликт с Китаем ему не выиграть и целесообразнее сделать упор на экономическое сотрудничество с Пекином.

Внешнеполитические формулировки XIX съезда рассчитаны на повышение международного авторитета Китая. Одновременно, по мнению ряда экспертов, они прикрывают тот факт, что, осуществляя политику открытости в соответствии с потребностями своей огромной экономики, Китай в небывалых масштабах прибирает к рукам мировые запасы сырьевых ресурсов, рынки сбыта своих товаров и промышленные предприятия. Важным видом экспансии становятся китайские инвестиции за рубеж — в энергетику, инфраструктуру, промышленность, добычу природных ресурсов. Все они имеют геополитическое значение. Даже если тот или иной проект не приносит прибыли, доля собственности Китая в нем или задолженность по китайским кредитам государства-партнера дают Пекину рычаги влияния на хозяйственную жизнь и политику данного государства.

Не все китайские предложения принимаются «на ура». Некоторые совместные проекты отклоняются из-за их высокой стоимости, чрезмерно жестких условий китайской стороны и т.п. В продаже некоторых объектов Китаю отказывают из-за их стратегической значимости для обеспечения национального суверенитета. Кроме того, само китайское правительство усиливает контроль за экспортом капитала, стремясь обеспечить коммерческую эффективность инвестиций и направить их в реальные сектора экономики, а это ведет к сокращению их объема. Тем не менее, в целом можно говорить о победном шествии китайского капитала и товаров по планете. К нему следует добавить огромный суммарный профицит во внешней торговле КНР со множеством стран, в результате чего Китай приобретает небывалое влияние и власть в мировой экономике.

При Си Цзиньпине набрали силу такие процессы, как централизация власти, усиление контроля властей над обществом. Внеся в устав КПК идеи Си Цзиньпина относительно социализма с китайской спецификой в новую эпоху и сделав обязательным изучение этих идей по всей стране, XIX съезд по существу оформил культ личности Си. Возможно, сосредоточение полноты власти в центре, даже в одних руках, отвечает внутренним потребностям китайского общества, обусловлено необходимостью преодоления сопротивления консервативных сил и разрешения накопившихся противоречий. Возможно, централизация власти станет действенным фактором в проведении назревших реформ. Необходи-

мая для этого политическая воля у Си Цзиньпина, очевидно, имеется. Глубокие реформы невозможны без преодоления сопротивления консервативных сил, но может случиться так, что их проведение будет подменено борьбой за сохранение личной власти.

В докладе Си отдана дань многополярности, однако на фоне различных глобальных тенденций одной из самых значимых нужно считать нарастающее соперничество теперь уже КНР и США. Учитывая, насколько тесно их экономики сплетены друг с другом и насколько при их нынешней военной мощи рискованно прибегать к оружию, логично предположить, что «отношения нового типа между большими государствами» будут развиваться по известной модели: «соперничают и сговариваются», модифицированной в виде формулы «соперничают, сотрудничают и сговариваются».

В «стратегическом треугольнике» Россия — Китай — США Россия находится в самом неблагоприятном положении. Оказавшись изолированной от Запада, оставшись без союзников, она тем самым существенно ослабила свои позиции и в диалоге с Китаем. Нет ничего удивительного в том, что Китай, действуя согласно логике собственных интересов, фактически не поддержал Россию в политическом плане в украинском кризисе, а в экономических отношениях повел себя как сугубо коммерческий партнер. Это — слишком высокие проценты по кредитам для российских компаний, заниженные цены, предложенные за доли в российских добывающих компаниях, и цены за поставки российского газа. Некоторые российские специалисты считают, что Китай фактически попытался воспользоваться тем, что Россия попала под санкции и отчаянно нуждалась в средствах. Примечательно, что это происходило в то время, когда Россия и Китай провозгласили наступление нового этапа в их партнерстве (2014 г.), а российские СМИ активно писали о «повороте на Восток».

Эти факты подтверждают, что углубление китайско-американского соперничества, которым, по всей видимости, будет сопровождаться провозглашенный XIX съездом дальнейший подъем Китая, не сулит России никаких бонусов, если она не сумеет вырваться из нынешней ямы.

Усиление могущества Китая ни в коем случае не означает, что он будет меньше нуждаться в стратегическом партнерстве с Россией. Она по-прежнему необходима ему как надежный тыл в противостоянии Соединенным Штатам; как источник энергетических и сырьевых ресурсов, потребность Китая в которых будет и дальше расти; наконец, как важный рынок его товарной продукции, а также источник некоторых современных технологий. Не случайно Си Цзиньпин в ответе В.В. Путину на поздравление по поводу избрания генсеком КПК и во время последнего визита Д.А. Медведева в КНР подтвердил, что Россия остается ближайшим партнером Китая. Причем, как все чаще подчеркивается в последнее время, «равноправным партнером».

Что может принести России дальнейшее усиление национальной мощи Китая и повышение жизненных стандартов его населения? Во-первых, ускорится процесс проникновения Китая в страны ЦА и оттеснение России на обочину экономической и геополитической жизни этого региона.

Во-вторых, не стоит надеяться, что подъем экономики КНР позволит России получать от него больше инвестиций: приток китайских инвестиций в Россию сдерживается не возможностями Китая, а качеством инвестиционного климата в России.

В то же время увеличение разрыва между Россией и Китаем, вполне возможно, приведет к усилению влияния китайского бизнеса на экономику Сибири и Дальнего Востока. С этой точки зрения заслуживает внимания попытка администрации Забайкальского края в 2015 г. по скромной цене (согласно расчетам, 250 рублей за гектар) отдать китайцам в аренду на 49 лет (!) то единственно ценное, чем она располагает — землю,

а именно 115 тысяч га сельскохозяйственных угодий с перспективой увеличить их размеры до 200 тысяч.

А учитывая реальную практику борьбы с коррупцией в России, можно с уверенностью предположить, что в китайском влиянии будет присутствовать и весомая доля коррупционной составляющей. Примеры масштабного сговора китайского и российского бизнеса вкупе с российскими таможенниками на Дальнем Востоке и в Калининградской области уже имеются.

В-третьих, на фоне стагнации российского общества и смутных перспектив его возрождения, особенно за Уралом, может повыситься привлекательность Китая для представителей местной административной, деловой, интеллектуальной элиты — наподобие того, как сегодня для них привлекателен Запад. Для одних это будет означать вывод в Китай капиталов, приобретение там недвижимости и т.п.; для других — переезд в Китай на работу. Определенная тенденция уже налицо.

Поразительные успехи Китая должны заставить российские элиты серьезно задуматься над старым вопросом: что же мешает нам повторить его успехи? Ведь наши политические и экономические системы в принципе похожи. Понятно, что опыт Запада нам не подходит, но мы почти не изучаем и опыт Китая с точки зрения того, как там решают сходные с нашими проблемы.

Вместо этого мы вдохновляемся примером Китая и надеждами на сотрудничество с ним в сооружении помпезных, но непомерно дорогих объектов, не задумываясь об их окупаемости и не проводя серьезных расчетов. Окупит ли себя высокоскоростная магистраль (ВСМ) Москва — Казань? В Китае почти все ВСМ убыточны. Считается, что строительство ВСМ оправдано тем, что они освобождают пути для товарных поездов. Однако для этого параллельная пассажирская магистраль совсем не обязательно должна быть высокоскоростной. Но в правительственных документах ее уже рассматривают как участок трансконтинентальной магистрали Пекин — Москва без расчетов затрат и объема пассажиропотоков в этом мегалопроекте.

В этом видны происки лоббистов из российского транспортного ведомства вкупе с могущественным ООО «РЖД», которые, ссылаясь на пример китайского Нового Шелкового пути, проталкивают выгодные для себя, но вредные для интересов страны проекты. Как тут не вспомнить печальный опыт БАМа! Как не вспомнить, что бездумная реализация ведомственных интересов, ради которых были выброшены на ветер гигантские средства, послужила одной из причин, приведших к краху СССР.

Успехи Китая в возрождении китайской нации должны побудить нас к глубокому творческому изучению китайского опыта, с тем чтобы выработать наиболее эффективные способы ускорения собственного развития. Мы должны внимательно следить за тем, как будут выполняться решения XIX съезда КПК.

А.О. Виноградов, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН:

В сравнительно небольшом внешнеполитическом разделе доклада Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина основное внимание было уделено строительству «общества единой судьбы человечества» и характеристике международной обстановки в целом. Касаясь межгосударственных отношений, Си Цзиньпин повторил в кратком виде формулировку, предложенную на предыдущем съезде его предшественником Ху Цзиньтао, в соответствии с которой все страны мира для Китая делятся на три вида: крупные, сопредельные и развивающиеся. В отношении первой группы стран необходимо, во-первых, «продвигать координацию и сотрудничество», а во-вторых, «установить такие рамки отношений, при которых они развивались бы в целом стабильно и сбалансиро-

рованно». Заметим, что задача построения с этими странами «нового типа отношений» больше не ставится, так как, видимо, считается выполненной.

По отношению к сопредельным странам добавилась концепция (*цинь, чэн, хуэй, жун*), которая переводится как «доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность».

Хотя тематика российско-китайских отношений на съезде КПК не затрагивалась, тем не менее сам съезд — хороший повод непредвзято взглянуть на их современное состояние и попытаться высветить и проанализировать не только достижения, но и проблемы, существующие в двустороннем взаимодействии, а также обрисовать его перспективы.

Несомненно, что отношения с Китаем являются и должны являться сегодня главным направлением внешней политики РФ. Китай — ведущий партнер России как в экономической, так и в политической области.

Вместе с тем происходящее в последние несколько лет определенное «приукрашивание» состояния, характера и существа российско-китайских отношений, происходящее, по нашему убеждению, прежде всего с подачи китайской стороны, мешает видеть существующие проблемы и находить пути и возможности для их решения. Мифологизация российско-китайских отношений, попытка представить их исключительно в безоблачном свете отнюдь не способствуют их развитию в направлении долгосрочного сотрудничества.

Один из примеров подобной мифологизации — характеристика нынешнего этапа в отношениях двух стран как «наилучшего в истории». Одно время она присутствовала и в заявлениях высшего руководства РФ. Напомним, что для российской историографии «наилучшим периодом» в отношениях наших стран всегда было принято считать период первой половины и середины 50-х годов XX века, когда Советский Союз и Китайская Народная Республика были связаны Договором о дружбе, союзе и взаимопомощи. В соответствии с буквой и духом этого договора Советский Союз такую помощь Китаю всемерно оказывал (в КНР она тогда с полным основанием называлась «братской помощью»). Нам кажется, что об этом периоде отношений не стоит забывать (а тем более — интерпретировать характер советско-китайских отношений в тот период в духе последующих высказываний Мао Цзэдуна).

Второй миф относительно российско-китайских отношений — это заявления о том, что в 2000-х годах стороны окончательно решили (или «закрыли») вопрос о российско-китайской границе. Действительно, в результате заключения Договора 2001 г. двум сторонам удалось договориться о линии прохождения границы на всех участках, кроме двух островов у Хабаровска. В 2004 г., после проведения размежевания в районе этих островов (имеются в виду острова Тарабаров и Большой Уссурийский), была решена и эта проблема. Однако заметим, что характер размежевания вызвал довольно неоднозначную реакцию не только со стороны российского населения (посчитавшего, что российская сторона отдала свои исконные территории китайцам), но и со стороны китайской общественности, до сих пор уверенной в том, что оба этих острова полностью принадлежат КНР.

Не стоит забывать и том, что в китайской историографии по-прежнему исходят из позиции, заявленной Мао Цзэдуном в 1964 г., в соответствии с которой Россия в свое время захватила 1,5 млн кв. км китайской территории. Несмотря на то, что в процессе нормализации отношений между нашими странами в 1989 г. было принято решение начать, по словам Дэн Сяопина, «с чистого листа», факт «захвата» Россией огромной китайской территории, которую КНР считает исторически своей, преподносится китайскому населению как «непреложный». И именно в таком ключе изучается в школах и вузах Китая.

Возможно, решению данного вопроса могло бы помочь заключение специального договора о границе между двумя нашими странами, в котором стороны заявили

бы о том, что существующая граница является окончательной, и подтвердили бы отсутствие претензий друг к другу. Несмотря на различную трактовку определенных исторических событий, факт того, что российская сторона имеет по поводу вышесказанного свое мнение, отличное от позиции китайской стороны, также должен быть зафиксирован документально.

Еще один широко распространяемый миф, часто повторяющийся и с китайской, и с российской стороны, касается совпадения стратегических позиций и интересов России и Китая, вплоть до предложений о заключении военного союза. В этом отношении нужно четко разделять объективное совпадение долгосрочных глобальных интересов народов двух стран, нуждающихся в мире и развитии, а также в установлении более справедливого порядка в международных делах (включая борьбу за изменение сложившейся мировой финансовой и экономической системы), и существующие конкретные различия в позициях РФ и КНР по некоторым международным проблемам, объясняющиеся их неодинаковым положением и местом в системе международных отношений, в том числе в структуре мировой экономики, а также разницей в подходах к решению ряда международных вопросов.

Это необходимо для того, чтобы не поддаваться магии слов и не заниматься самоуспокоением, а видеть конкретные расхождения и тщательно с ними работать в интересах сближения позиций и нахождения точек соприкосновения.

Например, когда мы говорим о том, что «Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстаивают ее итоги»¹⁸, не стоит забывать, что не только в ряде западных стран, но и в Китае сегодня активно осуществляется такой пересмотр, чтобы доказать, что именно Китай понес в той войне наибольшие жертвы и внес наибольший вклад в победу над фашизмом и милитаризмом.

Точно так же, когда говорится о том, что «стратегическим консенсусом» России и Китая является противодействие международному терроризму¹⁹, мы не всегда учитываем, что Россия и Китай вкладывают в понятие международного терроризма разное содержание. В то время как для России это, прежде всего, ИГИЛ, для Китая главным противником является Исламское движение Восточного Туркестана и другие уйгурские националисты.

То же самое касается сотрудничества в сфере безопасности в целом. Например, в опубликованной в январе 2017 г. Белой книге КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР ШОС занимает предпоследнее место в перечне важных для Пекина механизмов в сфере безопасности, а структура ШОС по борьбе с терроризмом — РАТС — не упомянута вообще. А одну из первых по важности строчек в этом перечне занимает новый антитеррористический механизм с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана, который не включает Россию и не связан с ШОС²⁰.

Подобных примеров множество. Существуют серьезные различия в подходах к ситуации на Украине и вопросу принадлежности Крыма, к событиям в Сирии и к вопросу о путях и способах «сопряжения» проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» и др. Очень во многих случаях можно обнаружить различия как в подходе сторон, так и в понимании причин и следствий происходящих процессов.

Однако это не мешает искать точки соприкосновения, совсем наоборот: ведь только при фиксации различий можно искать и находить то общее, главное, что нас сегодня объединяет и сближает.

Подчеркнем еще раз, что Китай сегодня — главный и наиболее важный партнер РФ на международной арене, что обусловлено как ухудшением отношений России со странами Запада, так и сложившейся международной ситуацией в целом. Однако при этом не следует забывать о том, что Китай — крайне сложный партнер, не только пресле-

дующий в мировой политике свои собственные интересы, но умеющий их жестко отстаивать. И эти интересы далеко не всегда и не во всем совпадают с интересами России.

А.С. Давыдов, к.и.н., заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», в.н.с. ИДВ РАН:

Завершившийся в Пекине XIX съезд КПК внес существенные изменения во внешнеполитические концепции КНР. Определив международный статус Китая как «самой большой в мире развивающейся страны», он обозначил цель ее движения вперед как «великое возрождение китайской нации», которое «без руководства КПК неизбежно стало бы утопией».

Предпосылкой достижения этой цели названо «полное воссоединение Родины», а конечным результатом внешнеполитических усилий КНР должно быть стимулирование «создания общества единой судьбы всего человечества», для чего необходим «стабильный международный порядок», опирающийся на «концепцию всеобщей комплексной и устойчивой безопасности».

Понятно, что столь амбициозные цели предполагают использование Китаем соответствующих инструментов, облегчающих их достижение. Преобладающая доля такого инструментария связана с мерами внутривнутриполитического характера, однако не последнее место в их числе отводится и действиям КНР на международной арене.

Главное состоит в том, что устами генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина фактически было объявлено, что Китай уже «перерос» статус региональной державы и претендует на одно из первых мест среди ведущих государств мира.

На первый взгляд это может выглядеть как отход от прежней основополагающей позиции «копить силы и не высовываться», озвученной в свое время Дэн Сяопином и канонизированной теоретиками-политологами КНР. Ведь именно на основании этого высказывания многими аналитиками, в том числе зарубежными, тогда были сделаны выводы об отсутствии у Китая «имперских замашек» и ограниченности его устремлений достижением уровня «региональной силы».

Однако теперь выясняется, что это не так. Получается, что упомянутые выводы покоились на недостаточном знании китайского менталитета, включающего умение скрывать желаемое, говоря одно, думая другое, а делая третье. При этом многим знатокам Китая и раньше было ясно, что постулаты Дэна — стратегическая уловка, призванная до поры до времени скрывать истинные намерения «Срединной империи».

Безусловно, заявка КНР на глобальное лидерство подкрепляется, в первую очередь, экономическими достижениями Пекина, но не только этим. Китай неуклонно наращивает свою политическую и военную мощь, укрепляя влияние в АТР и распространяя его на другие части мира. Одно из недавних свидетельств идейно-геополитического экспансионизма КНР — проект «Пояс и путь».

К концу первой трети нынешнего века Пекин планирует занять передовые позиции в инновационной сфере, стать мировым лидером в областях фундаментальных научных исследований, аэрокосмических технологий и интернета, активизировать борьбу с глобальными изменениями климата.

Выступая за «открытое, инновационное, инклюзивное и взаимовыгодное развитие, содействие межцивилизационным обменам, гармоничное сосуществование, взаимовосприятие и взаимодополнение», Китай призывает к «формированию нового типа международных отношений, ... крупным переменам и серьезной перестройке в мире», «преобразованию системы глобального управления и международного порядка».

Однако это противоречит провозглашенному далее в докладе Си Цзиньпина весьма спорному обязательству КНР, с одной стороны, «ни в коем случае не жертвовать

интересами других стран ради собственного развития», а с другой — «ни при каких обстоятельствах не отказываться от своих законных интересов и прав». Интересы и права Китая на протяжении всей его истории многократно вступали в столкновение с интересами и правами других государств, а предлагаемый ныне слом существующей системы глобального управления и международного порядка неизбежно приведет к противодействию со стороны тех, кого эта система вполне устраивает и, в первую очередь, США.

Переживая разные периоды — и потепления, и охлаждения, китайско-американские отношения всегда оставались достаточно сложными и трудно предсказуемыми. В этом смысле не является исключением их состояние и после воцарения в Белом доме президента Д. Трампа.

Вслед за президентской избирательной кампанией, сопровождавшейся анти-КНР-овской риторикой и демонстрацией «теплых чувств» к тайваньскому руководству, Трамп спустя два с половиной месяца после инаугурации пригласил Си Цзиньпина посетить США. Переговоры двух лидеров во Флориде позволили им не только познакомиться лично, но установить необходимые деловые контакты.

Очевидно, к еще не очень опытному в политическом отношении Трампу уже тогда пришло осознание того, что роль и значение КНР в жизни современной Америки весьма велики. Достаточно отметить, что почти за 39 лет с момента установления дипломатических отношений между США и континентальным Китаем объем их двусторонней торговли увеличился почти в 240 раз — с 2,5 до приблизительно 600 млрд долл., а обоюдные инвестиции на конец 2016 г. составили более 100 млрд долл. Соединенные Штаты реализуют в КНР 67 тыс. инвестиционных проектов в объеме около 80 млрд долл. При этом 90% американских предприятий в КНР являются прибыльными. В свою очередь Китай создает в США большое количество рабочих мест и владеет американскими ценными бумагами на сумму 1,15 трлн долл.

В то же время на протяжении многих лет между двумя странами существуют трудно разрешимые экономические и политические расхождения и противоречия. Сохраняются торговые разногласия на почве значительного превышения доли китайского экспорта в США над импортом американской продукции на китайский рынок. По оценке Трампа, дефицит торгового баланса с КНР составляет у Америки свыше 500 млрд долл., хотя эта цифра представляется несколько завышенной. Более реальный показатель дефицита двусторонней торговли — 350–370 млрд долл.

Вашингтон настаивает на расширении доступа американских компаний к китайскому рынку услуг, финансов и страхования — сферам, весьма чувствительным для Пекина. Кроме того, у американцев есть претензии к китайской стороне по поводу соблюдения прав интеллектуальной собственности, искусственного ослабления курса юаня, обеспечения свободы судоходства в Южно-Китайском море и по ряду других вопросов. Но приоритетное место среди остро актуальных тем заняла сегодня проблема Северной Кореи.

Хотя за семь месяцев после встречи руководителей двух стран во Флориде американо-китайские отношения порою накалялись почти до предела, стоит отметить, что именно Д. Трамп стал первым главой иностранного государства, позвонившим Си Цзиньпину после XIX съезда, чтобы поздравить его с переизбранием на должность генерального секретаря ЦК КПК. Случай поистине беспрецедентный!

Перед поездкой в Азию Трамп выразил удовлетворение тем, что Пекин начал усиливать экономическое давление на Пхеньян: закрывать свою банковскую систему для Северной Кореи и ограничивать поставки нефти в КНДР. Американские спецслужбы, однако, полагают, что Китай рассчитывает сохранять Северную Корею в качестве буферной зоны, умышленно затягивая решение вопроса о ее денуклеаризации.

В разведсообществе США озабочены тем, что опасения Америки в отношении России отвлекают ее от той угрозы, которую представляет для нее Китай. Прежде всего, ставится под сомнение главный постулат американской политики в отношении КНР, гласящий, что торговля и контакты с Китаем якобы породят политические реформы в этой стране.

В вину Пекину вменяется подрыв установленного США мирового порядка, обеспечивавшего стабильность в Азии на протяжении последних 40 лет, включая переход к политике оказания давления в вопросе о Южно-Китайском море. Отмечается, что если в прошлом КНР ограничивала концепцию своих национальных интересов защитой правления компартии и восстановлением контроля над Тайванем, то сегодня они простираются гораздо шире.

Все перечисленное звучит вызовом тем планам, которые намечены в докладе Си Цзиньпина по поводу переустройства международного порядка к середине текущего века. Однако американо-китайское военное столкновение спецслужбами США пока не прогнозируется, и, в отличие от некоторых политологов, представители американского разведсообщества не считают, что такой сценарий является предопределенным. При этом они исходят из того, что Китай не пытается конфликтовать с США или другими странами и стремится поддерживать стабильные связи с Вашингтоном.

Намерения сторон более рельефно и отчетливо проявились в ходе состоявшегося 8–10 ноября 2017 г. официального визита Д. Трампа в КНР, к которому оба лидера приближались далеко не в одинаковом психологическом состоянии. Си — в эйфории властного величия после успешно проведенного съезда, поддержавшего все его замыслы; Д. Трамп — изнуренный нагнетаемой СМИ неприязнью к нему как президенту со стороны значительного сегмента избирателей и афронтом, демонстрируемым как законодателями на Капитолийском холме, так и частью Республиканской партии, к которой он сам принадлежит.

К тому же мировое лидерство США по существу оказалось в кризисе, в то время как Китай укрепил свое влияние. В силу этих причин большинство наблюдателей считали, что «командовать парадом», очевидно, будет Си Цзиньпин. Одновременно высказывались предположения, что особо торжественный прием, готовившийся для Трампа, якобы нацелен исключительно на то, чтобы «манипулировать его настроением», воспользовавшись его «любовью к мгновенным успехам», и создать условия для демонстрации немедленных результатов, ограничившись несколькими соглашениями вместо решения давних проблем в двусторонних отношениях.

По стечению обстоятельств Д. Трамп стал первым иностранным лидером, посетившим Пекин после переизбрания Си генсеком. А прибытие американского президента в КНР лишь десять месяцев спустя после инаугурации и всего через семь месяцев после первой встречи с китайским руководителем в США было воспринято в Китае не только как знак важности отношений двух стран, но и как свидетельство глубокой заинтересованности Вашингтона в сохранении и упрочении американо-китайских связей.

«Китайско-американские отношения находятся на новом историческом старте. Китай готов вместе с США стремиться к взаимоуважению и взаимной выгоде, фокусировать внимание на сотрудничестве, регулировать и контролировать разногласия», — заявил Си Цзиньпин, встречая американского гостя. «Не существует более важных тем, чем американо-китайские отношения, — ответил ему на переговорах Трамп. — Мы обладаем способностью решать мировые проблемы на долгие годы вперед».

Главными темами переговоров, безусловно, стали двусторонняя торговля и северо-корейская проблема. По признанию большинства наблюдателей, ни по одной из них радикального прорыва достигнуто не было. По словам госсекретаря США Р. Тиллерсона, не-

смотря на многочасовые переговоры, в торговом вопросе удалось добиться немного. И Соединенным Штатам пришлось «донести до китайских властей свое недовольство темпами прогресса». Чтобы итоговая сумма — 28 подписанных торговых соглашений (253 млрд долл.) выглядела внушительнее, в нее включили не только прямые сделки и контракты, но и меморандумы о намерениях (порядка 15), реализация которых может вовсе не состояться. Хотя Пекин пошел на некоторое увеличение импорта из США, предполагается, что это было запланировано китайской стороной еще до приезда американского президента.

Попытки Трампа убедить Китай еще больше увеличить давление на Пхеньян оказались тщетными. Си Цзиньпин настоял на том, что «потребуется время, чтобы свою эффективность продемонстрировали недавно введенные против КНДР санкции». В то же время китайские эксперты полагают, что никакое ужесточение санкций не приведет к отказу Северной Кореи от ядерного оружия. Победой Пекина можно считать и то, что на переговорах так и не были затронуты ситуация в Южно-Китайском море, вопросы прав человека и свободы СМИ в КНР.

Что касается России, то напряженность в американско-китайских отношениях, очевидно, была бы ей на руку. Однако этого не произошло. На данный момент отношения между США и КНР намного лучше, чем российско-американские связи, и Соединенные Штаты по существу преуспели в том, чтобы несколько отдалить Китай от России. В результате недавних китайско-американских контактов заметно ослабло глобальное влияние тройственной стратегической связки США — КНР — РФ. Наряду с геополитическими выпадами, США разворачивают против РФ экономическое наступление с целью ограничить ее возможности как экспортера энергоресурсов. Свидетельство тому — объявленная ими газовая сделка с Китаем. С другой стороны, конкурентная борьба — неотъемлемый атрибут мирового рынка.

В свете всего вышесказанного необходимо избавиться от двух главных иллюзий, мешающих развитию отношений между РФ и Китаем: а) о якобы взаимозависимости экономик РФ и КНР и б) о реальности перспектив формирования военного союза между Россией и Китаем.

С учетом ситуации в КНР, сложившейся после XIX съезда КПК, нецелесообразно следовать рекомендациям ряда СМИ, которые рассматривают отношения внутри КПК и связи КНР с внешним миром через призму противоборства так называемых антиглобалистов — сторонников слома существующего мирового порядка — с «глобалистами», то есть теми, кто ратует за сохранение действующей системы организации мировой архитектуры. Даже если такая борьба и ведется, принятую в Китае практику «переходить реку вброд, ощупывая камни» никто не отменял. Поэтому в ходе реализации принятых съездом решений, включая внешнеполитические, возможны различные, самые неожиданные корректировки.

В любом случае, проблемы и ограниченные экономические возможности России невольно ставят ее в подчиненное и зависимое от КНР положение. И только реформирование экономики и реальная, а не фиктивная консолидация политических элит на пространстве бывшего СССР/СНГ могут способствовать изменению существующего положения.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем основные моменты сложившейся ситуации:

– Отношения между КНР и США — двумя ведущими экономическими державами — являются на данный момент действительно одними из важнейших в мире. России следует принять это как данность и сделать для себя соответствующие выводы.

– Новый исторический старт китайско-американских отношений, упомянутый Си Цзиньпином, означает вступление их в качественно иной этап, характеризующийся не только достижением КНР экономического паритета с США, но повышением геополити-

тического статуса Китая. его официальной претензией на роль ведущей мировой державы и реализацию планов по созданию нового мирового порядка.

– Переживаемый США внешний кризис состоит в ослаблении их связей с рядом традиционных союзников — европейскими, латиноамериканскими и ближневосточными странами, в намеренном выходе из некоторых международных и региональных структур и объединений, в неприятии их нового лидера в странах, расположенных на разных континентах. Внутриполитический кризис в США характеризуется противостоянием президента Д. Трампа с большинством американских СМИ, членами конгресса США, с частью членов Республиканской партии, недовольством его действиями некоторых слоев населения. Все это не может в итоге не отразиться на взаимоотношениях Америки с ведущими странами мира, в том числе с КНР и Россией.

– Главным соперником США на мировой арене потенциально остается Китай, и ужесточение борьбы между ними за сферы влияния еще впереди. Употребленный Трампом термин «Индо-Тихоокеанский регион» свидетельствует о возможных планах включения Соединенными Штатами враждебной Китаю Индии в грядущие геополитические «разборки», если продолжится вытеснение США из АТР и Восточной Азии.

– Заявленные на XIX съезде КПК планы КНР по переустройству мирового порядка в случае отсутствия договоренности с США о размежевании сфер интересов чревата обострением китайско-американских противоречий, очередным кризисом в двусторонних отношениях и расширением конфликтного пространства.

– России в сложившейся ситуации следует вести себя осмотрительно и осторожно, занять позицию лавирования и стараться избегать дальнейшего обострения отношений с США. Возможно, следует попытаться настроить Китай на более активные совместные действия, в том числе и с США, на североамериканском направлении. Нужно пытаться диверсифицировать наше геополитическое влияние, наращивая его не только на Ближнем Востоке, где большинство режимов, как известно, достаточно коррумпированы, но и в других регионах, включая Африку и Латинскую Америку (первоначально хотя бы через каналы БРИКС).

А.В. Островский, д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН:

Китай встретил XIX съезд КПК огромными успехами проводимых в стране на протяжении 40 лет экономических реформ. Быстрое и стабильное развитие экономики КНР выразалось в высоких темпах роста валового внутреннего продукта (ВВП), промышленности и сельского хозяйства.

За последние годы объем ВВП вырос с 54 до 80 трлн юаней (с 8,2 до 12,2 трлн долл). По этому показателю (при пересчете на американские доллары) Китай занимает 2-е место в мире после США и обеспечивает до 30% вклада в мировую экономику. При сравнении Китая и Индии, которые в начале 1980-х годов находились на одном уровне, в настоящее время КНР опережает Индию уже в 5 раз. Экономика России, которая 25 лет назад по своим масштабам была больше китайской, в настоящее время составляет 1/7 часть экономики КНР.

В то время как мировая экономика периодически попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, китайская экономика уверенно движется вперед. На фоне других стран мира она развивается более быстрыми темпами и является своеобразным «буксиром» для мировой экономики.

Особенно хорошо это заметно при сравнении темпов роста экономик КНР и США. Так, во втором квартале 2017 г. темпы роста экономики КНР в 6,9% более чем втрое опередили темпы роста экономики США, составившие 2,1%. Такая же сравнительная динамика прироста ВВП США и КНР прослеживается на протяжении двух последних лет.

Китай сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли: первое по объему экспорта и второе по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на международном рынке, а китайский юань вошел в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной.

В социально-экономической сфере Китай также добился заметных успехов. Большая часть населения КНР — 57,35% — уже превратилась в городских жителей. Заметно вырос жизненный уровень городского и сельского населения, причем не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформ, но и с 2000 г. — началом XXI века. По показателю средней заработной платы рабочих и служащих в городах на конец 2016 г. (примерно 4000 юаней, или 40 тыс. рублей в месяц, с учетом внутренних цен) Китай уже обогнал Россию (около 30 тыс. рублей в месяц). Большая часть городского и сельского населения Китая охвачена различными системами социального страхования: пенсионным обеспечением, различными формами медицинского страхования, пособиями по безработице и другими видами социального страхования. К значимым достижениям было отнесено и то, что свыше 60 млн человек были «вырваны» из бедности, и доля бедных с годовым доходом ниже 2300 юаней на человека сократилась с 10,2% до 4% населения.

Вместе с тем в отчетном докладе отмечались многочисленные проблемы, имеющиеся на пути построения общества «малого благоденствия». Как и на XVIII съезде КПК, отмечалась проблема неравномерности развития страны, отсутствие сбалансированности, нестабильность. Обращалось внимание на недостаточный научно-технический потенциал, нерациональную структуру производства, недостаток природных ресурсов для быстрого развития экономики, наличие большого количества институциональных преград, ограничивающих развитие науки.

Много внимания на съезде было уделено обостряющимся в ходе реформы социальным проблемам. Хотя в отчетном докладе было отмечено, что в последние пять лет в среднем создавалось 13 млн новых рабочих мест в год и произошел заметный рост охваченного пенсионным и медицинским страхованием населения, в стране по-прежнему растет разрыв в доходах между различными его слоями и группами, городом и деревней. По-прежнему существует неравный доступ разных слоев населения к разнообразным общественным услугам — образованию, здравоохранению, дешевому жилью.

Ряд экспертов предполагал, что на съезде будут внесены существенные коррективы в проведение политического и экономического курса китайского руководства, направленные на большую либерализацию экономической и политической жизни в целях более тесной интеграции с мировой экономикой. Однако КПК в очередной раз подтвердила приверженность «социализму с китайской спецификой».

В докладе генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, состоявшем из 14 разделов, была выделена и подтверждена ближайшая основная задача КПК — построение к 2020 г. общества «малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*), которая может быть реализована только на путях социализма с китайской спецификой. Были намечены основные задачи развития страны до середины XXI века. Заявлено, что «с 2020 г. до середины нынешнего века Китай должен пройти два этапа развития. На первом этапе — в 2020–2035 гг. — полностью завершить социалистическую модернизацию на основе построения общества «малого благоденствия», на втором этапе — с 2035 г. до середины века построить богатую и могучую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую модернизированную державу».

XIX съезд КПК наметил основные направления работы в области социально-экономического развития страны. Как отметил в своем докладе Си Цзиньпин, в Китае откладываются от планирования социально-экономического развития по основным цифро-

вым показателям и будут обращать внимание не на количественные, а на качественные показатели экономики, в основу которых заложено повышение качества жизни народа. Си Цзиньпин подчеркнул, что «принципиальные противоречия заложены в разрыве между растущими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством, то есть между несбалансированным и неравномерным развитием и все растущими потребностями населения».

В разделе 5 отчетного доклада были выделены те основные направления социально-экономического развития страны, на которые будет обращено внимание КПК. Главным из них определено углубление структурной реформы соотношения спроса и предложения и развитие «реальной экономики» (*шити цзинцзи*), реального натурального производства продукции в противовес так называемой фиктивной экономике (*сюйни цзинцзи*), то есть производству различных финансовых инструментов, таких, как векселя, чеки, акции, облигации, деривативы, криптовалюта и др.

Как и на предыдущем XVIII съезде, большое внимание было уделено развитию инноваций, так как Китай вступил в период сокращения численности экономически активного населения, и экономический рост уже не может быть достигнут за счет привлечения на производство большого количества рабочей силы. В этом случае предусматривается опора на выдвинутую еще на XVII съезде КПК «концепцию научного развития» (*кэсюе фачжэань гуань*), которая обосновывала необходимость перехода от экстенсивных методов экономического развития к интенсивным, что предполагало повышение роли науки и техники и развитие инноваций. «Концепция научного развития» предусматривает также отказ от стимулирования экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливом распределении его результатов между различными группами населения и регионами страны.

Для реализации амбициозных планов по ускорению совершенствования социалистической рыночной экономики и экономических перемен в отчетном докладе Си Цзиньпина был намечен комплекс мер, в основу которых положена новая концепция регионального экономического развития, направленная на совершенствование координации между четырьмя основными регионами Китая — приморскими районами, Северо-Востоком, центральными районами и западными районами. В докладе отмечалась необходимость укреплять западные районы, «старую промышленную базу» на Северо-Востоке, повышать роль центральных районов, сделать восточные приморские районы ведущими в инновационной экономике, наладить механизм регулирования и координации между регионами.

Было объявлено о продолжении намеченной ранее стратегии развития китайской деревни, которая направлена на решение «трех сельских вопросов»: проблем крестьянства, села и сельского хозяйства в целом. Основным звеном в решении этих проблем является вопрос о системе землепользования — ключевой в обеспечении населения продуктами питания в целом и зерном в частности. Было предложено перейти на второй этап развития системы земельного подряда (*туди чэнбао*) и продлить до 30 лет сроки аренды земли при стимулировании крестьян вступать в различного рода кооперационные связи на селе.

Большое внимание в докладе было уделено вопросу о совершенствовании рыночной экономики. При этом во главу угла были поставлены две проблемы — совершенствование системы имущественных прав (*ваньшань чаньцюань чжиду*) и использование рыночных механизмов для развития экономики, таких, как управление финансами и ресурсами. Еще одним важным моментом стал пункт о дальнейшем продвижении «открытости» (*кайфан*) в экономике, в центре которой должна стоять реализация выдвинутой Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь».

Особое место в отчетном докладе было отведено проблемам повышения жизненного уровня населения КНР. Было выделено семь основных направлений решения этих проблем: 1) развитие образования как основного фактора социальной мобильности населения; 2) повышение качества занятости и роста доходов; 3) расширение системы социального страхования для населения; 4) усиление борьбы с бедностью; 5) развитие системы общественного здравоохранения; 6) обеспечение равного доступа населения к получению социальных услуг; 7) гарантии общественной безопасности населения.

Пункт 9 в отчетном докладе посвящен проблемам охраны окружающей среды. Упор в нем сделан на «цивилизованное формирование» окружающей среды (*шэнтай вэньмин цзяньшэ*), поскольку на протяжении многих лет в Китае постоянно ухудшается ее состояние в результате быстрого роста промышленного производства и повышенных затрат материальных ресурсов на единицу произведенной продукции. Было выделено четыре направления работы по охране окружающей среды: 1) развитие «зеленой экономики», то есть улучшение состояния почвы, воздуха и воды; 2) экономия природных ресурсов; 3) защита природных экологических систем и окружающей среды; 4) укрепление институциональной системы, нацеленной на охрану окружающей среды.

Как показал XIX съезд КПК, в целом Китай достиг больших успехов в социально-экономическом развитии на основе модели развития социализма, а именно — марксизма-ленинизма, обогащенного идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, концепциями «трех представительств» Цзян Цзэминя и «научного развития» Ху Цзиньтао и идеей Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой в новом веке».

М.В. Александрова, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН:

Каковы новые возможности, открывающиеся перед российским экспортом в КНР в свете выступления Си Цзиньпина на XIX съезде КПК? Стоит обратить внимание на два вопроса: продовольственная безопасность и «зелёное развитие». По сути, это одна проблема — потребление безопасного (незагрязненного) продовольствия. Даже если на протяжении предстоящих пяти лет КНР будет уделять должное внимание этой проблеме, то в связи со сложившейся объективной реальностью экологически чистая продукция китайского производства будет минимальна в корзине среднестатистического потребителя. Это связано со следующими причинами: около 20% китайской пашни загрязнено тяжелыми металлами, такими, как ртуть, мышьяк, кадмий и свинец; значительная часть рек КНР серьезно загрязнена и практически слабо пригодна для использования в сельском хозяйстве. Официально признается, что 3,3 млн га пахотной земли в Китае утеряно безвозвратно в силу непригодности для выращивания сельскохозяйственных культур из-за загрязнения промышленными отходами и пестицидами. По мнению китайских экспертов, снижение плодородия земель сельскохозяйственного назначения становится общенациональной проблемой. Только 30% удобрений и пестицидов используются эффективно, остальные 70% наносят непоправимый ущерб окружающей среде.

Россия может прийти на «выручку» южному соседу. Пока роль нашей страны в китайском продовольственном импорте невысока, хотя существуют объективные предпосылки для наращивания экспорта: близость к госгранице, привлекательные цены, вызванные девальвацией рубля, и уже закрепившийся в китайском сознании статус российской пищевой продукции как экологически чистой.

1 ноября 2017 г. в Пекине были подписаны протоколы с Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину КНР о фитосанитарных требованиях к пшенице, гречихе, овсу, семенам подсолнечника и масличного льна, экспортируемым из России в Китай. Подписание указанных протоколов будет способство-

вать значительному увеличению экспортных поставок зерна и продуктов его переработки на рынок КНР.

К сожалению, Россия осуществляет, в основном, экспорт сырых продуктов, а не продуктов глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью. В результате доходность от экспортной деятельности невелика. Конечно, некоторые меры в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» должны повлиять на изменение ситуации. Так, долгие годы составы поездов, прибывающих в европейскую часть России из КНР, уходили обратно пустые. Столь нерентабельная логистика была тягостна для всех, но прежде всего для РЖД. С 2017 г. компания «РЖД Логистика» совместно с китайскими партнерами запустила контейнерные поезда по направлениям: Ворсино (Калужская обл.) — Далянь — Ворсино и Ворсино (Калужская обл.) — Чэнду (пров. Сычуань) — Ворсино (через Монголию).

Данные маршруты дают уникальные преимущества клиентам, которые ведут торговые отношения с Китаем. Время доставки грузов сокращается до 14–16 дней (при доставке морем оно составляет от 40 до 60 дней). В то же время стоимость доставки железнодорожным транспортом по данным маршрутам близка к цене доставки морем.

Тем не менее даже несмотря на такие позитивные подвижки, в ближайшие 5–10 лет доля сельскохозяйственной и пищевой продукции в экспорте России в КНР вряд ли преодолет планку в 10%. Подобный вывод связан с объективными факторами и, прежде всего, с жесткой конкуренцией на китайском пищевом рынке.

Как и прежде, российский экспорт будет представлен в первую очередь продукцией ТЭК с минимальной добавленной стоимостью. Можно предположить, что при сохранении современных тенденций доля продукции ТЭК будет лишь возрастать, а продукции с высокой добавленной стоимостью — снижаться. Данная ситуация будет связана со строительством газопровода «Сила Сибири» и китайским интересом к российским углям.

Печально констатировать, что рост в российском экспорте в Китай доли машинотехнической продукции, которая за 8 месяцев текущего года преодолела планку в 7% всего экспорта, является временным явлением. Он объясняется тем, что в 2017 г. выполнялись очередные отгрузки оборудования для Тяньваньской АЭС, а также исполнялись контракты по линии ВТС. Если в ближайшие 1–2 года между нашими странами не будет подписано новых серьезных госконтрактов, то даже привычной доли машинотехнической продукции в 1,5–2% в российском экспорте будет сложно достигнуть.

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде говорилось о важности для Китая «выхода вовне». В период между XVIII и XIX съездами китайские госкомпании осуществили несколько серьезных покупок в РФ, среди которых следует выделить: покупку компанией CNPC и Фондом Шелкового пути доли в «Ямал-СПГ», вхождение Sinopec Group в капитал ПАО «Сибур Холдинг» в качестве стратегического инвестора, приобретение 20-процентной доли «дочки» «Роснефти» ПАО «Верхнечонскнефтегаз» китайскими компаниями Beijing Enterprises и Beijing Gas Group Company Limited.

Если оценивать все китайские приобретения с 2013 г. по настоящее время, то сумма вложенного капитала составит порядка 5 млрд долл., но это только часть крупных сделок. Официальная статистика двух государств приводит иные данные.

По данным ГСУ КНР, объем китайских накопленных инвестиций в российскую экономику на первое полугодие 2016 г. составлял 8,963 млрд долл. При этом китайские высокие должностные лица озвучивают иные цифры и постоянно в них путаются. Так, представитель Министерства коммерции КНР Шэнь Даяньян в январе 2016 г. говорил о том, что объем китайских накопленных инвестиций в России составляет 34 млрд долларов. В декабре 2016 г. он же заявил как о «ярком моменте» 2016 г. — о превышении объема накопленных инвестиций в 14 млрд долл. (в два с лишним раза меньше). А всего

через два месяца (в феврале 2017 г.) его непосредственный начальник — министр коммерции КНР Гао Хучэн — говорил о накопленных китайских инвестициях в России в объеме 42 млрд долларов.

С российской стороны ситуация также неоднозначна. По данным ЦБ РФ на 1 апреля 2017 г., общий объем прямых накопленных инвестиций из Китая составил 2,95 млрд долл., из которых 1,02 млрд относятся к участию в капитале компаний. При этом экс-заместитель министра экономического развития России С. Воскресенский в первой половине 2017 г. заявлял о том, что в стадии реализации находятся 17 совместных проектов на 15 млрд долл., начатые в последние годы, причем в эту цифру не входят крупные сделки, связанные с китайскими инвестициями в стратегически важные компании ТЭК. Он не конкретизировал свое высказывание, но при доскональном изучении потенциальных проектов китайской стороны в России обнаруживается лишь одна серьезная сделка в Архангельской области, где планируют реализовать проект строительства железнодорожной магистрали «Белкомур» (Соликамск (Пермь) — Сыктывкар — Архангельск) с общим объемом капитальных затрат 225 млрд рублей (порядка 4 млрд долл.)

Большую путаницу в данные о китайских инвестициях вносит Министерство по развитию Дальнего Востока. Так, в интервью газете «Известия» в январе 2017 г. министр А. Галушка отметил, что «на Дальнем Востоке [сотрудничество] развивается весьма активно — реализуется 23 проекта с привлечением инвестиций из Китая на общую сумму около 3 млрд долл.» А в декабре 2016 г. он же говорил о том, что «из общего объема инвестиций приходится более 14% на КНР» (почти вдвое меньше). При этом не пояснял, о каких инвестициях идет речь — о всех или ПИИ. В октябре 2016 г. тот же министр говорил о 21 проекте с участием инвесторов из КНР с объемом инвестиций более 180 млрд руб.

В реальности в перечне заявок иностранных компаний в ТОР за китайскими инвесторами числится 13 заявок с планируемым объемом инвестиций 152,7 млрд руб. В СПВ заявок с участием китайских компаний — 8, планируемые инвестиции — порядка 3,817 млрд руб. Итого в ТОРы и СПВ китайские инвесторы намерены вложить 2,7 млрд, а не 3 млрд долл.

В последние годы китайские окологримиальные структуры агрессивно внедряются в туристическую отрасль РФ, прежде всего с целью захвата рынка и извлечения максимальной прибыли без уплаты предусмотренных российским законодательством официальных налогов.

Существует несколько методов работы таких китайских структур. Первый — навязывание российским турфирмам неравноправных контрактных условий, заставляющих их работать в долг.

Второй, более распространенной формой стала работа российских фирм в качестве «прокладок», когда генеральным директором и бухгалтером фирмы являются лица с российским гражданством, а 100-процентным капиталом фирмы реально владеет гражданин КНР, в результате чего формально фирма остается российской и входит в обязательном порядке в Список российских туристических организаций, имеющих право осуществлять деятельность в рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 года, а в реальности под ее прикрытием работают китайские полукриминальные структуры. Эта схема стала особенно популярной с 2014 г., о чем наглядно говорит статистика.

В настоящее время ситуация, сложившаяся на туристском рынке России, не позволяет в полной мере развивать китайский въездной туризм благоприятным образом, поскольку из-за широкого распространения теневого (нелегального) сегмента почти вся получаемая прибыль от поездки граждан КНР в нашу страну выводится за ее пределы без

уплаты каких-либо налогов и сборов. Причиной такой ситуации является несовершенство законодательства в данной отрасли и отсутствие законных механизмов защиты интересов российских честных туристических фирм и лицензированных гидов-китаистов.

Прием китайских туристов — крайне проблемное направление, требующее пристального внимания и серьезной работы по регулированию и дальнейшему совершенствованию механизма взаимодействия. Одним из первоочередных является вопрос подготовки кадров.

Граждане КНР, работающие в качестве нелегальных гидов (*хэйдао*) с группами китайских туристов в России, нарушают российское законодательство. При попустительстве российских ответственных федеральных госорганов они создают этнические криминальные структуры, обслуживающие туристов, прибывающих из КНР.

После подписания в феврале 2000 г. между правительствами Российской Федерации и Китайской Народной Республики соглашения о безвизовых групповых туристических поездках количество нелегальных китайских турфирм стало стремительно расти. 17 лет спустя после подписания этого соглашения порядка 85–90% въездных безвизовых туристов оказалось в руках китайского криминала. Этот вопрос выходит далеко за пределы бизнес-интересов, он касается национальной безопасности РФ.

Однако самая опасная угроза на рынке китайского въездного туризма связана с недопуском российских профессиональных гидов-китаистов к работе с безвизовыми тургруппами из КНР.

Сегодня в РФ не существует проблемы недостатка китаистов. Специалистов с прекрасным знанием китайского языка ежегодно выпускают Институт стран Азии и Африки при МГУ, СПбГУ, ДВФУ, МГИМО, Лингвистический университет, Университет Дружбы народов и др. Профессией гидов овладевают и выпускники некоторых курсов по изучению китайского языка. В 2016 г. в основных туристических центрах России, принимающих китайских туристов, подготовлено гидов-переводчиков с китайским языком: в Санкт-Петербурге — 300, по 120–130 гидов в Москве, Иркутске, Владивостоке.

Наличие достаточного числа местных гидов, говорящих по-китайски, уникально для европейских стран, поскольку только в России налажена массовая подготовка специалистов в этой области. Однако, несмотря на более чем двукратный прирост китайских туристов, многие высококвалифицированные специалисты остались без работы, которую отнимают у них гиды-«нелегалы» (*хэйдао*).

Помимо жесткой конкуренции на рынке труда, которую создают *хэйдао*, главная опасность — это содержание турпродукта, который они предлагают гостям из Поднебесной. Китайский нелегальный гид вместо реального турпродукта преподносит гостям дезинформацию о нашей стране. При этом негативная и унижительная для России и россиян информация, которую сообщают *хэйдао*, не является плодом их индивидуального воображения. Многие характеристики, которые используются китайцами для рассказа о нашей стране, повторяются практически всеми нелегалами. Поэтому не следует доверять утверждениям некоторых китайских начальников «от туризма» о практической равноценности информации о России, которую сообщают туристам «гиды»-китайцы и российские аккредитованные гиды, о доброжелательном подходе китайских гидов к нашей стране.

То, что в КНР существуют оценки России и россиян «для внутреннего пользования», идущие из «вышестоящих инстанций», китайских учебников по истории и определенных китайских СМИ, секретом не является. Современное представление китайцев о нашей стране формировалось в течение длительного времени в определенных исторических условиях, в том числе в период сильной России и униженного полуколониального Китая XVIII—XIX веков.

А.С. Исаев, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН:

В отчетном докладе генсека ЦК КПК Си Цзиньпина съезду констатируется «значительный рост» воздействия «мягкой силы» Китая и влияния китайской культуры. Выстроена четкая логика для дальнейшего диалога с внешним миром.

Самое важное заключается в реализации, как подчеркивалось в отчетном докладе, главной задачи: на основе «открытого, инновационного, инклюзивного и взаимовыгодного развития содействовать межцивилизационным обменам». Такой подход к межкультурному, гуманитарному общению на международной арене позволил заявить о том, что «Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант решения проблем человечества».

Российско-китайское взаимодействие в гуманитарной сфере к настоящему времени приобрело системный характер. Межкультурные связи охватывают практически все гуманитарные сферы и стали важным элементом публичной дипломатии, которую обе страны проводят по отношению друг к другу.

В основе современного российско-китайского культурного сотрудничества лежит Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 17 июля 2001 г.

Практическую основу современных российско-китайских культурных связей определяют несколько позиций:

Во-первых, межгосударственное сотрудничество. Оно носит плановый характер, проводимые акции отличаются масштабностью и широким охватом, а сами мероприятия реализуются при государственной поддержке.

Во-вторых, межрегиональное культурное взаимодействие. Оно регламентируется соответствующими соглашениями, заключаемыми между российскими и китайскими регионами, а также городами-побратимами.

Третьим компонентом являются двусторонние неправительственные институты, сформированные по решению руководства двух стран и ориентированные на стимулирование контактов в гуманитарных и экономических областях. К таким организациям следует отнести Российско-китайский комитет мира, дружбы и развития, Российско-китайский деловой совет и ряд других.

Четвертым компонентом практической реализации задач гуманитарного диалога и сотрудничества стали общественные и иные учреждения и институты, созданные Россией и Китаем на территориях друг друга, к которым следует отнести центры национальных культур, общества дружбы, информационные центры, образовательные учреждения, включая Центры изучения русского языка в Китае и Институты Конфуция в России.

В РФ работает 18 Институтов Конфуция и четыре класса Конфуция, которые, благодаря своим финансовым возможностям охватывают практически всю территорию РФ. В Китае работает 11 Русских центров и Кабинетов «Русского мира», однако их финансовые возможности несоизмеримо скромнее китайских.

Вместе с тем следует признать, что несмотря на весьма внушительные организационные и технические возможности уровень современного воздействия на характер и масштабы положительного восприятия России в Китае заметно ниже, чем в 1950-е годы, когда не было ныне действующих структур и инструментов по поддержанию гуманитарного диалога.

Важную роль в диалоге, который ведут Россия и Китай, играет *сотрудничество в области образования*.

В настоящее время в России ежегодно обучается более 20 тыс. китайских студентов. В планах китайской стороны довести их численность до 35–40 тыс. человек. В КНР получают высшее образование порядка 10 тыс. россиян. Это весьма неплохие показатели для двух стран, ведь за весь период с 1948 по 1966 г. в СССР было подготовлено

около 25 тыс. китайских специалистов, и несколько тысяч советских студентов прошли обучение китайскому языку и китайской медицине в вузах КНР.

Создана правовая база для развития образовательного сотрудничества: межправительственные соглашения о культурном сотрудничестве, о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях, об изучении русского языка в КНР и китайского в РФ, Соглашение о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г.

Активизировалось преподавание русского языка в Китае и китайского — в России. Русский язык изучается примерно в 200 китайских учебных заведениях. Распространение китайского языка в России финансово и организационно стимулируется китайской стороной, прежде всего Канцелярией по развитию Институтов Конфуция при Госсовете КНР. В мае 2017 г. при финансовой поддержке Посольства КНР в России был проведен 5-й конкурс на лучшее знание китайского языка среди учащихся российских средних школ.

С 2017 г. в Шэньчжэне начал работу Совместный российско-китайский университет, созданный на базе МГУ.

В перспективе на базе Московского университета или при его участии планируется открыть инновационный Центр «Дельта Жемчужной реки». Российские и шанхайские ВУЗы объявили о сотрудничестве в подготовке специалистов для космической отрасли. Аналогичное сотрудничество развивается и в сфере подготовки молодых ученых РФ и КНР для участия в реализации совместного проекта по созданию широкофюзеляжного самолета.

Активно развиваются научные связи. Установлены практические контакты между Академиями наук РФ и КНР. ИДВ РАН имеет соглашения о сотрудничестве примерно с 80 исследовательскими центрами и университетами КНР. Осуществляются практические связи по линии учреждений, занимающихся разработками в области естественных наук, развиваются контакты экспертных сообществ в сфере политологии.

В сфере здравоохранения летом 2017 г. в Шанхае было подписано Соглашение о создании Центра российско-китайского биомедицинского сотрудничества. В конце 2016 г. представители Северо-Западного федерального медицинского исследовательского центра (СЗФМИЦ) им. В.А. Алмазова, Шанхайского комитета по экономике и информатизации и Шанхайской ассоциации промышленной биомедицины договорились в Санкт-Петербурге о совместной деятельности. В 2003 г. в городе Дацин на Северо-Востоке КНР был создан Российско-китайский офтальмологический центр с участием известнейшей в мире МНТК «Микрохирургия глаза» им. академика С.Н. Федорова.

Сложнее обстоят дела на российском рынке медицинских услуг с китайской традиционной медициной, которая сегодня превратилась в товар. В России работает целый ряд как легальных, так и «серых» китайских медицинских центров, нередко без соответствующих документов и лицензий, необходимых для медицинской практики, а получаемые доходы выводятся из-под налогообложения. Тем не менее в России формируется Ассоциация китайской традиционной медицины (в здании Президиума РАН на Ленинском проспекте в Москве), а в сентябре 2017 г. состоялся Всероссийский форум специалистов в области традиционной китайской медицины.

Сотрудничество СМИ внешне развивается успешно. Только в 2016–2017 гг., объявленных Годом сотрудничества СМИ, проведено более 200 официальных мероприятий. Есть достижения — начало вещания в КНР кабельного телеканала «Катюша» и др.

Наметились подвижки *в кинематографической сфере*. До недавнего времени сотрудничество в области кино продвигалось благодаря административному вмешательству. Сегодня установление прямых творческих контактов способствовало не только тому, что ежегодно в китайский прокат попадает 3–4 российских фильма, но и прямому творческому

сотрудничеству кинематографистов двух стран при одновременном финансировании кинопроектов из китайских источников. Сегодня кино — это форма бизнеса, возможность вести предпринимательскую деятельность. Китайский кинобизнес в лице корпорации «Далянь ваньда» пока не проявляет интереса к российским кинопрокатным сетям, хотя корейские бизнесмены уже вкладывают свои деньги в эту отрасль в России, и южнокорейский кинобизнес приступил к приобретению у нас отдельных прокатных сетей.

Важнейшим элементом «мягкой силы» является такая сфера сотрудничества, как *туристическая отрасль*. Поток китайских туристов ежегодно растет, и третий год подряд число туристов из КНР в Россию превышает 1 млн человек. В прошлом году с туристическими целями в Россию въехало более 1,2 млн китайцев, из них свыше 800 тыс. человек в рамках безвизового туризма. По оценочным данным, в 2017 г. этот показатель будет превышен.

Одним из стимулов привлечения китайских туристов является дешевизна российских туров. Однако препятствиями на этом пути остаются слаборазвитая туристическая инфраструктура, еще только формирующееся гостиничное хозяйство, недостаток квалифицированных гидов-переводчиков, резкая активизация теневого турбизнеса и серых схем.

В туристической отрасли возник серьезный конфликт экономических интересов между российскими и китайскими туроператорами.

При участии китайских бизнесменов и вошедших с ними в деловой сговор российских предпринимателей в отрасли сформировалась так называемая серая зона, которая негативно влияет на бюджеты турфирм и получение ими доходов, генерирует непрофессиональные, а порою — вредные для имиджа России туристические услуги «серых» китайских турфирм с привлечением непрофессиональных гидов-переводчиков из числа китайских студентов.

В результате их «деятельности» у туристов из КНР складывается абсолютно искаженный образ современной России и ее истории.

Эту проблему сегодня пытаются решить. А пока, по неофициальным оценкам, до 70% тургрупп из Поднебесной обслуживаются китайскими экскурсоводами.

Туризм может приносить России серьезную прибыль, однако этого не происходит по причине наличия теневых фирм. Схема их работы проста: китайские туроператоры, нередко находящиеся в черных списках внутри КНР, формируют группы туристов, ориентированных на дешевые услуги, получают оплату в юанях и отправляют эти группы в РФ своим китайским или российским партнерам. Получается, что прием китайских туристов в России ведется силами все той же отправляющей стороны. Партнеры в России максимально сбивают цены на услуги и расплачиваются рублями, часто навязывают дополнительные услуги, например, покупки сувенирной продукции и других товаров по завышенным ценам.

В результате таких действий выручка остается в Китае, «партнерские фирмы» в РФ отчитываются перед налоговыми органами нулевыми балансами и не платят налогов, а увеличение турпотока не идет на пользу развитию российской туристической отрасли.

Российско-китайский гуманитарный диалог находится под воздействием целого ряда факторов, которые в ближайшем будущем будут определять его результативность.

Во-первых, развитие общественно-культурных связей требует не только значительных интеллектуальных и организационных усилий, но и серьезных финансовых затрат. Однако многоцелевой и многовекторный характер публичного диалога и гуманитарных контактов двух стран ведет к тому, что при организации культурных обменов друг с другом по государственной линии обе страны исходят из приоритетности своих внешнеполитических задач. На XIX съезде КПК эти приоритеты уже выстроены,

и именно они будут определять результативность китайского гуманитарного диалога с остальным миром.

Во-вторых, сдерживающее влияние на развитие культурных контактов двух стран оказывает вестернизация культурной сферы. Эта проблема одинаково стоит как перед Россией, так и перед Китаем. Под ее воздействием оказались российская и китайская молодежные субкультуры, а также такие отрасли, как кинематограф, издательская деятельность и другие.

В-третьих, существующие в России культурные традиции и социальная обстановка пока не позволяют общественному мнению уделять достаточное внимание культурным обменам с Китаем. В силу самых разнообразных причин общественно-политическая элита России больше тяготеет к Европе и меньше знакома с китайскими культурными традициями, что сдерживает расширение российско-китайского диалога в политической, экономической и гуманитарной сферах. Аналогичная проблема существует и в Китае, где в условиях признания за русской культурой статуса великой приоритетными, тем не менее, являются культурно-экономические заимствования в англосаксонской среде.

В-четвертых, расширение применения в международной практике «мягкой силы», основополагающим компонентом которой является публичная дипломатия с ее инструментарием, в первую очередь отражает понимание того, что «мягкая сила», равно как и культурное сотрудничество, призваны обслуживать национальные интересы страны, а, следовательно, учитывать все векторы и приоритеты ее внешней политики. В этом смысле российско-китайский публичный диалог не является исключением. Безусловно, статус стратегического партнерства — положительный фактор перспективного взаимодействия в рамках публичной дипломатии, однако не следует упускать из виду влияние меняющихся приоритетов внешней политики.

В-пятых, ряд институтов, участвующих в публичной дипломатии и культурных обменах, имеют разные статус и финансовое положение, что влияет на качество обменов. Так, российское Общество российско-китайской дружбы (ОРКД), являющееся одним из активных субъектов публичного диалога и публичной дипломатии — общественная, самофинансируемая организация. В то же время его китайский партнер — Китайское народное общество дружбы с границей (КНОДЗ) — государственное учреждение с солидным государственным финансированием. Похожая картина наблюдается и в других российских организациях: Союз журналистов России, Союз писателей России и многие другие.

В-шестых, основными проводниками публичной дипломатии в российско-китайских отношениях по-прежнему остаются общественные, научные и образовательные организации, Общество дружбы, государственные учреждения. Деятельность российских учреждений в Китае, по разным причинам, имеет географические и финансовые ограничения. Их работа концентрируется преимущественно в столичном или центральном регионе.

В ближайшие годы потребуются значительные усилия для того, что сохранить темпы развития культурных связей на существующем, стабильно высоком уровне.

Инструменты общественного стимулирования российско-китайских отношений нуждаются в дальнейшем совершенствовании, но не столько во внедрении дополнительного инструментария, сколько в отладке деятельности уже имеющихся структур, в расширении их возможностей, а также в привлечении средств крупных частных и государственных корпораций и компаний, которые занимаются бизнес-проектами на территории КНР.

1. URL: http://www.china.com.cn/cppcc/2017-10/18/content_41752399.htm
2. Официально идея возрождения была объявлена 29 ноября 2012 г. председателем Си Цзиньпином в ходе его посещения выставки «Путь возрождения» в Национальном музее КНР. Подчеркивалось, что «китайская мечта» это не только стремление к личному, материальному благополучию, но и мечта о сильном государстве, которое собственно и гарантирует ее осуществление.
3. URL: http://www.china.com.cn/cppcc/2017-10/18/content_41752399.htm
4. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>
5. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016. Ст. 84. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset.../2542248
7. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>
8. Юаньхан ихао. Цзяньчи чизю доучжэн, фаньдуй шибай чжуи: [Продолжить упорную борьбу, выступая против поражения] // Хунсэ чжунго (RedChinaCn.net). 29.12.2017. URL: <http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=34064>
9. Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://ruchina.org/china-russia-article/china/61.html>
10. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. См.: Первые 100 дней правления нового руководства КПК побудили мир возложить новые надежды на Китай. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8141047.html>
16. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином. Дананг. 10.11.2017. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/56046>
17. Стороны продолжат проработку соответствующих мер по созданию Евразийского экономического партнерства на основе принципов открытости, транспарентности и взаимного учета интересов в целях продвижения интеграционных процессов в регионе»- подчеркнуто в Совместном заявлении РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (4 июля 2017 года). URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>
18. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; Российский совет по международным делам. М.: РСМД, 2017. С. 7.
19. Там же.
20. Там же. С. 67.

XIX съезд КПК: великий поход к возрождению

© 2018

А.В. Виноградов

В статье рассматриваются основные положения, возможные внутренние и внешние последствия решений XIX съезда КПК. Особое внимание уделено основным положениям теории социализма с китайской спецификой новой эпохи, проблемам, противоречиям и вызовам современного мирового развития для Китая и необходимости смены модели развития в КНР, роли Си Цзиньпина в формировании идейно-теоретической доктрины КПК.

Ключевые слова: КПК, XIX съезд КПК, Си Цзиньпин, теория строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи, «Один пояс, один путь», Китай.

24 октября 2017 г. в Пекине завершился один из наиболее ожидавшихся съездов КПК. На нем получили концептуальное оформление выдвинутые Си Цзиньпином за прошедшие пять лет инициативы в различных сферах общественной жизни, которые будут определять основные направления развития КНР на ближайшие годы. Не меньшее внимание наблюдателей привлекли и сугубо политические решения — обновление кадрового состава ЦК, Политбюро и, главное, Постоянного комитета ПБ, обычно предшествующее смене поколений руководителей на следующем съезде КПК. Прошедший съезд был последним перед 100-летним юбилеем КПК, празднование которого вполне может стать поводом для созыва внеочередного партийного форума, а его торжественная повестка не может ограничиться перечислением исторических заслуг предшественников и должна готовиться уже сегодня так, чтобы достижения нынешнего поколения не затерялись в этом юбилейном списке.

Начало реформ. Исторический контекст XIX съезда

40 лет назад, в августе 1977 г., состоялся XI съезд КПК, официально провозгласивший завершение «культурной революции». Последовавший через 5 лет XII съезд (1982), проведение которого несколько раз переносилось, положил начало новому этапу в развитии КНР — этапу реформ и модернизации. В истории КПК эти два съезда принадлежат разным эпохам, но объединены общей логикой и вместе символизируют важнейший поворот в судьбе Китая — начало нового этапа развития.

XII съезд КПК, утвердивший курс реформ и открытости, первоначально не давал представлений об истинных последствиях принятых решений. Его значение поначалу воспринималось сквозь призму Отчетного доклада ЦК, сделанного Ху Яобаном, как движение к восстановлению основных положений марксизма-ленинизма в том виде, в каком они понимались тогда в международном коммунистическом движении¹. В нем легко угадывалась не попытка создания нового ультралевого социального проекта, как это было на протяжении предшествующих 25 лет с начала «большого скачка», а воплощение общепринятого марксистского идеала социализма с учетом национальных особен-

Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор РУДН. E-mail: vinogradov-a@mail.ru.

ностей и условий Китая. Этому же способствовала постановка на нем конкретной социально-экономической цели — увеличение к 2000 г. промышленного и сельскохозяйственного производства в 4 раза по сравнению с 1980 г.²

Использованный Дэн Сяопином во вступительной речи тезис о «строительстве социализма с китайской спецификой»³ на момент его выдвижения связывался с двумя положениями, выдвинутыми им ранее для обоснования «специфически китайской модернизации», «модернизации китайского типа»: 1) большим населением и недостатком пахотной земли; 2) слабой экономической основой⁴. Оба эти положения указывали главные проблемы развития КНР и определяли первоочередные задачи Китая. Такая трактовка не содержала теоретической новизны и воспринималась как отражение продолжавшейся в руководстве партии дискуссии по идеологическим вопросам⁵. Вместе с тем формулировка «китайская специфика» применительно к строительству социализма существенно расширяла теоретические границы поиска. Методологическое значение этой констатации проявилось очень скоро.

Указание на национальную специфику, в сущности, повторяло методологический прием, использованный Мао Цзэдуном для китаизации марксизма, результатом чего, по официальной версии, стали соединение всеобщей истины марксизма-ленинизма с практикой китайской революции, победа КПК в новодемократической революции и образование КНР. Однако в речи на открытии XII съезда КПК Дэн Сяопин не конкретизировал содержание китайской специфики уже известной привязкой к природно-демографическим и экономическим факторам. Отсутствие этого уточнения было существенным для понимания эволюции взглядов Дэн Сяопина. Он отошел от указаний на конкретные условия и сделал несколько более общих замечаний. В первую очередь, он заявил о «требованиях нового исторического периода», а затем прямо указал, что «нынешний съезд является наиболее важным форумом со времен VII Всекитайского съезда партии»⁶. И далее сформулировал принципиальную позицию: «слепое копирование чужого опыта и чужих моделей никогда к успеху не приводило... Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой — таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта»⁷. Очевидные параллели с идеями Мао Цзэдуна способствовали тому, что тогда это было истолковано как продолжение курса на китайскую исключительность⁸, но оказалось, что горизонт этой исключительности изменился.

Открывшееся в результате тезиса о специфике новое пространство уже через два года стало наполняться реальным содержанием. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) было провозглашено создание социалистической товарной экономики, изменившее традиционные представления о социализме: «социалистическая экономика — это плановое товарное хозяйство»⁹. Но даже когда на 3-м пленуме 12-го созыва было заявлено о переносе центра тяжести работы партии в города и начале строительства в Китае товарной экономики, трудно было поверить, что КПК отважится на следующий, хотя и очевидный в теоретическом отношении шаг — создание рыночной экономики, развитие частной собственности, допущение распределения не по труду, а затем — политическую легализацию представителей предпринимательского класса в КПК, фактически оспаривавшую классовый характер партии. Указание на специфику, таким образом, было лишь начальной точкой, констатацией особых условий, требующих нестандартных решений. Даже не содержание декларации (возможно, поэтому Дэн Сяопин ушел от конкретизации), а она сама открывала широкие возможности для теоретического поиска и экспериментов.

Важным обстоятельством, стимулировавшим последующие радикальные реформы в экономике, стали драматические изменения на международной арене. В первую очередь — поражение социализма в СССР и странах Восточной Европы и распад bipolarной системы, обеспечивавшей конфликтный, но все же достаточно прочный и предсказуемый мировой порядок. Курс на построение социалистической рыночной экономи-

ки на XIV съезде КПК (1992 г.) повлек за собой череду событий, в результате которых возник Китай, который мы знаем сегодня. В тех непростых обстоятельствах появилось выражение: «Вызовы одновременно рождают шансы». Своевременно идентифицируя новые вызовы и находя им ответы, КПК продвигалась вперед во многом реактивно, но именно поэтому очень часто — точно и эффективно.

Сбывшиеся ожидания

По сложившейся в период реформ традиции на четных съездах партии происходит смена высшего руководства. Их решения в силу этого носят компромиссный характер и не отличаются существенными теоретическими новациями. Нечетные съезды, наоборот, не имеют ограничений такого рода и предоставляют уникальную возможность очередному поколению руководителей для изложения собственной позиции. Ожидание крупных, программных решений определяло атмосферу в китайском и зарубежном экспертном сообществе накануне XIX съезда КПК. Главным был вопрос: что станет центральным положением, лейтмотивом съезда.

Спектр возможных новаций был чрезвычайно широк и отражал многочисленные инициативы, которые успел выдвинуть Си Цзиньпин за пять лет нахождения на посту главы партии и государства. Это могли быть решения в области экономики и перехода на новую экономическую модель, потребность в которой давно назрела; внесение изменений в систему высшего руководства и государственного управления, отражавшее беспрецедентную концентрацию полномочий в руках Си Цзиньпина. Борьба с коррупцией могла привести к серьезному ужесточению норм партийной жизни, требований к членам партии и соответствующим изменениям в Уставе, прежде всего, в сфере повышения роли дисциплинарных органов. После провозглашения генерального секретаря «ядром руководства» на 6-м пленуме ЦК (2016 г.) практически не было сомнений относительно предстоящей канонизации Си Цзиньпина в документах КПК, которая была продиктована сложившейся практикой утверждения во власти нового поколения руководителей. Наконец, большие надежды связывались с международным разделом, призванным отразить рост экономического и политического влияния Китая в мире и его внешнеполитические инициативы последних лет. Приближение 100-летнего юбилея КПК также могло получить отражение в материалах съезда и сказаться на структуре и основных положениях доклада.

Но возможности практической реализации каждого из этих положений были ограничены. В области экономики рассчитывать на прорывные решения было сложно. На 3-м пленуме ЦК (2013), признав решающую роль рыночных механизмов, КПК подтвердила таким образом их эффективность и безальтернативность. Движение Китая по пути поиска новой экономической модели осложнялось отсутствием мирового опыта в решении этой проблемы. Китай не только вышел в число мировых лидеров по некоторым, преимущественно валовым показателям, но и одним из первых столкнулся с необходимостью найти ответы на новые вызовы и нерешенные проблемы, прежде всего экологические. Общие положения об инновационном характере экономики, ставшие основным рефреном досъездовских выступлений Си Цзиньпина, были повторены и в общем виде перечислены на съезде: «перейти от высоких темпов роста к высококачественному развитию», «ставить на первое место качество», «стимулировать синхронное развитие индустриализации нового типа, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства», «интеграция Интернета, больших данных, искусственного интеллекта и реального сектора экономики», «создание государства инновационного типа», «цифровой Китай» и «государственная система инноваций»¹⁰. Экономическое развитие, таким образом, было отдано на откуп рыночным механизмам — «эффективность рыночных механизмов, жизнеспособность микросубъектов и умеренность макрорегулирования»¹¹. В экономическом разделе доклада ЦК вопросам рыночной экономики был посвящен всего один пункт, в котором главное внимание отводилось не «созданию» и «построению», а «совершенствованию», «оптимизации», «стимулированию», «усилению» и т.п.¹²

Достигнув относительно высокого уровня развития за счет реализации своих естественных конкурентных преимуществ, Китай во все большем масштабе сталкивается с обостряющейся конкуренцией со стороны других стран мира, не только развивающихся, но и развитых. Так, например, уже после съезда в Китае обсуждались возможные последствия реализации планов Д. Трампа по снижению налогового бремени для американских предприятий, которые могут негативно сказаться на конкурентоспособности китайской промышленности. Аналогичные ответные меры внутри Китая могут привести к еще большему росту неравномерности доходов и обострению вопросов социальной справедливости.

Таким образом, при неплохом фактическом положении, снижающихся, но еще достаточно высоких темпах экономическое развитие столкнулось с крайне сложными теоретическими и практическими проблемами, у которых нет очевидного решения. «Перейдя от высоких темпов роста к высококачественному развитию, китайская экономика в настоящий момент находится на стадии преодоления труднейших барьеров в трансформации форм развития, в оптимизации экономической структуры и замещении старых драйверов развития»¹³. Эта констатация объективно отражала основную мысль экономического раздела съезда.

Наибольшие ожидания связывались с изменениями в политическом механизме. Главной темой зарубежных СМИ накануне съезда была вероятность продления полномочий Си Цзиньпина, что точно отражало направление мысли и ожидания многочисленных иностранных наблюдателей, но было практически неактуально для этого съезда. Тем не менее, можно было предположить, что нынешний съезд зафиксирует основные тенденции общественно-политического развития после XVIII съезда КПК, в первую очередь, промежуточные результаты борьбы с коррупцией, а также институционализирует сосредоточение полномочий у генерального секретаря. Однако подобное закрепление полномочий в условиях беспрецедентной концентрации власти в руках Си Цзиньпина переклюало внимание с функциональных обязанностей первого лица на личность руководителя, чего в данной ситуации высокого внутрипартийного напряжения предпочтительней было избежать. Раздел о политической системе содержал прямое указание «с разумной активностью стимулировать реформу политической системы», что нацеливало на крайне аккуратные и осторожные изменения в политическом механизме¹⁴.

В различных разделах доклада значительное место было уделено борьбе с коррупцией. В качестве достижений было отмечено, что «на начальном этапе реализована цель: никто не осмеливается заниматься коррупцией», «в борьбе с коррупцией подавляющий перевес уже на нашей стороне»¹⁵, но еще предстоит «завоевать превалирующую победу в антикоррупционной борьбе», от которой «зависят долгосрочный порядок и стабильность в партии и государстве»¹⁶. Для этого был подготовлен целый комплекс мер. Во-первых, утверждена новая схема политической организации общества¹⁷, состоящая из трех элементов: руководящего положения КПК («партия руководит всем»)¹⁸, положения народа как хозяина страны («народ — это центр»¹⁹) и верховенства закона²⁰. Каждый из этих структурных элементов получил свою систему мер для совершенствования.

В сфере партийного строительства подчеркивалось усиление партийного самоконтроля и «всестороннее устроение внутрипартийного управления»²¹, «подчинение всей партии Центральному Комитету»²².

Усиление народовластия (положения народа как хозяина страны) планируется через укрепление институциональных гарантий — развитие системы СНП; повышение роли консультативной демократии²³; управление государством на правовой основе и создание для этого Руководящей группы ЦК по всестороннему обеспечению законности в государственном управлении²⁴; проведение административной реформы; укрепление и развитие Единого фронта²⁵. Главным направлением государственного строительства провозглашалось строительство правового государства, а главным инструментом — усиление контроля за соблюдением законов: «плотнее плести «клетку» ограничения вла-

сти²⁶. В русле углубления реформы системы государственного контроля обращают внимание решение о создании совместно с партийными органами по проверке дисциплины на всех уровнях власти контрольных комиссий для обеспечения «всеохватного контроля над государственными служащими», а также решение о разработке государственного Закона о контроле с определением функций этих комиссий²⁷.

В целом, в сфере политики были приняты ожидаемые решения, продолжающие проводимый курс без кардинальных изменений.

Другой обязательной темой Отчетного доклада была внешняя политика. Международный форум «Один пояс, один путь» в мае 2017 г. с участием 28 глав государств и правительств, проведенный за 5 месяцев до съезда, не оставлял сомнений в том, что эта инициатива займет одно из центральных мест в материалах съезда и приобретет системный характер. Не меньший интерес вызывали отношения Китая с США, со странами региона и, главное, отношение Китая к глобализации после смены хозяина Белого дома. Заявленная готовность Китая активно поддержать этот процесс путем выдвижения на саммите G20 (2016 г.) в Ханчжоу положения о сообществе единой судьбы человечества превратилась в ведущее направление китайской внешней политики. Однако опасения соседей в связи со стремительным ростом экономического и военного потенциала КНР и активная игра США на этих опасениях, негативный опыт выдвижения концепции «мирного возвышения» в 2004 г., а также традиционное подчинение внешних инициатив интересам внутренней политики сделали международную проблематику маловероятным претендентом на центральное место в материалах съезда.

В различных разделах доклада содержались отсылки к инициативе «Один пояс, один путь» и подтверждалась приверженность Китая глобализации. При этом в позиции КПК произошли существенные подвижки. Если на XVII съезде в докладе Ху Цзиньтао говорилось о «сохранении независимости и самостоятельности с участием в экономической глобализации» и ставилась задача «совместно (выделено мной. — А.В.) продвигать демократизацию международных отношений... совместно (выделено мной. — А.В.) продвигать развитие экономической глобализации в сторону равномерного, для всех выгодного и выигрышного развития»²⁸, то на XIX съезде отношение к глобализации принципиальным образом изменилось. «Ни одна страна не может в одиночку справиться с разнообразными вызовами, стоящими перед человечеством, и ни одна страна не может вернуться обратно на закрытый изолированный остров. Мы *призываем* (выделено мной. — А.В.) народы всех стран общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества», «Китай будет *активно* (выделено мной. — А.В.) стимулировать международное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс и один путь»», «*активно* (выделено мной. — А.В.) участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу»²⁹, «стимулировать» экономическую глобализацию³⁰.

Не надеясь больше на появление благоприятной внешней среды в результате естественных тенденций мирового развития, в условиях нарастания экономических проблем Китай не мог позволить себе потерять этот крайне важный ресурс своей экономической модели и без публичных объявлений о смене внешнеполитической стратегии фактически перешел к активным самостоятельным действиям. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» отразила укрепление потенциала Китая и на практике воплотила готовность использовать его в интересах сохранения и защиты от деструктивных тенденций в мировой экономике на внешней арене.

В целом, у Си Цзиньпина был большой выбор тем, каждая из которых была чрезвычайно важной и могла стать центральной, но все вместе они задавали широкую полосу возможных решений. За пять лет Си Цзиньпин проявил себя динамичным и решительным лидером, он не мог упустить возможность придать своему курсу системный характер, выйти на стратегическую глубину. Съезд превзошел самые смелые ожидания. Си Цзиньпину удалось синтезировать все эти небезупречные и уязвимые по отдельности

положения и создать из них цельную картину исторической обстановки Китая, выйдя для этого за рамки существующих теоретических представлений.

История и теория строительства социализма с китайской спецификой

Определяющее влияние марксистской теории на развитие КНР общепризнанно. Все предшественники Си Цзиньпина на посту генерального секретаря после 1989 г. вносили вклад в идейно-теоретическую платформу КПК, подтверждая тем самым свою причастность к формированию руководящей идеологии. Но если «идеи Мао Цзэдуна» и «теория Дэн Сяопина» символизировали поворотные точки в развитии теории и, следовательно, в развитии Китая и поэтому определялись как «результат соединения основных положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции» и как «результат соединения основных положений марксизма с практикой современного Китая и особенностями эпохи»³¹, то идея «тройного представительства» третьего поколения руководителей во главе с Цзян Цзэмином отражала лишь важные социально-экономические изменения в китайском обществе и фиксировала новую социально-политическую реальность, подводя практический итог воплощению социализма с китайской спецификой в социально-экономической и политической сфере.

«Научная концепция развития», выдвинутая четвертым поколением руководителей во главе с Ху Цзиньтао, по существу ничего не добавляла в марксизм-ленинизм, по определению являвшийся теорией научного социализма. Поэтому она, будучи «связанной корнями с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства», являлась только «важным достижением китаизации марксизма»³². Ни идея «тройного представительства», ни «научная концепция развития» не привязывались к именам партийных лидеров, что также указывало на их более низкий политический и идейно-теоретический статус.

Более того, замена теории строительства социализма с китайской спецификой на «теорию Дэн Сяопина» произошла только на XV съезде КПК (1997 г.) после его смерти, появление «важной идеи» Цзян Цзэмина совпало с его уходом с поста лидера партии. «Научная концепция развития» появилась в Уставе уже при действующем генеральном секретаре, но ее статус очевидно был еще ниже. Явная тенденция к понижению теоретического вклада лидеров КПК показывала, что в рамках существующих воззрений дальнейшее развитие теории затруднено и возможно лишь в виде уточнений и дополнений. Ту же тенденцию подтверждала и идея «социалистического гармоничного общества» Ху Цзиньтао. В долгосрочной перспективе она уступала социальному идеалу коммунизма, в краткосрочной — не могла быть реализована, а в идейно-политическом отношении находилась в прямом противоречии с действительностью, характеризующейся растущим социальным расслоением, обостряющимися социальными противоречиями и региональными разрывами. Вместе с тем в ней можно было узреть попытку всестороннего осмысления действительности на теоретическом уровне, уточнения социального идеала с учетом нового уровня развития китайского общества. Постепенно в Китае вызревало ощущение приближения к важному рубежу, признание этого факта само по себе было гигантским достижением. Провозгласив целью гармоничное общество и определив средство его достижения — научную концепцию развития, социалистическая идея в Китае завершала цикл, возвращаясь к фундаментальным положениям.

Выраженный Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК в 2007 г. такой абстрактно-оптимистичный подход объяснялся крайне благоприятной для Китая экономической конъюнктурой, успешным развитием внешних связей и стабильной международной обстановкой. Мировой финансово-экономический кризис 2008 г., обострение международной ситуации в различных регионах мира, исчерпание потенциала и моральное устаревание экспортно ориентированной индустриальной модели экономики, а также негативные социальные, экологические и другие последствия реформ поставили в повестку дня вопрос

о смене модели развития. Это был серьезный вызов доминировавшим идейно-теоретическим подходам.

На протяжении предшествующих 30 лет после революционных преобразований Дэн Сяопина главным методом деятельности КПК было совершенствование и дотраивание существующих экономических и политических механизмов в рамках действующего политического курса, а главным инструментом — институционализация, фиксирующая успешные изменения в практике. За счет нее были достигнуты главные успехи в экономике и в повышении эффективности политического механизма и системы государственного управления. Устаревание и, как следствие, необходимость смены экономической модели предопределили, что возможности совершенствования и институционализации тоже исчерпаны. Нужны были новая модель и новая теория. Институционализацию, игравшую роль главного механизма на предыдущем этапе развития, следовало заменить новым теоретическим руководством³³.

Теория XXI века

Главной идейно-теоретической новацией и итогом XIX съезда стало положение о вступлении социализма с китайской спецификой в новую эпоху. В марксистско-ленинской традиции любое упоминание о новой эпохе вызывает прямые аналогии с ленинским определением империализма и переходом к эпохе социалистической революции в самом слабом звене — России. При смене эпох закономерности меняют свою природу и открывают путь новым — это всеобщая универсальная формула марксизма для объяснения всех крупных изменений в теории и практике общественного развития, особенно удачная в преддверии 100-летнего юбилея КПК, подтверждающая постоянно обновляющийся, неустаревающий характер партийной идеологии.

По официальной китайской терминологии, марксизм-ленинизм, соединившись с действительностью Китая, инициировал два исторических скачка, каждый из которых породил теоретическую новацию: первый — «идеи Мао Цзэдуна», которые привели к осуществлению новодемократической революции и началу строительства социализма, второй — теорию строительства социализма с китайской спецификой Дэн Сяопина, политику реформ и открытости и рост экономической мощи Китая. Главной задачей и целью первого этапа было освобождение страны и достижение независимости. Целью второго — экономическое развитие, рост уровня жизни народа и построение общества среднего достатка (*сяокан*). Этот процесс точно воплощал программный тезис Дэн Сяопина, провозглашенный в начале реформ, — «обогащайтесь».

Сяокан в традиционной китайской философии и общественной мысли — это общество, стоящее на одну ступень ниже общества полной гармонии — общества *Датун*, в котором «Вселенная принадлежит всем» (*тянь ся вэй гун*). Дэн Сяопин наделил общество *сяокан* преимущественно социально-экономическим содержанием. Достижению экономических целей было подчинено развитие Китая на протяжении всего периода реформ. На XIX съезде было четко заявлено, что к 2020 г. Китай покончит с бедностью, и задача полного построения общества *сяокан* будет выполнена³⁴. Возникал вопрос — что дальше?

Экономический детерминизм марксизма в подобной ситуации требовал решения одной и той же задачи — превзойти передовые державы мира по уровню экономического развития. Китай практически решил задачу преодоления бедности, однако переход на новый уровень экономического развития в нынешних условиях был крайне затруднен. Все основные факторы китайской социально-экономической модели переживают кризис: избыточная и дешевая рабочая сила заканчивается; конкуренция на внешних рынках растет, растет и «сдерживание» Китая на внешней арене, нестабильность международной обстановки негативно влияет на развитие внешнеэкономических связей. Результатом всего этого стала констатация съезда о переходе в «новое нормальное состояние»³⁵. В этих условиях перспективы соревнования с США в сфере экономики не выглядят оптимистично — тенденция в историческом соревновании с главной капиталистической держа-

вой претерпела существенные изменения. В 2002 г. ВВП КНР, по данным МВФ, составлял 10% от американского и занимал 6-е место в мире. В 2016 г. ВВП КНР составил 60,41% от ВВП США³⁶ (по данным Всемирного банка в 2015 г. — 61,34%; по данным ООН в 2015 г. — 61,86%). Это означает, что 3% роста в США (что, конечно, очень оптимистично) будут равны 5% роста в КНР (что, конечно, очень пессимистично), но совпадение этих двух сценариев в корне изменит ситуацию для Китая. Однако даже при существующих темпах роста разрыв будет сокращаться значительно медленнее. Необходимы были новые ориентиры, отражающие и уровень достигнутого, и реальные перспективы дальнейшего развития. Еще накануне съезда Си Цзиньпин представил новый исторический образ развития КНР («китайская нация поднялась, обогатилась, усилилась»), явно акцентируя внимание на последней задаче³⁷. В таком виде этот образ вошел в формулировку на XIX съезде — китайская нация «встречает великий скачок: встала на ноги, стала жить лучшей жизнью и превращается в сильную и могучую нацию»³⁸.

В соответствии с поставленными к 100-летию образования КНР целями, в середине XXI века намечено завершение социалистической модернизации, т.е. выход в число первых держав мира. На это же указывает главный ориентир Си Цзиньпина — «великое возрождение китайской нации». Но эта цель не означает жесткой привязки к уровню экономического развития. Для того чтобы воплотить китайскую мечту и вернуться в число ведущих государств, совсем необязательно догонять США по объему ВВП и, тем более, по объему ВВП на душу населения. Соревнование можно вернуть в историческую плоскость, где критерии передового не тождественны сугубо экономическим. Для формулирования новой цели, таким образом, необходимо было уйти от экономического детерминизма, пронизывающего всю теоретическую систему марксизма.

Поскольку возрождение Китая в качестве мирового лидера пока возможно не во всех областях и не по всем показателям (в этом еще одно из преимуществ социализма с китайской спецификой, который не ставит всемирно исторических задач, а ограничивается частными, относящимися к одной стране), надо было сформулировать новый теоретический каркас, способный вместить новое содержание. В первую очередь — заново сформулировать цели развития и предложить новую идейно-теоретическую конструкцию, преемственную с прежней. Теория строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи отличилась подходила для этой цели.

Эта констатация отражает реальные изменения в Китае и мире. Существенный вклад в новое понимание современного этапа мирового развития внес глобальный кризис 2008 г. и последовавший за ним ряд крупных политических событий. «В условиях международной обстановки, характеризующейся отсутствием динамики в восстановлении мировой экономики, учащением локальных конфликтов и катаклизмов, а также обострением проблем глобального характера, перед лицом ряда таких глубоких перемен, как вступление экономического развития Китая в новое нормальное состояние»³⁹. Китаю необходимо было выработать новую внешнеполитическую стратегию. С одной стороны, не только поддерживать максимально возможные темпы экономического роста и социально-экономического развития и для этого противодействовать негативным тенденциям по ограничению и сдерживанию экономической глобализации, но и взять на себя ведущую роль в ее продвижении для сохранения и защиты ключевого элемента китайской экономической модели. С другой — не акцентировать внимание на росте противоречий и напряженности в мире, не усугублять негативные тенденции, а искать точки соприкосновения. Из необходимости соблюсти этот баланс вытекал написанный в нейтрально-констатирующих и конструктивистских тонах абзац о международных отношениях с различными группами государств, в котором, в отличие от предыдущего съезда, не нашлось места международным объединениям ШОС и БРИКС, не только подчеркивавшим разделение мира на глобальном уровне, но и явно уступившим приоритет во внешней политике КНР другой макрорегиональной китайской инициативе — «Один пояс, один путь».

КПК ушла от прямолинейных аналогий и не стала квалифицировать кризис 2008 г. как очередной кризис империализма. Но проявившаяся в нем тенденция к ослаблению западного мира и западной модели развития в целом открывала перед Китаем принципиально новые возможности, которыми можно было воспользоваться асимметрично, не догонять по прямой, а предложить альтернативу. В материалах съезда этот сюжет повторяется несколько раз: развитие по пути строительства социализма с китайской спецификой «открыло развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и желающим сохранить собственную независимость. Таким образом, Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант в целях решения проблем человечества»⁴⁰.

В целом, съезд констатировал, что в мире произошли глубокие изменения, историческая среда тоже изменилась. В отчетном докладе это получило название «многочисленные новые исторические особенности»⁴¹. «Социализм с китайской спецификой вступил новую эпоху, занимающую в истории развития Китая совершенно новое место»⁴², то есть эпоха развития и соревнования по привычным критериям закончилась. В соответствии с марксистско-ленинской традицией характеристика эпохи является начальной точкой исторического анализа. Параметры новой эпохи еще предстоит определить, но зафиксировать ее наступление было важной теоретической задачей, что повлекло за собой целый ряд не менее фундаментальных изменений, в том числе в характеристике этапа развития, на котором находится китайское общество.

На определенном этапе отсутствие условий для построения коммунистического общества привело к разделению коммунистической общественно-экономической формации на две фазы — социализм и коммунизм со своими основными законами и принципами распределения, с последующим выделением этапа развитого социализма в СССР и начального этапа социализма (НЭС) в КНР. Затем начальный этап социализма в Китае был разделен на две стадии: построение общества *сяокан* к 2000 г. и полного построения *сяокан* к 2020 г., а затем завершение социалистической модернизации, которое одновременно являлось критерием завершения НЭС.

Определение отношений новой эпохи и начального этапа социализма — серьезная теоретическая задача, которую еще предстоит решить. Дополнительную сложность в этом вопросе представляет то, что положение о НЭС включено в программную преамбулу Устава КПК. Заменить или исключить ее можно только после соответствующего теоретического обоснования и серьезной идейно-пропагандистской работы. В решении этой задачи проявляется одна из главных проблем китайского способа мышления — ориентация на преемственность, которая предполагает дополнение и отвергает исключение. Признать, что определенный этап закончился и начинается новый, — противоестественно, а это сдерживает развитие, постоянно создает и консервирует противоречие между старым и новым, не дает ему разрешиться. Китай подошел к такому этапу, когда это предстоит сделать, но пока в докладе было подтверждено, что Китай находится на начальном этапе социализма⁴³.

Таким образом, теоретическая схема доклада была предопределена: Китай и строительство социализма с китайской спецификой вошли в новую эпоху, новая эпоха предполагает появление нового главного противоречия, решение которого описывается новой руководящей идеологией. Все вместе это предполагает новый путь развития. Очередность этих структурных элементов может быть иная, но их органическая связь неизменна, и в центре ее находится противоречие.

Главное противоречие общественного развития в марксизме имеет фундаментальное значение. На это в докладе указал Си Цзиньпин: «Изменение в основном противоречии китайского общества является исторической переменой»⁴⁴. История главного противоречия в Китае прошла несколько этапов. В классово антагонистических обществах, в том числе в Китае до революции 1949 г., это было противоречие между классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых, которое сохранялось и в переходный период

к социализму. Снимала это противоречие только классовая борьба, которая находилась в центре деятельности компартии.

С началом строительства социализма было принято советское определение основного противоречия — между растущими материальными и духовными потребностями народа и отсталыми производительными силами. В годы «культурной революции» место главного противоречия вновь заняла классовая борьба. Но с 1978 г. ситуация стала меняться. На XII съезде в докладе Ху Яобана целью социалистического строительства провозглашалось «удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей народа»⁴⁵. И уже в докладе Чжао Цзыяна на XIII съезде констатировалось: «Главное противоречие, которое встает перед нами на нынешней стадии, — это противоречие между растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством»⁴⁶. Выше в том же абзаце указывалось, что эта стадия — «начальная стадия социализма». В соответствии с главным противоречием определялся приоритет деятельности компартии — развитие производительных сил и удовлетворение за счет этого растущих потребностей народа.

На XIX съезде было провозглашено новое главное противоречие — «между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития», которое стало «основным противоречием китайского общества»⁴⁷. В китайской теории социализма, как и во всех великих идеологических учениях, есть каноны и апокрифы. Не обошлись без них и материалы прошедшего съезда. В китайской интерпретации «неравномерное и неполное развитие» означает негативные последствия экономического развития, в первую очередь, экологические проблемы и социальные противоречия и разрывы⁴⁸.

В соответствии с прежним противоречием КПК должна была наращивать производство и потребление, по крайней мере, до опережения по этим показателям ведущей капиталистической державы мира, поэтому ставилась задача экономического роста, а в условиях относительного сокращения емкости основных внешних рынков — роста внутреннего потребления. Понимание невозможности этого было учтено в формулировке нового главного противоречия. Из него следует смещение приоритета с экономического роста, который удовлетворял материальные и духовные потребности, на повышение качества различного рода социальных отношений и государственного управления, которым соответствуют менее конкретные и строгие представления о «лучшей жизни». (Ниже в тексте доклада к «лучшей жизни» причисляются удовлетворение экономических, культурных и других потребностей, но в определении основного противоречия они, тем не менее, включены не были.) Выход второй книги Си Цзиньпина о государственном управлении неслучайно был приурочен к окончанию съезда.

Этим новации в идейно-теоретической платформе КПК не ограничились. Для достижения целей 100-летнего юбилея в 2050 г. были выделены два этапа⁴⁹. Разделение на этапы имеет гигантский потенциал для внесения изменений и новаций, меняет механизм развития в соответствии с характеристикой главного противоречия. Первый — осуществление в основном социалистической модернизации к 2035 г., которое раньше намечалось на середину XXI века, и второй, абсолютно новый — полное осуществление модернизации к 2050 г. Последняя цель, вероятно, означает исправление и устранение негативных последствий экономических реформ — социальных и экологических, а не выход на лидирующие позиции в мире по валовым показателям.

Таким образом, новая теория Си Цзиньпина как и теория строительства социализма с китайской спецификой Дэн Сяопина, для своей реализации предполагает два этапа длительностью по 15 лет, вероятно, по аналогии с реализацией двух планов по учетверению китайского ВВП к 2000 г. и к 2020 г., достигнутых досрочно, но уже без конкретных цифр и количественных показателей, а только с указанием качественных, более гибких при оценке.

Ближайшие три года составят переходный период от одной задачи к другой⁵⁰. Его завершение и будет главным содержанием отчета нынешнего поколения, при котором была достигнута цель построения общества *сяокан*, поставленная архитектором китайских реформ Дэн Сяопином и которое уже сформулировало новые стратегические цели, соответствующие по своим масштабам достигнутым.

Необходимость соблюсти баланс между преемственностью и новациями привела к появлению нового теоретического противоречия. В докладе указывалось, что из изменения противоречия не вытекает новый этап⁵¹. Последнее утверждение, безусловно, конъюнктурно, не вписывается в логику марксизма, в исторический и диалектический материализм, о котором говорил Си Цзиньпин, и потребует дополнительной аргументации или ревизии в дальнейшем.

Итоги съезда в Уставе КПК

Несмотря на рекордный для съездов КПК объем, доклад не давал исчерпывающих ответов на все поставленные вопросы. Ситуацию заметно прояснили изменения в Уставе КПК, которые расставили акценты и приоритеты.

Во-первых, внесение вместе с новой теоретической доктриной — теорией социализма с китайской спецификой новой эпохи — имени Си Цзиньпина в Устав КПК существенно повысило его авторитет и влияние. В идеократическом государстве не столько фактические полномочия, сколько авторитет и общественное признание являются важнейшим инструментом политического процесса, неотъемлемой частью политической культуры, в которой авторитет и закон разделены. Закон без политического авторитета действует ограниченно, не в полной мере и может быть оспорен авторитетом. Внесение в Устав КПК имени генерального секретаря усиливает силу закона, в данном случае партийных решений, одновременно показывает сложность осуществления правления по закону и вскрывает одну из центральных проблем в общественно-политической жизни Китая — сочетания руководства партии и правления по закону. Отношения авторитета и закона — процесс двусторонний. В результате внесения этих изменений в Устав положение Си Цзиньпина в партии еще больше укрепилось.

Во-вторых, теория строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи — это новая руководящая идеология на долгосрочный период. «В долгосрочной перспективе необходимо руководствоваться этими идеями и непрерывно их развивать»⁵². У КПК появилась новая теоретическая платформа. Это историческое по своему значению событие еще и потому, что вместе с ней уходит старая эпоха — эпоха Дэн Сяопина. Строительство социализма с китайской спецификой новой эпохи — «это эпоха победоносного выполнения задачи полного построения общества средней зажиточности и перехода к всестороннему строительству модернизированной социалистической державы», «эпоха осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации»⁵³. Китайская мечта будет осуществлена, таким образом, под водительством теории Си Цзиньпина. Именно эта теоретическая новация открывает безграничные возможности для внесения изменений в экономику, политику, международные отношения и т.д. Сейчас трудно представить, в каком направлении могут пойти преобразования, точно так же, как это было неясно на XII съезде. В этой связи обращает на себя внимание использование Си Цзиньпином в заключительном абзаце своего выступления другого положения традиционной китайской философии — *тянь ся вэй гун*. Это аккуратное указание на качественно более высокое состояние общества, чем общество *сяокан*, использованное Дэн Сяопином. У КПК появилась новая теоретическая формула, которая будет наполняться реальным содержанием.

В-третьих, «Один пояс, один путь» — это первая в новых исторических условиях внешнеполитическая стратегия, реализация которой потребует серьезных изменений во внешней политике. Инициатива «Один пояс, один путь» была внесена в Устав в значительной степени потому, что должна стать частью экономической модели современного

Китай. В условиях «сдерживания» со стороны США и растущей неопределенности в отношениях с Западом, нарастания напряженности в различных регионах мира идея возрождения оказалась связанной с восстановлением своей ойкумены, которая будет более предсказуема, ориентирована на сотрудничество и потребление и, таким образом, будет способствовать поддержанию темпов роста в Китае.

Китайская социально-экономическая модель решила всего одну, но центральную для большинства развивающегося мира проблему — преодоления бедности. Поэтому она представляет живой интерес для многих стран Азии и Африки, для которых сегодняшний Китай — не только главный экономический партнер, но пример и, возможно, идеологический ориентир. В таком свете инициатива «Один пояс, один путь» — не только экономический и инфраструктурный проект, а конкретное воплощение идеи сообщества единой судьбы человечества.

* * *

Не все решения съезда получили ясное и законченное оформление. Дальнейшие изменения произойдут на ближайшей сессии ВСНП, которая внесет ясность в реальное наполнение партийных решений на государственном уровне. Мало сомнений в том, что произойдут ритуальные изменения в Преамбуле Конституции, куда вместе с теорией о строительстве социализма с китайской спецификой новой эпохи будет вписано имя Си Цзиньпина. Вероятно, на предстоящей сессии ВСНП будет создан объявленный на съезде орган госконтроля. Центральный для понимания решений съезда и дальнейшего направления социально-политического развития КНР вопрос — получит ли он конституционный статус и кто его возглавит. С самого начала реформ ведущим направлением изменений выступало разделение партийных и государственно-административных функций. Некоторые основные положения доклада выглядят принципиальным изменением в стратегии государственного строительства и общественной жизни. Смена этой стратегии вполне вписывается в заявленный съездом принцип — «партия руководит всем».

Ждать некоторых из этих решений осталось недолго, других придется ждать до следующего съезда партии. Например, станет ли Си Цзиньпин Председателем ЦК КПК, произойдет ли смена в руководстве в обычном режиме, поскольку среди новых членов ПК ПБ нет явных претендентов на пост генерального секретаря, во всяком случае, на два срока подряд, или будут созданы новые центральные органы. Вместе с тем ясно, что съезд заложил хорошую основу для отчета нынешнего руководства о грядущем 100-летию КПК и постановки им новых задач.

1. См., например: *Асланов Р.* XII съезд Коммунистической партии Китая // Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология: 1982. М., 1986. С. 9–15. XII съезд «существенно отличает подход нынешних руководителей КНР к разрешению насущных проблем китайского общества от подхода, выработанного на предшествовавших IX—XI съездах КПК». С. 11.
2. Материалы и документы XII съезда КПК (1–11 сентября 1982 г.). М.: Наука, 1983. С. 21; Жэньминь жибао. 08.09.1982.
3. *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 6.
4. *Дэн Сяопин.* Избранные произведения. Пекин, 1985. С. 166.
5. См., например: Идеологическая ситуация // Китайская Народная Республика в 1984 г.: политика, экономика, идеология. М., 1987. С. 222–227.
6. *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. С. 3–4.
7. Там же. С. 5–6.
8. См., например: *Феоктистов В.Ф., Яценко Г.Н.* Идеологическая ситуация // Китайская Народная Республика: экономика, политика, идеология: 1982. М., 1986. С. 222.
9. Жэньминь жибао. 23.10.1984.
10. Чжунго гунчаньдан дн шицзю цы: [XIX съезд КПК: Сб. материалов]. Пекин, 2017. С. 18, 24–25.

11. Там же. С. 24.
12. Там же. С. 27.
13. Там же. С. 24.
14. Там же. С. 29.
15. Там же. С. 7.
16. Там же. С. 53–54.
17. Там же. С. 29.
18. Там же. С. 16.
19. Там же. С. 17–18.
20. Там же. С. 18.
21. Там же. С. 2, 21.
22. Там же. С. 50.
23. Там же. С. 30.
24. Там же. С. 31.
25. Там же. С. 31–32.
26. Там же. С. 7, 54.
27. Там же. С. 54.
28. XVII съезд КПК. Официальные документы: Политический доклад ЦК и Устав партии. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 13, 54.
29. Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы... С. 47–48.
30. Там же. С. 18.
31. Там же. С. 67. Устав КПК.
32. Там же. С. 68. Устав КПК.
33. См.: The Close Combination Between Governing the Party by Ideology and Governing the Party by Institutionalization // The New Stage of the Comprehensive and Strict Governance of the Party. Beijing, 2017. P. 81–118.
34. Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы... С. 38.
35. Там же. С. 2.
36. IMF 18.04.2017. URL: <http://www.imf.org/> Gross domestic product, nominal.
37. Из речи Си Цзиньпина на совещании руководящих кадров 26 июня 2017 г. URL: http://russian.news.cn/2017-07/28/c_136478357.htm.
38. Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы... С. 8. На китайском языке все ключевые слова остались те же — *zhanqilaila*, *fuqilaila*, *qiangqilai*, но перевод на русский изменился на приведенный.
39. Там же. С. 2.
40. Там же. С. 9.
41. Там же. С. 13.
42. Там же. С. 8.
43. Там же. С. 10.
44. Там же. С. 9.
45. Жэньминь жибао. 08.09.1982. В Уставе, принятом на XII съезде, было зафиксировано главное противоречие социализма «между материальными и культурными потребностями нашего народа и отсталым уровнем нашего общественного производства». См.: Материалы и документы XII съезда КПК. С. 91.
46. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1988. С. 13.
47. Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы... С. 9.
48. См.: Дан дэ шицзю да баогао сюэси фудао байвэнь: [Вопросы к изучению доклад на XIX съезде КПК]. Пекин, 2017. С. 20–22.
49. Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы... С. 23.
50. Там же.
51. Там же. С. 10.
52. Там же. С. 16.
53. Там же. С. 9.

Экологическая повестка XIX съезда КПК

© 2018

И.В. Ушаков

Изложены основные направления дальнейшего развития экологической политики КНР, предложенные на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) Подведены некоторые итоги выполнения предыдущих планов в области охраны окружающей среды и обозначены перспективы решения проблем, стоящих перед государством в области природоохранной деятельности.

Ключевые слова: КНР, экологическая политика, охрана окружающей среды, экоцивилизационное строительство, «прекрасный Китай».

Экологическая проблематика, как и ожидалось, заняла заметное место в материалах XIX съезда Коммунистической партии Китая. На последних съездах (и это стало традицией) озвучивались эффектные по форме прорывные идеи в области охраны окружающей среды.

Так, на XVII съезде (октябрь 2007 г.) был дан старт масштабному проекту экоцивилизационного строительства. На следующем, XVIII съезде (ноябрь 2012 г.) идея экологической цивилизации получила дальнейшее развитие, а партия сделала принципиальный поворот в экологической политике. Вопросы охраны окружающей среды, экоцивилизационного строительства были подняты на новый уровень, поставлены в один ряд с вопросами экономического, политического, культурного и социального строительства и заняли самостоятельное место в системе государственных стратегических приоритетов.

На нынешнем, XIX съезде КПК была подтверждена приверженность экоцивилизационному строительству, а экологическая составляющая была обозначена как один из аспектов идеи «социализма с китайской спецификой новой эпохи», предложенной генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином. «Необходимо построить прекрасный Китай, создать народу благоприятную среду для жизни и труда, внести вклад в глобальную экологическую безопасность»¹. В такой поэтической форме — «построить прекрасный Китай» — обществу был представлен очередной амбициозный экологический проект...

1. Итоги и задачи

Ли Ганьцзе, нынешний министр охраны окружающей среды, выступая 23 октября 2017 г. на пресс-конференции в рамках работы XIX съезда КПК, охарактеризовал некоторые результаты деятельности государства в области охраны окружающей среды как «беспрецедентные». Поговорим о них подробно.

Китай добился впечатляющих результатов в области технической реконструкции энергоблоков электростанций, работающих на каменном угле, для достижения сверхнизкого уровня выбросов загрязняющих веществ (имеется в виду уровень выбросов энергоблоков, работающих на природном газе, как эталонный). По данным на начало декабря

Ушаков Игорь Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом научных изданий ИДВ РАН. E-mail: igor.ushakov51@gmail.com.

2017 г. подобная реконструкция была проведена на энергоблоках с суммарной установленной мощностью 640 млн кВт, что составляет 68% установленных мощностей всех электростанций, работающих на каменном угле. Это позволило на 83% снизить выбросы диоксида серы, на 50% — выбросы диоксида азота и на 67% — дымовой пыли. В результате в 2016 г. в условиях весьма жестких предельно допустимых концентраций (ПДК) загрязняющих веществ — диоксида серы 60 мкг/куб.м и диоксида азота 40 мкг/куб.м в расчете на год (рекомендуемые Всемирной организацией здравоохранения, ВОЗ, показатели составляют 50 и 40 мкг/куб.м соответственно) — из 338 городов окружного уровня и выше только 3% не соблюдали ПДК по диоксиду серы и 16,9% по диоксиду азота².

Но самое беспрецедентное в этом сюжете — то, что в течение 11 месяцев 2017 г. техническая реконструкция была проведена на энергоблоках суммарной установленной мощности 200 млн кВт, то есть роста составил 45,5% от уровня конца 2015 г. — 440 млн кВт.

Другим беспрецедентным, по мнению министра, результатом природоохранной деятельности государства, стало заметное снижение уровня концентрации в атмосферном воздухе городов Китая взвешенных частиц PM_{10} и $PM_{2,5}$ (последняя на протяжении ряда лет находится в центре внимания китайского руководства, которое прилагает немало сил для решения этой проблемы).

Так, в период с 2013 по 2017 г. среднегодовая концентрация PM_{10} в 338 городах окружного уровня и выше сократилась на 22,7%, а среднегодовая концентрация $PM_{2,5}$ снизилась в районе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй на 39,6%; в районе дельты реки Янцзы — на 34,3%; в районе дельты реки Чжуцзян — на 27,7% и в Пекине — на 34,8%.

В 2017 г. показатель PM_{10} в 338 городах снизился по сравнению с 2016 г. на 5,1% и составил 75 мкг/куб. м; $PM_{2,5}$ — на 6,5% до 43 мкг/куб.м. Среднегодовая концентрация $PM_{2,5}$ в районах Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, дельта реки Янцзы и в Пекине уменьшилась на 9,9%; 4,3% и 20,5% и составила 64 мкг/куб. м; 44 мкг/куб. м и 58 мкг/куб. м соответственно, хотя в районе дельты реки Чжуцзян зафиксирован ее рост³ (на 6,3% до 34 мкг/куб. м). Однако в целом налицо явно положительная динамика.

Любопытную картину состояния охраны окружающей среды и положения дел в природоохранной сфере в Китае дает опубликованная в самом конце года (26.12.2017) Сводка об оценке результатов в области экоцивилизационного строительства в 2016 г. Ее авторы — Государственное статистическое управление (ГСУ) КНР, Государственный комитет КНР по делам развития и реформ, Министерство охраны окружающей среды КНР и Организационный отдел ЦК КПК.

В Сводке приводится совокупный индекс зелёного развития по административным единицам провинциального уровня и результаты соответствующих опросов общественного мнения, которые ранжированы по их значениям. Ниже приведена одна из таблиц, помещенных в Сводке (табл. 1).

Как видно, административные единицы ранжированы по сводному зелёному индексу, а также по индексам 6 специализированных блоков.

Для расчета совокупного индекса зелёного развития использованы 55 показателей, в свою очередь разбитых на 6 блоков:

- использование ресурсов;
- управление окружающей средой (прежде всего, предотвращение и ликвидация загрязнений окружающей среды);
- качество окружающей среды;
- охрана природной среды (экосистем);
- качество роста;
- зелёный образ жизни.

Таблица 1

Распределение мест между административными единицами провинциального уровня по индексу зелёного развития и результатам опроса общественного мнения в 2016 г.

Административная единица	Индекс зелёного развития	Индекс использования ресурсов	Индекс управления окружающей средой	Индекс качества окружающей среды	Индекс охраны природной среды	Индекс качества роста	Индекс зелёного образа жизни	Общественное мнение
Пекин	1	21	1	28	19	1	1	30
Фуцзянь	2	1	14	3	5	11	9	4
Чжэцзян	3	5	4	12	16	3	5	9
Шанхай	4	9	3	24	28	2	2	23
Чунцин	5	11	15	9	1	7	20	5
Хайнань	6	14	20	1	14	16	15	3
Хубэй	7	4	7	13	17	13	17	20
Хунань	8	16	11	10	9	8	25	7
Цзянсу	9	2	8	21	31	4	3	17
Юньнань	10	7	25	5	2	25	28	14
Цзилинь	11	3	21	17	8	20	11	19
Гуанси	12	8	28	4	12	29	22	15
Гуандун	13	10	18	15	27	6	6	24
Сычуань	14	12	22	16	3	14	27	8
Цзянси	15	20	24	11	6	15	14	13
Ганьсу	16	6	23	8	25	24	23	11
Гуйчжоу	17	26	19	7	7	19	26	2
Шаньдун	18	23	5	23	26	10	8	16
Аньхой	19	19	9	20	22	9	23	21
Хэбэй	20	18	2	30	13	25	19	31
Хэйлунцзян	21	25	25	14	11	18	12	25
Хэнань	22	15	12	26	24	17	10	26
Шэньси	23	22	17	22	23	12	21	18
Внутренняя Монголия	24	28	16	19	15	23	13	22
Цинхай	25	24	30	6	21	30	30	6
Шаньси	26	29	13	29	20	21	4	27
Ляонин	27	30	10	18	18	28	29	28
Тяньцзинь	28	12	6	31	30	5	7	29
Нинся	29	17	27	27	29	22	16	10
Тибет	30	30	31	2	4	27	31	1
Синьцзян	31	27	29	25	10	31	18	12

Источник: URL: www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201712/t20171226_1566827.htm (дата обращения: 04.01.2018).

В последней графе места между административными единицами распределены в соответствии с результатами опроса общественного мнения.

По индексу качества окружающей среды три первых места занимают провинции Хайнань, Тибет и Фуцзянь, а последние три — Тяньцзинь, Хэбэй и Шаньси. По индексу охраны природной среды (экосистем) в первой тройке Чунцин, Юньнань, Сычу-

ань, а в последней — Цзянсу, Тяньцзинь, Нинся. По индексу *зелёного образа жизни* первые места заняли Пекин, Шанхай и Цзянсу, а последние — Тибет, Цинхай и Ляонин.

Интересно, что по сводному индексу зелёного развития первые места достались Пекину, Фуцзяни и Чжэцзяну, а последние — Синьцзяну, Тибету, Нинся. А вот экологические предпочтения общественности оказались несколько иными.

Первые места заняли безлюдный Тибет, живописная Гуйчжоу и остров-курорт Хайнань. На последних местах, по мнению общественности, оказались Хэбэй, Пекин и Тяньцзинь.

Иными словами, значительный разброс мнений, их явное несовпадение по версиям специалистов и общественности, особенно по поводу перенаселенного и замученного смогом Пекина (соответственно 1-е и 30-е места) и заоблачного Тибета (30-е и 1-е места) не могут не обратить на себя внимания.

Эту ситуацию статистически безупречно прокомментировал глава ГСУ КНР Нин Цзинчжэ: он заявил, что в первом случае мы имеем дело с «объективной оценкой», а во втором — с «субъективными ощущениями».

Так или иначе, работа, проделанная китайскими специалистами, заслуживает внимания. И, безусловно, она пойдет на пользу делу охраны окружающей среды, а также не останется без внимания местных администраций, которым придется сделать соответствующие выводы.

Возвращаясь к материалам XIX съезда, отметим, что в докладе Си Цзиньпина нет и намек на алармистские настроения, и в целом генеральный секретарь ЦК КПК дает положительную оценку деятельности государства в области охраны окружающей среды, проявляя сдержанный оптимизм. Однако, говоря о проблемах, стоящих перед страной, он одной короткой фразой выражает глубину и масштабы экологической проблемы для Китая: «В деле охраны окружающей и природной среды ответственность велика и путь далёк и нелёгок»⁴. (В официальном переводе эта фраза звучит несколько иначе, скажем, менее значительно, скорее шаблонно: «Сложные, долгосрочные задачи предстоит решить в области защиты экологии».)

Каковы эти проблемы и насколько они значимы и беспрецедентны, можно судить по задачам, поставленным в Докладе генерального секретаря XIX съезду.

1. Стимулировать зелёное развитие

Здесь речь идет, в первую очередь, о снижении природоемкости, ресурсоемкости, энергоемкости китайской экономики, о ее низкоуглеродном и рециркуляционном развитии и вплоть до *зелёного образа жизни* — его внедрении, популяризации и стимулировании.

Насколько амбициозна эта задача можно судить хотя бы по тому, что в Китае значительную часть экономики представляет низкотехнологичный сектор, то есть масса мелких и средних предприятий, которые отличаются высокими ресурсо- и энергоемкостью. В Китае до сих пор основным энергоносителем остается каменный уголь. В 2017 г. добыча этого вида топлива увеличилась на 3,2% после трёх лет стабильного сокращения⁵. Более того, планируется к 2020 г. удерживать суммарную установленную мощность энергоблоков, работающих на каменном угле, в пределах 1 млрд кВт при нынешних примерно 900 млн кВт.

Наконец, здесь нельзя не сказать о китайской деревне, где проживают около 600 млн человек. По данным последней, Третьей всекитайской сельскохозяйственной переписи, опубликованным в конце минувшего года, 44,2% семей для обогрева и приготовления пищи пользовались дровами, а 23,9% — углем⁶.

2. Сосредоточить усилия на решении острых экологических проблем

Имеются в виду загрязнения атмосферного воздуха, водной среды и почвенного покрова. Наибольших успехов Китай пока добился в области снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха, о чем говорилось выше. Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, здесь стране предстоит крайне сложная работа, которая потребует немалых усилий.

Так, по данным 2016 г., из 338 городов окружного уровня и выше, в которых налажен мониторинг состояния атмосферного воздуха, только четверти из них (24,8%) удалось выйти на государственные стандарты состояния атмосферного воздуха. Превышение по показателю концентрации взвешенных частиц PM_{10} составило в среднем 17,1%. По показателю $PM_{2,5}$ — 34,3%. По первому показателю до государственного стандарта не дотянули 58,3% городов, по второму — 71,9%⁷. И это притом, что ПДК, принятые в Китае, в 3,5 раза ниже рекомендуемых Всемирной организацией здравоохранения. В 2017 г. в целом ситуация, судя по всему, принципиально не изменилась.

Если о работе по улучшению состояния атмосферного воздуха было сказано, что ее необходимо «продолжить», то в отношении работы по улучшению состояния водной среды прозвучало слово «интенсифицировать». Это означает, что работы — непочатый край. На одной из последних пресс-конференций в Министерстве водных ресурсов КНР было сообщено, что недавняя оценка состояния водной среды в 118 главных озер Китая за 2016 г. показала следующее:

I–III уровням качества воды (удовлетворительное качество) отвечало всего лишь 23,7%; IV–V уровням (неудовлетворительное качество) — 58,5%, а в категорию ниже V уровня (плохое качество состояния воды) вошло 17,8%⁸.

Обращаясь к работе в области загрязнения почвенного покрова, следует сказать, что она только-только начинается. Впервые в Китае разрабатывается Закон об охране почвенного покрова, который в конце 2017 г. был представлен ко второму чтению в ВСНП.

3. Усиливать динамику охраны экосистем

Значительная часть территории КНР представлена хрупкими, чувствительными экосистемами. На экосистемы со средней степенью хрупкости и выше приходится 55% территории страны (крайне высокая степень хрупкости — 9,7%; высокая — 19,8%, средняя — 25,5%).

Районы важные и относительно важные с точки зрения охраны природы занимают 57,1% площадей. 40,2% приходится на экофункциональные районы государственного значения⁹. К этой категории относятся, например, территории водосбора основных рек страны и районы биоразнообразия.

Следует признать, что, на наш взгляд, в последние годы основное внимание в природоохранной деятельности в Китае обращалось, прежде всего, на снижение загрязнения атмосферного воздуха, а вопросы, связанные с сохранением и охраной экосистем страны были недостаточно акцентированы, несмотря на то, что они не теряют своей остроты, а в ряде областей — усугубляются.

Так, не в последнюю очередь это касается водно-болотных угодий. По данным 2-го всекитайского обследования водно-болотных угодий, их площадь в период с 2003 по 2013 г. сократилась на 8,82%, в том числе естественных болот — на 9,33%, или на 3,39 млн га и 3,37 млн га естественных болот соответственно. При этом 32% площадей болот находились в плохой экологической ситуации, а в целом площадь болот Китая (53,6 млн га) подошла вплотную к «красной линии» — 53,3 млн га (!)¹⁰

Между тем водно-болотные угодья по удельной ценности (экологических услуг) занимают 1-е место среди всех наземных экосистем. Их удельная ценность в 64 раза выше удельной ценности естественных пастбищ и лугов, в 49 раз — лесов и в 1,7 раза — озер и рек¹¹.

4. Реформировать систему экологического мониторинга и контроля

Поставлена задача оптимально выстроить отношения по горизонтали и вертикали между ведомствами, центром и местами. В Китае вопросами охраны окружающей среды и природопользования, наряду с профильным Министерством охраны окружающей среды, занимаются такие мощные ведомства, как Министерство сельского хозяйства, Министерство водных ресурсов, Министерство земельных и природных ресурсов, а также Государственное управление лесного хозяйства. В административных единицах провинциального уровня функционируют соответствующие управления по охране окружающей среды. В связи с этим, учитывая комплексность экологической проблематики, необходимо гармонизировать интересы перечисленных институтов и совершенствовать систему управления охраной окружающей среды; добиться единообразия процедур, в том числе по мониторингу выбросов загрязняющих веществ и контролю использования территорий в установленных целях по охране и восстановлению природной среды.

Одним из первых шагов в этом направлении стало введение института кураторов, или управляющих, реками, в компетенцию которых входит весь комплекс экологических проблем того или иного речного бассейна. В настоящее время рассматривается вопрос о введении института кураторов озер.

II. Зоны особого внимания

Не успели оттремать новогодние петарды, как 3 января 2018 г. Пекинское управление по охране окружающей среды опубликовало данные о состоянии атмосферного воздуха в Пекине в 2017 г. Выяснилось, что среднегодовая концентрация взвешенных частиц $PM_{2,5}$ составила 58 мкг/куб.м, сократившись по сравнению с предыдущим годом на 20,5%¹². Чиновники вздохнули с облегчением, а ничего не подозревающие жители и гости столицы Поднебесной от души радовались синему небу над головой.

Это означало, что был выполнен самый сложный пункт Плана действий по предотвращению загрязнений атмосферного воздуха, принятого осенью 2013 года.

Событие знаковое: этот план стал первой серьезной заявкой нового поколения китайских руководителей на адекватный подход к охране окружающей среды. В частности, в нем предполагалось к 2017 г. снизить концентрацию в атмосферном воздухе взвешенных частиц $PM_{2,5}$ в районах Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, дельта реки Янцзы и дельта реки Чжужэнь на 25, 20 и 15% соответственно по сравнению с уровнем 2012 г. И с этой задачей в Китае успешно справились.

Отдельно была поставлена цель к 2017 г. удержать среднегодовую концентрацию взвешенных частиц $PM_{2,5}$ в Пекине в пределах 60 мкг/куб. м.

Движение к этой цели шло с большим трудом. Еще в 2016 г. показатель концентрации составлял 73 мкг/куб. м. Испытанием на прочность стали высокие показатели концентрации в осенне-зимний период 2016–2017 гг. (табл.2), обусловленные началом отопительного сезона, который во всем Северном Китае длится с 15 ноября по 15 марта. Основным же источником тепла является такой «грязный» энергоноситель, как каменный уголь. Это служит одной из главных причин повышения концентрации взвешенных частиц $PM_{2,5}$ в атмосферном воздухе. Другая причина — наличие в регионе множества предприятий тяжелой промышленности. Например, здесь выплавляется 29 и 26% чугуна и стали соответственно и производится 31% стального проката страны¹³. И, наконец, относительно высокая степень автомобилизации региона не добавляет чистоты атмосферному воздуху.

Смог в Пекине давно стал притчей во языцех. К тому же он приходился на Китайский Новый год (февраль), на период работы сессий ВСНП (март), да и дни празднования образования КНР (октябрь) далеко не всегда сопровождало безоблачное небо...

Разрешение столь щепетильной ситуации стало в какой-то мере вопросом чести для руководства страны. Потребовались нестандартные, беспрецедентные меры. И они были приняты.

Действующий министр охраны окружающей среды Чэн Цзинин был назначен исполняющим обязанности мэра Пекина. В августе 2017 г. был опубликован Ударный комплексный план действий по предотвращению загрязнения в регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй и соседних регионах — «2+26» (два города центрального подчинения — Пекин и Тяньцзинь и 26 городов провинций Хэбэй, Шаньдун, Шаньси и Хэнань) в осенне-зимний период 2017–2018 гг., с октября 2017 по март 2018 г. включительно.

Была поставлена задача существенно сократить выбросы взвешенных частиц $PM_{2,5}$ во время отопительного сезона во всем Северном Китае. А заодно, судя по всему, использовать План в качестве дополнительной меры для достижения запланированной концентрации частиц $PM_{2,5}$ в пределах 60 мкг/куб.м в Пекине, поскольку, по оценкам китайских специалистов, до 30% атмосферных загрязнений в столице «импортируется» из соседних регионов. Задания по снижению концентрации $PM_{2,5}$ в 28 городах (2+26) варьируют в пределах 10–25% по отношению к соответствующему периоду предыдущего года.

Планом предусмотрены достаточно жесткие и радикальные меры. Например, сокращение выплавки стали на 50%, электролитного алюминия — на 30%. Существенно сокращение использования каменного угля. Предполагалось к концу октября 2017 г. перевести 3 млн домохозяйств в регионе на использование в быту, прежде всего для обогрева помещений в отопительный сезон, газа и электроэнергии¹⁴.

О характере предпринимаемых мер красноречиво говорят следующие примеры. Так, в Пекине на время всего отопительного сезона запрещены любые строительные работы, а потребление угля сокращается на треть. А в Тайюане, административном центре самой крупной в Китае угледобывающей провинции Шаньси, на этот период в черте города полностью запрещены транспортировка, продажа и использование угля.

Так сейчас обстоят дела в зоне особого внимания к экологическим проблемам Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй. О том, как драматично шла «битва за чистый воздух над Пекином», о ее первых результатах свидетельствуют беспристрастные цифры (табл. 2).

Другой заметный экологический сюжет, который только начинает разворачиваться, связан с новой региональной инициативой китайского руководства — развитием экономического пояса вдоль реки Янцзы. Эта инициатива, наряду с проектами скоординированного развития региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, а также «Один пояс, один путь», декларирована как одна из трех важнейших стратегий развития Китая на перспективу.

В этом проекте особо акцентирована экологическая составляющая, рассматриваемая как приоритетное направление в его реализации.

Следует отметить, что регион экономического пояса реки Янцзы по площади занимает 21% территории страны, в нем проживает около 40% населения и производится более 40% ВВП Китая. В регион включено 11 провинций и городов центрального подчинения: Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси, Хубэй, Хунань, Чунцин, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань.

Именно генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, выступая в Чунцине в самом начале 2016 г., поставил на первое место в развитии региона решение экологических проблем. В результате уже к концу года был подготовлен План охраны окружающей среды экономического пояса реки Янцзы.

Таблица 2

Динамика среднемесячной концентрации взвешенных частиц $PM_{2,5}$ в атмосферном воздухе Пекина и региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй в отдельные месяцы 2015–2017 гг.

Месяц, год	Пекин		Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй	
	Концентрация $PM_{2,5}$ мкг/куб. м	Прирост (снижение) по сравнению с уровнем соответствующего месяца предыдущего года, %	Концентрация $PM_{2,5}$ мкг/куб. м	Прирост (снижение) по сравнению с уровнем соответствующего месяца предыдущего года, %
12.2015	152	166,7	143	44,4
01.2016	68	- 30,6	89	- 22,6
09.2016	55	10,0	52	15,6
10.2016	84	13,5	68	13,3
11.2016	100	- 15,3	102	8,5
12.2016	133	- 12,5	150	4,9
01.2017	116	70,6	128	43,8
02.2017	71	61,4	92	55,9
03.2017	63	- 32,3	63	- 16,0
04.2017	53	- 22,1	55	- 5,2
05.2017	60	11,1	54	14,9
06.2017	42	- 28,8	47	- 4,1
07.2017	52	- 24,6	50	- 13,8
08.2017	38	- 19,1	39	5,4
09.2017	58	5,5	52	0,0
10.2017	57	- 32,1	61	- 10,3
11.2017	46	- 54,0	60	- 41,2
12.2017	44	- 66,9	73	- 51,3

Источник: URL: www.mep.gov.cn/hjzl/dqhj/ckqzizkyb/ (дата обращения: 04.01.2018).

Обратимся еще раз к табл. 1 и посмотрим, в каком состоянии находится окружающая среда и как охраняется природная среда в перечисленных провинциях и городах.

По индексам качества окружающей среды и охраны природной среды Шанхай, Цзянсу и Аньхой находятся в 3-м десятке рейтинга, причем Цзянсу по индексу окружающей среды занимает самое последнее, 31-е место. По индексу управления окружающей средой, то есть по результативности предотвращения и ликвидации загрязнений, в 3-й десятке рейтинга вошли Цзянси, Сычуань, Юньнань. В первый десяток по индексам качества окружающей среды и охраны природной среды прошли Юньнань, Чунцин и Хунань, причем Чунцин по качеству природной среды занял 1-е место.

Картина получилась весьма лестной, и поиск общего знаменателя для региона представляется весьма непростой задачей, хотя всех объединяет великая китайская река Янцзы.

Несколько слов о проблемах региона. Прежде всего, это состояние экосистем. Так, в Китае уже давно вызывают тревогу водно-болотные угодья бассейна реки Янцзы. А ведь здесь сосредоточена пятая часть всех болот и здесь же расположены великие китайские озера Дунтинху и Поянху.

Далее, вопросы загрязнения. На регион приходится 43% стоков (промышленных и бытовых), 37% общенационального показателя ХПК (химического потребления кислорода — показателя степени загрязнения водной среды) и 43% аммонийного азота — его содержание также является показателем загрязнения водной среды. Отсюда острота проблемы обеспечения безопасности питьевой воды. По такому показателю, как выбросы на единицу площади двуокиси серы и окислов азота (свидетельствуют о степени загрязнения атмосферного воздуха), регион в 2,5–3 раза превышает средний показатель по стране¹⁵.

Следующей болевой точкой является концентрация в регионе, в особенно вдоль русла Янцзы, предприятий, относящихся к категории высокого экологического риска. 30% подобных предприятий располагается в радиусе 5 км от источников питьевой воды. В целом в регионе сосредоточено около 45% всех химических предприятий страны. На конец 2016 г. здесь насчитывалось около 11 тыс. нефтехимических предприятий, которые в последние годы постепенно перемещаются в среднее и верхнее течение реки.

И последнее. Существенный ущерб окружающей среде, и в первую очередь экологическим системам региона, наносит набирающая оборот урбанизация. За последние 20 лет площадь поселков и городов выросла на 40% за счет утраты уникальных уголков природной среды.

В этой ситуации в Китае начинают предпринимать решительные меры.

Так, предполагается, что к июню 2018 г. будут закрыты все нефтехимические предприятия, расположенные в экологически чувствительных районах — в природных заповедниках и водоохраных зонах. А к 2020 г. планируется закрыть или передислоцировать все нефтехимические производства, расположенные в радиусе 1 км от русла Янцзы¹⁶.

III. Экологическая перспектива

На фоне беспрецедентных успехов, которые были достигнуты за счет беспрецедентных усилий, Китаю вновь предстоит решать беспрецедентные задачи.

Продвинувшись в области предотвращения загрязнения атмосферного воздуха и, судя по всему, выполнив в основном первый план в этой сфере, в Китае разрабатывают дорожную карту второго этапа плана.

Сложные обстоят дела с выполнением аналогичных планов действий по предотвращению загрязнений водной среды и, особенно, почвенной среды. В настоящее время проходят 2-я всекитайская перепись источников загрязнения и Всекитайское обследование загрязнения почвенного покрова. Итоги этих крайне важных для движения вперед в области охраны природы обследований появятся, скорее всего, только в 2020 г., что осложняет принятие решений сегодня. Более того, как показала практика, опубликованные в 2010 г. результаты предыдущей, 1-й переписи источников загрязнений были достаточно неожиданными и внесли серьезные коррективы в планы китайского руководства.

Другая проблема состоит в том, что имеет место некоторая противоречивость в подходе к решению экологических задач. Например, с одной стороны, Си Цзиньпин справедливо заявляет по поводу будущего экономического пояса реки Янцзы, что нужно «вместе взяться за масштабную охрану окружающей среды, не браться за масштабное освоение» [в регионе]. В то же время план развития гидроэнергетики КНР на 13-ю пятилетку предусматривает выделение 180 млрд юаней на гидроэнергетическое строительство в пров. Сычуань и 100 млрд — в пров. Юньнань (при общей сумме инвестиций в эту сферу 500 млрд юаней на всю страну)¹⁷. Китайские ученые уже не раз выражали обеспокоенность по поводу чрезмерной гидроэнергетической нагрузки на реку Янцзы, особенно в районе ее верхнего течения. Нарушение гидрологического режима может привести к отрицательным последствиям для всего бассейна реки.

И еще один открытый вопрос: готово ли китайское общество, отдельные его слои, например, промышленные и деловые круги, да, впрочем, и все население в целом, принять столь жесткие и радикальные меры, на которые вынуждена идти власть, продвигая экоцивилизационное строительство? Что может примирить разнообразные интересы, направить их в единое русло?

Представляется, что китайское руководство сумело найти ответ, а может быть, решение, предложив обществу всем близкий, понятный и желанный образ — «прекрасный Китай».

1. Материалы 19-го съезда КПК. Пекин, 2017. С. 19. На кит. яз.
2. Подробнее о мониторинге состояния атмосферного воздуха см.: *Ушаков И.В.* Загрязнение окружающей среды в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 81–92;
URL: www.mep.gov.cn/gkml/hbb/qt/201712/t20171210_427677.htm; URL: www.gov.cn/xxgk/hjyw/201710/t20171023_423919.shtml; URL: www.mep.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lnzghjzkgb/
3. URL: www.mep.gov.cn/gkml/hbb/qt/201801/t20180118_429903.htm
4. Материалы 19-го съезда КПК. Пекин, 2017. С. 7. На кит. яз.
5. URL: www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201801/t20180118_1574957.html
6. URL: www.stats.gov.cn/tjgb/nypcgb/qgnypcgb/201712/t20171215_15636334.html
7. URL: www.mep.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lnzghjzkgb/
8. URL: www.mwr.gov.cn/hd/zxf/zxzb/h222018015/
9. URL: zfs.mep.gov.cn/fg/gwyw/201106t20110609_211861.shtml (дата обращения: 28.12.2017);
URL: www.mep.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201611/t20161102_366739.htm (дата обращения: 28.12.2017).
10. URL: www.forestry.gov.cn/main/58/content_661210.html
11. *Тишков А.А.* Биосферные функции природных экосистем России. М., 2005. С. 26.
12. URL: www.bjepb.gov.cn/bjhrb/xxgkljgzn/jgsz/jjgigszjzz/xcyjс/xwfb/827457/index.html
13. Краткий статистический справочник Китая. Пекин, 2017. С. 132–133. На кит. яз.
14. URL: english.mep.gov.cn/News_service/media_news/201711/t20171117_426424.shtml;
URL: english.mep.gov.cn/News_service/media_news/201712/t20171215_427978.shtml
15. URL: www.npc.gov.cn/npc/jhibo/zzzb26/node_29882.htm.
16. URL: english.gov.cn/news/top_news/2018/01/08/content_281476005819056.htm;
URL: english.gov.cn/state_council/ministries/2017/12/29/content_281475993886852.htm
17. URL: www.ccchina.gov.cn/detail.aspx?newsId=65190&TId=60.

Политика

Парламентские выборы в Японии 2017 года: возвращение «на круги своя» или новый этап политического развития?

© 2018

Д.В. Стрельцов

В статье содержится анализ внеочередных выборов в палату представителей японского парламента, которые состоялись 22 октября 2017 г. Автор отмечает, что избиратели не проявили к выборам большого интереса, но ощущение внешней угрозы, связанное с действиями КНДР, а также отсутствие действенной альтернативы ЛДП и состояние хаоса в рядах оппозиции позволили партиям правящей коалиции одержать убедительную победу, сохранив квалифицированное большинство в нижней палате.

Ключевые слова: Япония, парламентские выборы, палата представителей, роспуск, Либерально-демократическая партия, Партия надежды, Конституционно-демократическая партия, двухпартийная система.

22 октября 2017 г. в Японии прошли внеочередные выборы в палату представителей. Это событие сопровождалось радикальным реформированием партийно-политической системы, в результате чего в парламенте появилось несколько новых партий, а крупнейшая партия оппозиции (Демократическая партия Японии, ДПЯ) фактически прекратила свое существование. Цель данной статьи — проанализировать причины роспуска нижней палаты парламента премьер-министром Синдзо Абэ, исследовать ход предвыборной кампании, дать характеристику итогам этих выборов и попытаться оценить перспективы становления двухпартийной системы в стране.

На первый взгляд, еще в начале года ничто не предвещало крупных политических бурь. Правящая коалиция Либерально-демократической партии (ЛДП) и партии Комэйто обладала уверенным большинством в палате представителей — 325 мест из 475 (у ЛДП было 287 мест, у Комэйто — 35). Большинство более чем в две трети позволяло главе кабинета С. Абэ активно строить планы по проведению через парламента конституционных поправок.

Однако с конца 2016 г. ситуация стала меняться не в лучшую для Абэ сторону. Это в первую очередь было связано со скандалами, в которых оказался замешан лично

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

премьер-министр. В одном из них («скандал Моритомо гакуэн», по названию образовательного фонда) он оказывал протекцию своему другу в приобретении дешевой государственной земли для создания школы, в которой проповедовались близкие премьеру националистические взгляды. В другом случае («скандал Какэ гакуэн») Абэ, используя служебное положение, помог своему протеже без лишних проволочек открыть ветеринарную академию в специальной экономической зоне, где предприниматели пользуются масштабными налоговыми преференциями.

Поскольку публичные объяснения, данные премьером под натиском оппозиции, общественность не устроили, рейтинг поддержки кабинета, находившийся на уровне выше 50% в течение более двух лет пребывания его у власти, летом 2017 г. упал до отметки ниже 30%. На позиции Абэ негативное влияние оказывали и разнообразные скандалы вокруг многих членов его кабинета. Наиболее крупным из них был скандал вокруг министра обороны Томоми Инада, которая в конце концов была вынуждена уйти в отставку после обвинений в сокрытии информации о японских миротворцах в Южном Судане. Инада также подверглась острой критике за ее публичные призывы к служащим Сил самообороны голосовать за ЛДП на выборах в законодательное собрание Токио, которые квалифицировались как нарушение принципа нейтральности в работе государственных служащих¹.

Падение популярности администрации Абэ привело к сокрушительному поражению ЛДП на выборах в законодательное собрание Токио 2 июля 2017 г. от созданной губернатором Токио Юрико Коикэ небольшой региональной партии «Токийцы впереди» (Томин фасто-но кай). В этих условиях Абэ решил пойти ва-банк, даже несмотря на то, что действующему составу нижней палаты до окончания срока полномочий, истекающего в декабре 2018 г., оставалось еще больше года. 25 сентября на пресс-конференции он объявил о намерении распустить палату представителей японского парламента. Нижняя палата была распущена 28 сентября, в первый день внеочередной сессии. Досрочные парламентские выборы были назначены на 22 октября

Причины роспуска парламента

Можно назвать несколько причин неожиданного для многих решения японского премьера. Прежде всего Абэ, как можно предположить, действовал по логике опережения событий. Дело в том, что в Японии для главы кабинета считается нежелательным доводить срок полномочий нижней палаты до самого конца четырехлетнего срока, так как в этом случае он оказывается лишенным простора для политического маневра. Например, такая ситуация стала одной из причин унижительного поражения ЛДП от Демократической партии Японии в августе 2009 г. Для тогдашнего лидера ЛДП Т. Асо роспуск парламента был вынужденным шагом, а значит, электоральную повестку диктовала оппозиция, которая эффективно использовала это свое преимущество для критики действующего премьера.

Кроме того, в сентябре 2018 г. Абэ предстояло в третий раз бороться за пост председателя партии, используя принятые на съезде ЛДП в марте 2017 г. поправки в устав, по которым допускалось трехкратное занятие высшего партийного поста. Проведение выборов в парламент с некоторым временным запасом было, очевидно, призвано укрепить его внутривнутрипартийные позиции в преддверии выборов председателя ЛДП. К тому же у Абэ уже имелся успешный опыт досрочных парламентских выборов: в декабре 2014 г. благодаря досрочному роспуску парламента позиции ЛДП в нижней палате существенно укрепились.

Победа ЛДП на общенациональных выборах, рассуждая с позиций Абэ, не только бы позволила правящей партии реабилитироваться в глазах общественности после унижительного июльского поражения, но и дало бы ему лично карт-бланш для реализа-

ции нескольких амбициозных проектов, которые он считает своей исторической миссией. Речь идет о намерении главы кабинета изменить конституцию и легализовать Силы самообороны в качестве полноценной армии, подведя тем самым черту под послевоенным прошлым страны. Кроме того, оставшись на посту председателя ЛДП на третий срок, Абэ рассчитывал сохранить свою должность премьер-министра Японии в 2020 г., когда страна будет принимать летнюю Олимпиаду. Абэ приложил немалые усилия для привлечения Олимпиады в Японию: на церемонии закрытия Олимпиады 2016 г. в Рио-де-Жанейро он, рекламируя Японию, даже выступил в одежде Супер Марио, популярного персонажа японских видеоигр². В представлении Абэ, было бы несправедливым, если иностранных гостей в Токио будет приветствовать другой премьер.

Важную роль в мотивации Абэ играла и сложная ситуация в оппозиционном лагере³. Неслучайно в ходе опросов общественного мнения было выявлено, что именно отсутствие действенной альтернативы ЛДП и состояние перманентного хаоса в рядах оппозиции является наиболее веской причиной поддержки респондентами администрации Абэ.

Крупнейшая в стране оппозиционная Демократическая партия за пять лет с момента ухода в оппозицию в 2012 г. в глазах значительной части избирателей так и не отмылась от того позора, с которым ассоциировалось ее правление в 2009–2012 гг. ДПЯ прилагала колоссальные усилия, чтобы создать имидж обновленной партии. В партии несколько раз менялся председатель — в последний раз это произошло в сентябре 2017 г., когда на высший партийный пост был избран харизматичный Сэйдзи Маэхара. Партии даже пришлось изменить свое японское название (на иностранных языках оно осталось прежним). Однако все было тщетно — цифра рейтингов поддержки партии прочно застыла на однозначной отметке. Выразителями общественных протестных настроений на выборах всех уровней становились любые другие политические партии — от коммунистов до правоконсервативных Партии обновления и Партии надежды.

На этом фоне большую угрозу таила для Абэ Партия надежды (*Кибо-но то*), которая была создана 25 сентября 2017 г. 14 депутатами нижней палаты и возглавлена губернатором Токио Ю. Коикэ.

Ю. Коикэ представляет знаковую для японской политики фигуру. Умело используя популистские лозунги, всего за год пребывания на посту губернатора столичной префектуры она обрела харизму бескомпромиссного противника всего того, что в Японии называют «специальными интересами» — коррупционных схем распределения бюджетных средств, которые в правление Абэ вновь получили широкое распространение в системе взаимоотношений государственных чиновников и частного бизнеса. Коикэ удалось направить общественное недовольство в выгодное для нее русло, «назначив» врагов и умело расправившись с ними в информационном пространстве. Так, обрушившись на председателя олимпийского комитета и бывшего премьера страны Ё. Мори, Коикэ обрела солидный политический капитал, когда поставила под сомнение двукратное увеличение трат на проведение Токийской Олимпиады по сравнению с первоначальной сметой. Решительно выступила Коикэ с критикой и своего предшественника на посту губернатора Токио С. Исихара, в правление которого было принято решение перенести рыбный рынок Цукидзи в другой район Токио. Коикэ отложила это решение, заявив о нарушении экологических норм по содержанию вредных веществ в почве на новом месте дислокации рынка. К лету 2017 г. харизма Коикэ достигла такой силы, что на июльских выборах в столичное законодательное собрание были избраны 49 человек, в основном неизвестные широкой публике, представлявшие партию Ю. Коикэ. ЛДП же несмотря на колоссальные усилия получила только 23 места, тогда как до выборов она имела 59 мандатов.

Чувствуя, что Партия надежды стремительно набирает популярность как выразитель растущих протестных настроений, премьер решил поторопиться. «Надежда» находилась в эмбриональном состоянии и не обладала общенациональной сетью местных

ячеек (база ее поддержки была сосредоточена в основном в столичном регионе), а потому до поры до времени не представляла серьезной угрозы.

К тому же именно в конце сентября сразу несколько обстоятельств тактического характера ускорили решение Абэ. Во-первых, после июльской катастрофы у кабинета Абэ несколько улучшилась ситуация с рейтингами: если в июле о поддержке правительства заявили лишь немногим больше 30% участников опроса, проведенного телекорпорацией NHK, то в сентябре работу правительства одобрили около 44%, против 36% неодобрявших⁴. Связано это было в основном с внешнеполитическими причинами: Абэ развил бурную дипломатическую деятельность, совершив ряд зарубежных поездок в ключевые страны, в том числе в Индию, Россию и США. Во время визита в США он продемонстрировал с трибуны ООН небывалую жесткость по отношению к КНДР, которая провела очередные пуски ракет и объявила об испытаниях водородной бомбы. Эта активность была положительно воспринята внутри страны, а многие провластные СМИ стали энергично призывать сплотиться в трудную минуту вокруг сильного национального лидера. Японский политолог Дз. Ямагути даже провел в этой связи историческую параллель с Германией 1933 года. По его мнению, Абэ пытался играть на естественных страхах японцев перед ядерной угрозой, подобно тому, как нацисты победили на парламентских выборах 1933 г., эксплуатируя страх немцев перед угрозой коммунистического террора⁵.

Кроме того, в октябре предстояло несколько выборов в одномандатных округах, где надлежало заменить выбывших по разным причинам депутатов нижней палаты. Новое поражение на таких выборах могло окончательно деморализовать лагерь сторонников Абэ и нанести ему теперь уже непоправимый удар. И премьер решил действовать на опережение.

Предвыборная кампания

Действия Абэ, несмотря на их очевидную обоснованность, были сопряжены для него со значительными политическими рисками. Главной проблемой для японского премьера явилось то, что ему не удалось обосновать в публичном пространстве причины столь серьезного шага. По сложившейся традиции досрочный роспуск парламента, если он не связан с вынесением вотума недоверия правительству, предполагает необходимость выяснить мнение народа по какому-либо важному вопросу политической повестки дня. Формально таким вопросом в выступлениях премьера стали цели расходования дополнительных средств, которые японский бюджет должен получить в 2019 г. после повышения на 2% потребительского налога (до 10%). Однако поскольку это повышение было запланировано только через два года, серьезного общественного резонанса данная тема не вызывала, а многие избиратели справедливо задались сомнениями относительно ее очевидной надуманности в качестве центрального вопроса электоральной повестки дня.

Объектом для обсуждения стали традиционные для японского политического дискурса вопросы, связанные с экономической и социальной политикой правительства, судьбой атомных электростанций, вопросами политических прав граждан и т.д. Однако больше, чем на предыдущих выборах, внимания привлекала к себе сфера военной безопасности и внешней политики. Выборы пришлось на период, когда «в воздухе запахло войной»: через японскую территорию пролетели две северокорейские ракеты, на улицах японских городов зазвучали сигналы воздушной тревоги, а на экранах телевизоров побежала «бегущая строка», предупреждающая о том, куда населению укрываться в случае воздушного налета. Поэтому в ходе дебатов политики обсуждали вопрос о том, сможет ли новейшая система противоракетной обороны «Иджис ашор» гарантированно перехватить вражеские ракеты на их подлете к японской территории, достаточно ли у Японии

резервов, чтобы выстоять в случае, если США решатся нанести удар по северокорейским ядерным объектам, а КНДР в ответ ударит по японской территории.

Однако общее впечатление наблюдателей заключалось в том, что Абэ не удалось убедить общественность в существовании важной причины для роспуска, а, следовательно, выборы нужны премьеру исключительно для решения его личных проблем. К тому же своего рода пощечиной общественному мнению стало то, что нижняя палата была распущена в самый первый день работы чрезвычайной сессии, созванной по требованию оппозиции именно с целью расследования скандалов вокруг Абэ. Поэтому решение распустить парламент было практически однозначно воспринято в обществе как злоупотребление премьером своими конституционными полномочиями с целью избежать ответственности за собственные прегрешения. Более 60% респондентов заявили в ходе опросов, что в досрочных выборах нет никакой необходимости⁶. Одновременно около 80% принявших участие в опросе агентства Киодо цусин, проведенном в сентябре 2017 г., высказали сомнения в пояснениях чиновников правительства, касающихся обоих скандалов⁷.

На этом фоне Абэ оказался перед серьезными рисками. В результате обвинений от него отвернулась существенная часть избирателей — в Японии принято, что политик, не способный дать удовлетворяющие общественность объяснения, должен уйти в отставку. Кроме того, если прежде многие избиратели поддерживали Абэ только из соображений «меньшего зла», сейчас некая внушающая надежды альтернатива все же появилась. Наибольшую интригу на выборах представлял вопрос о том, сколько депутатских мандатов сможет отобрать у ЛДП Партия надежды и повторит ли Коикэ свой ошеломительный июльский успех.

Ощущая высокий градус общественного недовольства, Абэ на пресс-конференции 25 сентября поспешил заявить, что не отказывается давать дальнейшие пояснения в связи с ведущимся разбирательством⁸. Японский премьер также объявил, что нижней планкой для оценки успеха на выборах, достижение которой позволит ему сохранить свой пост, станет завоевание коалицией ЛДП и Комэйто простого большинства в нижней палате, то есть 233 места (уместно вспомнить, что до выборов у коалиции было 325 мест)⁹.

Однако развитие ситуации в оппозиционном лагере неожиданным образом давало в руки Абэ существенные козыри. 28 сентября лидер ДПЯ С. Маэхара призвал однопартийцев выставить свои кандидатуры на выборах под знаменами Партии надежды, пообещав, что Ю. Коикэ одобрит включение в избирательные списки своей партии весь списочный состав ДПЯ в нижней палате¹⁰. Таким образом, руководителем ДПЯ фактически было принято решение о самороспуске партии и ее переходе в полном составе в Партию надежды.

Можно оценить прагматическую логику С. Маэхары: ДПЯ в условиях неизменно низких рейтингов ее поддержки была при любом раскладе обречена на поражение, тогда как Партия надежды имела хороший шанс резкого скачка за счет «антиабэвских» настроений в обществе. Поэтому с точки зрения политического выживания для отдельных депутатов ДПЯ логичнее было идти на выборы под более популярным брендом. В свою очередь, от включения в свой состав ДПЯ выиграла бы и «Надежда», которой демократы предоставили бы свою разветвленную общенациональную партийную организацию, что позволило бы ей успешно вести предвыборную борьбу по всей стране, а не только в Токійской метрополитенской области — единственном регионе страны, где «Надежда» имела неоспоримо сильные позиции.

Проблема, однако, заключалась в том, что между ДПЯ и Партией надежды оставались достаточно серьезные программные различия. Так, «Надежда» однозначно выступала за внесение поправок в 9-ю статью конституции и проведение активного курса в области национальной безопасности с упором на военную компоненту (то есть солидаризи-

зировалась с политикой кабинета Абэ в этой области), тогда как ДПЯ была настроена в этом отношении критически. «Надежда», кроме того, выступала против повышения потребительского налога, а демократы считали эту меру необходимой для реализации задач социальной политики. Наконец, «Надежда» выступала за полный отказ к 2030 г. от атомной энергетики (ДПЯ отодвигала эту цель на более поздний срок). Можно сказать, что ДПЯ, где уживались наследники как консервативной, так и социал-демократической традиций, являлась гораздо более аморфной и «всеядной» партией, нежели Партия надежды, где четко прослеживалось идейное влияние правоконсерваторов из числа бывших либерал-демократов (сама Ю. Коикэ вышла из ЛДП только в июне 2017 г.) Неслучайно японские коммунисты назвали «Надежду» «второй ЛДП», которая никак не может составить альтернативы первой¹¹.

Идеологические расхождения не смутили большинство депутатов ДПЯ. Согласно данным газеты «Асахи», 62 из них, или около 75% от общего числа депутатов ДПЯ в нижней палате, выразили готовность перейти под знамена Партии надежды¹².

Однако, поскольку никакого предварительного обсуждения вопроса об объединении двух партий не проводилось, решение идти на выборы под брендом другой партии стало восприниматься в обществе однозначно в неприглядном свете, а именно в контексте решения депутатами ДПЯ личной проблемы, связанной с их переизбранием. Чтобы дать более благозвучное объяснение, С. Маэхара заявил на общем собрании депутатского корпуса ДПЯ, что он «внес данное предложение после размышлений о том, что может привести к новой смене власти... нам нужно положить конец администрации Абэ и создать двухпартийную систему»¹³. Тем не менее большинство избирателей (по опросам общественного мнения — 68%)¹⁴ выступили с осуждением этого действия. Ожидается, что эту тему стала активно эксплуатировать в своей пропагандистской риторике ЛДП, представитель которой заявил о том, что создание новой партии «за одну ночь» показывает, что «им просто нужно достичь количественного объединения перед выборами»¹⁵. С. Абэ в свою очередь заявил: «Мы не можем отдавать наше будущее политическим партиям, которые запросто объединяются перед выборами, меняя свое знамя»¹⁶.

Подспудно понимая, что организация партии в результате скороспелого объединения будет на выборах скорее пропагандистским минусом, Ю. Коикэ выступила с поспешным заявлением, что «Надежда» не станет принимать у себя всех демократов без разбора, а оставит в списках кандидатов лишь тех, кто согласен с ее базовыми программными установками¹⁷. Другим шагом в этом направлении стало специальное заявление одного из лидеров «Надежды» Г. Хосоно об отказе принимать в партию тех депутатов ДПЯ, которые ранее занимали пост премьер-министра, в частности, Наото Кана и Ёсихико Ноду¹⁸.

Между тем подвижки стали наблюдаться и в левой части политического спектра. Об электоральном взаимодействии в одномандатных округах договорились коммунисты и социал-демократы. Коммунисты выступили с резким заявлением против действий «предателя» С. Маэхары и заявили о намерении выставить своих кандидатов в тех округах, где будут баллотироваться представители объединенной «Надежды»¹⁹. Это положило конец надеждам на возможность формирования единого «антиабэвского» оппозиционного фронта по той модели, которая уже была опробована на выборах 2014 г., когда в каждом округе кандидату от партии власти противостоял объединенный кандидат от оппозиции.

2 октября о создании собственной партии заявили 10 депутатов ДПЯ, представлявших ее социал-демократическое крыло. Новую партию, получившую название Конституционно-демократической партии Японии (КДП), возглавил Юкио Эдано — один из партийных лидеров, занимавший в период власти ДПЯ пост генерального секретаря кабинета министров. На сентябрьских выборах председателя партии он конкурировал с Маэхарой, но проиграл. Ю. Эдано заявил на пресс-конференции, что «философия и по-

литика Партии надежды отличаются от нашей партии». В числе принципов, которые намерена защищать новая партия, Ю. Эдано выделил конституционализм, демократию и свободное общество²⁰. Японские кадеты заявили о замораживании потребительского налога, отказе от атомной энергетики, защите 9-й статьи конституции и т.д.

Итак, 10 октября, за 12 дней до выборов, когда предвыборная кампания стартовала официально, на электоральном поле имелось три основных конкурирующих между собой политических силы: 1) блок правящей коалиции консервативной ЛДП и центристской Комэйто; 2) блок консервативной Партии надежды и правоконсервативной Японской партии обновления, региональной партии района Кансай); 3) левоцентристский блок центристской Конституционно-демократической и левых Коммунистической и Социал-демократической партий. Японские коммунисты, как это уже было на предыдущих парламентских выборах, сняли своих кандидатов в тех 64 округах, где была достигнута договоренность о выдвижении консолидированного кандидата левых сил. Часть кандидатов, и прежде всего из числа бывших демократов, выставили свои кандидатуры как независимые.

Итоги выборов

Выборы в палату представителей состоялись 22 октября. Из почти 1100 кандидатов выбиралось 465 депутатов: 289 — в малых (мажоритарных) округах и 176 — в округах пропорционального представительства, где голосование проходит по партийным спискам.

Выборы не принесли больших неожиданностей. Либерально-демократическая партия выиграла 284 места, что составляет в Палате представителей абсолютное большинство. Вместе с партией Комэйто правящая коалиция получила в нижней палате квалифицированное большинство в 313 мест, позволяющее ей принимать конституционные поправки, а также проводить через парламент любые законопроекты, даже если их отвергнет палата советников.

Можно предположить, что основной причиной победы ЛДП явилось ощущение внешней угрозы, заставившее японцев сплотиться вокруг премьер-министра Синдзо Абэ.

Стоит отметить, что политические позиции премьер-министра и его стиль руководства импонируют далеко не всем японским избирателям. Общество оказалось фактически расколотым пополам в вопросе изменения конституции, которое глава кабинета собирается реализовать до окончания срока своего пребывания у власти. Не всем нравились авторитарные замашки С. Абэ, принимавшего, в противоположность традициям консенсусальной демократии, многие решения единолично, не советуясь со своими однопартийцами.

Однако многие избиратели исходили из того, что слабой и разрозненной оппозиции ни в коем случае нельзя доверить бразды правления, а потому в нынешних кризисных условиях голосование за партию Абэ, несмотря на все его очевидные промахи и недостатки, является меньшим злом. Слишком свежа оказалась память об обманутых надеждах, когда пришедшая в 2009 г. к власти под популистскими лозунгами ДПЯ оказалась еще хуже неидеальной, но проверенной ЛДП. К тому же, как отмечалось выше, японскому премьеру в результате предпринятых им активных дипломатических усилий удалось повернуть вспять процесс утраты доверия со стороны общества.

Свою роль играло и субъективное ощущение относительной стабильности в экономической сфере. Хотя курс «абэномики», по широко распространенному мнению, фактически уже исчерпал свой потенциал и далеко не во всем достиг поставленных целей, особенно в отношении структурных реформ, оппозиция оказалась неспособной выступить с действенной альтернативой экономической политике правительства. Многие японцы чувствовали себя при власти Абэ в большей безопасности, чем в прочих странах

Запада: здесь не столь остры проблемы терроризма и иммиграции, как в Западной Европе, относительно закрытая экономика не так сильно ослаблена в результате кризисов, связанных с глобализацией. Имелось и понимание того, что отношения Японии со странами-соседями, включая Китай, Южную Корею и Россию, при власти Абэ заметно улучшились по сравнению с периодом правления Демократической партии в 2009–2012 гг.

За ЛДП сыграл и фактор низкой явки, составившей 53,68%²¹ (за весь послевоенный период это второй с конца показатель, уступающий лишь предыдущим выборам 2014 г.) Многие испугались тайфуна, который в день голосования накрыл Японию. Однако еще более существенной причиной абсентеистских настроений явилась недостаточная артикулированность главного пункта электоральной повестки дня: как уже отмечалось, вопрос о будущих дополнительных доходах бюджета не вызвал большого интереса среди большинства избирателей.

В связи с этим уместно вспомнить о том, что около 40% японских избирателей представляют так называемые плавающие голоса. Эти избиратели не имеют фиксированного партийного выбора и либо вообще не имеют интереса к политической сфере, либо делают свой электоральный выбор в последний момент, исходя из собственных субъективных ощущений, например, под влиянием высказываний популярного комментатора того или иного политического ток-шоу. Сюда же входят и те, кто из протестных соображений голосует «назло» против партии власти, даже если не поддерживает ни одну из оппозиционных партий. Именно эти категории избирателей, судя по всему, предпочли остаться дома, существенно облегчив задачу Абэ по удержанию власти. Низок был и процент явки среди молодежи, включая 18–19-летних, которые принимали участие в голосовании во второй раз после изменения избирательного законодательства. Таким образом, наиболее опасные для Абэ категории населения остались дома, а пришли на избирательные участки как раз те избиратели, на которых делает ставку нынешняя власть — в первую очередь лица старших и средних возрастов, исповедующие консервативные ценности.

Другой причиной успеха ЛДП стало то, что на выборах откровенно плохо выступила оппозиция, в составе которой избиратели не нашли достойной альтернативы правящей партии. Партия надежды, которая первоначально считалась наиболее сильным конкурентом ЛДП, получила в нижней палате только 50 мест (более чем в пять раз меньше своего основного соперника). Многих избирателей оттолкнул неприкрытый популизм программы партии, включавшей откровенно нереалистичные тезисы о скорейшем сворачивании атомной энергетики, замораживании потребительского налога и т.д., которые подверглись массовому осмеянию в социальных сетях.

К тому же лидер «Надежды» Ю. Коикэ отказалась оставить пост губернатора Токио и выставить свою кандидатуру на выборах, что автоматически закрывало ей путь к посту премьер-министра²². Коикэ также заявила о том, что не исключает возможность коалиции с ЛДП при условии, если Абэ уйдет с поста премьер-министра. В этой связи многие стали подозревать Коикэ в том, что ее позиция на выборах продиктована в большей степени мотивами личной мести в отношении премьера (Коикэ вышла из ЛДП только летом 2017 г.), нежели идейными соображениями.

В этих условиях те избиратели, которые хотели «наказать» действующую власть, предпочли проголосовать не за «Надежду», а за другие партии. Согласно экзит-поллам телекорпорации NHK, многие «не аффилированные» с какой-либо политической партией избиратели предпочли не голосовать за «Надежду» (уровень ее поддержки среди этой электоральной категории составил 21%), а отдали свои голоса Конституционно-демократической партии Ю. Эдано (около 30% поддержки)²³. Именно благодаря этим голосам КДП скачкообразно увеличила свое представительство в нижней палате с 15 до 55 мест, обойдя Партию надежды (50 мест) и став, таким образом, главной партией оппозиции в нижней палате парламента.

Успех японских кадетов объясняется большой востребованностью левой идеологии в японском обществе: значительная часть японского электората придерживается социал-демократических убеждений и с неприкрытой обеспокоенностью относится к «милитаристскому», по их мнению, курсу кабинета Абэ. В предыдущем составе нижней палаты левоцентристские голоса не имели адекватного политического представительства: Демократическая партия, претендовавшая на роль главной оппозиционной силы, была в идеологическом отношении крайне аморфной и потому вызывала у многих чувство отторжения. Теперь же идеологическое размежевание с консерваторами, ушедшими в «Надежду», дало основания для оптимистической оценки дальнейших перспектив КДП.

Является ли успех либерал-демократов однозначным свидетельством общественного доверия проводимому ими курсу?

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит проанализировать структуру полученных ею депутатских мандатов. Основную часть своих мандатов ЛДП получила в мажоритарных округах, где голосование идет не за партию, а за кандидата: она победила в 218 округах (это 75% всех малых избирательных округов). Причем ЛДП победила в 173 из 208 избирательных округов (т.е. в 83% случаев), где в этот раз кандидату правящей партии противостояли сразу несколько кандидатов оппозиции. Там же, где действующей власти противостоял объединенный кандидат оппозиции, ЛДП одержала верх лишь в 55% случаев (18 из 33 округов). Таким образом, раскол оппозиции и отсутствие в ней явного фаворита предоставили правящей партии огромные преимущества, продемонстрировав, что мажоритарная система работает в пользу только крупных партий, а малые и средние партии могут провести своего кандидата в нижнюю палату только при наличии электорального соглашения между ними. Что касается округов пропорционального представительства, где голосование идет за политические партии, ЛДП получила там только 66 мест из 176, или 38% от общего числа²⁴.

Уместно вспомнить, что смысл введения в избирательную систему страны в 1994 г. малых округов заключался в том, чтобы покончить с просуществовавшей в Японии без малого четыре десятилетия системой монопольного правления одной политической силы («системой 1955 года») и создать условия для формирования двухпартийной системы Вестминстерского типа, при которой две крупные партии различной идеологической ориентации периодически сменяют друг друга у власти (как это происходит, например, в Великобритании). Однако прошедшие в Японии выборы наглядно продемонстрировали, что в рамках нынешней партийно-политической конфигурации, когда одной крупной и сильной партии противостоит несколько малых (средних) и более слабых, именно сильная партия оказывается безусловным бенефициаром мажоритарной системы, получая в процентном отношении существенно больше мест, чем то их количество, которое бы она получила пропорционально проценту реально отданных за нее голосов.

При этом низкая явка на выборах приводит к еще большему искажению результатов народного волеизъявления: подавляющее большинство в парламенте занимает политическая партия, которая пользуется далеко не абсолютной, а лишь относительной поддержкой общественного большинства.

Таким образом, победа ЛДП на выборах 2017 г. отнюдь не была результатом общенационального консенсуса. Это обстоятельство подтверждается и опросами общественного мнения. Положительно факт сохранения у правящей коалиции квалифицированного большинства оценили лишь 28% опрошенных, тогда как противоположное мнение высказали также 28%, а еще 39% не смогли дать на этот счет однозначного ответа. Лишь 56% опрошенных в ходе экзит-поллов высказали одобрение С. Абэ как руководителю правительства, тогда как 44% выразили свое неодобрение²⁵.

Что дальше?

В результате выборов в нижней палате японского парламента сложилась ситуация «комфортного супербольшинства» партии власти. С. Абэ фактически гарантировал себе пост главы кабинета до 2021 г. (выборы председателя ЛДП в сентябре 2018 г. при нынешнем раскладе становятся пустой формальностью). Абэ, скорее всего, останется премьер-министром в период проведения Токийской олимпиады 2020 года, на которой он будет представлять Японию вместе с губернатором Токио и своим политическим соперником Ю. Конкэ.

Курс его кабинета в области военной безопасности получит дальнейшее продолжение: Япония будет ускоренными темпами превращаться в «нормальное государство», не отягощенное никакими пацифистскими ограничениями. Можно предположить, что С. Абэ, испытывая ощущения карт-бланша, полученного из рук японских избирателей, сможет с большей уверенностью запустить процесс внесения конституционных поправок, тем более что в этом вопросе он пользуется поддержкой Партии надежды. И хотя среди предвыборных манифестов ЛДП выделялись лозунги социальной политики (например, введение бесплатного дошкольного и частично вузовского образования), скорее всего, социал-демократическая компонента во внутривнутриполитическом курсе ЛДП, отстаивающей консервативные японские ценности, отчетливо артикулироваться не будет.

Однако вопрос о том, как можно охарактеризовать партийно-политическую модель в стране в контексте прошедших выборов и в каком направлении она будет развиваться после ухода Абэ в 2021 г. (а может быть, и раньше), остается открытым.

В настоящее время перспектива формирования двухпартийной системы Вестминстерского типа представляется маловероятной и нереалистичной. Это связано с фундаментальными проблемами японской политической системы, в рамках которой фактически отсутствует характерное для Вестминстерской модели размежевание основных партий по идеологическому признаку.

Одна из причин этого заключается в том, что формирование оппозиции ЛДП в прошлом неизменно происходило в Японии в рамках логики создания ей формальной альтернативы, т.е. приоритета организационной оболочки над идеологическим содержанием. Главная оппозиционная партия в этом смысле выступала не более чем аморфным объединением умеренных сил разной идейной ориентации, объединенных единственной идеей — сместить ЛДП, лишить ее власти. Единственным ограничителем выступало негласное правило, по которому в эту партию не допускали радикалов из числа коммунистов/левых социалистов или явных правоконсервативных традиционалистов.

Идеология для такой партии имела второстепенное значение, а сама она представляла собой разношерстную и лоскутную коалицию с участием самых разных, зачастую непримиримых между собой, политических сил и групп. Именно таковой были Партия новых рубежей в 1994–1997 гг. и Демократическая партия в 1998–2017 гг., которые в реальности выступали второй политической силой страны. При этом характерно, что ДПЯ, по сравнению с ЛДП, была гораздо более слабой в организационном и финансовом отношениях — ее главной материнской базой был не бизнес, а профобъединение Рэнго, которое, безусловно, уступало по своим возможностям Ниппон Кэйданрэн и другим организациям крупного бизнеса, стоявшими за ЛДП. Похоже, именно к ряду таких партий-«лузеров» следует отнести и Партию надежды, уступившей КДП пальму первенства главной оппозиционной силы страны.

Критика ЛДП на определенном этапе благоприятствовала этим партиям, позволяя им собирать протестные голоса избирателей. Они могли получать достаточно широкую общественную поддержку и выдвигать реальные претензии на власть. В 2009–2012 гг. эти претензии даже привели к реальной смене власти и переходу ЛДП в оппозицию. Однако идеологическая аморфность и отсутствие должной организационной консо-

лидации, как показал исторический опыт, неизменно приводили указанные партии к поражению на выборах, а в дальнейшем — к расколу и распаду.

Отсутствие идеологической сердцевины, позволяющей провести четкий водораздел с правящей партией по коренным вопросам социально-экономической повестки дня, не позволяло основным политическим партиям оппозиции (за исключением коммунистов) формировать когорту своих преданных избирателей, основанную на их идейных убеждениях, а не личной преданности тому или иному политическому деятелю. Именно поэтому в японском парламенте можно крайне редко услышать конструктивные политические дебаты между правящей и оппозиционными партиями по животрепещущим вопросам, касающимся повседневной жизни избирателей. Оппозиция атакует правящий лагерь в основном за личные прегрешения его отдельных представителей и оказывается неспособной выдвинуть привлекательную альтернативу курсу правительства, например, в экономической области. Отчасти причина этого заключается в том, что ЛДП, как это было и в эпоху холодной войны, проводит в социальной и экономической сферах в основном либеральную, базирующуюся на традиционных эгалитарных ценностях политику, которая в целом не вызывает широкого общественного недовольства.

По этой причине дальнейший путь к созданию двухпартийной системы в Японии представляется долгим и трудным. Некоторую надежду вызывает левоцентристская Конституционно-демократическая партия, которая, как можно предположить, будет иметь более последовательную и цельную программу, нежели ее предшественница в лице ДПЯ. Однако на данном этапе говорить о сколько-нибудь значимом успехе КДП было бы преждевременно.

1. Defense chief Inada under fire for using SDF in campaign speech. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201706280028.html>
2. Chandran Nyshka. Super Abe was a taste of Tokyo's 2020 Olympic campaign. URL: <https://www.cnn.com/2016/08/22/super-abe-was-a-taste-of-tokyos-2020-olympic-campaign.html>
3. October election looms as Abe moves to exploit opposition chaos. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201709180040.html>
4. Ота Синдзи. Сюин кайсан хёмэй “Кайсан-но дайги” то ва?: [Роспуск палаты представителей: что стало “главным вопросом”?]. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/280469.html>
5. Yamaguchi Jiro. Stakes are high in the coming election. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/09/27/commentary/japan-commentary/stakes-high-coming-election/>
6. Over 60% disagree with Abe's plan to dissolve lower house: Kyodo poll. URL: <https://japantoday.com/category/politics/over-60-disagree-with-abe-s-plan-to-dissolve-lower-house-kyodo-poll>
7. Abe's hardly convincing reason for snap election. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/09/26/editorials/abcs-hardly-convincing-reason-snap-election/#.Wc4QHdO0OUK>
8. Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe. Sept. 25, 2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201709/_00011.html
9. Japan's Abe dissolves lower house; snap election set for Oct. 22. URL: <http://www.spokesman.com/stories/2017/sep/28/japans-abe-dissolves-lower-house-snap-election-set>
10. DP leader Maehara to propose merger with Liberal Party prior to election. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20170927/p2a/00m/0na/001000c>
11. JCP forming liberal front to counter LDP, Koike's party. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201709290049.html>
12. JCP forming liberal front to counter LDP, Koike's party. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201709290029.html>
13. Yoshida Reiji. Democratic Party effectively disbands, throwing support behind Koike's party for Lower House poll. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/09/28/national/politics-diplomacy/abe-dissolves-lower-house-opposition-bands-together/#.Wc4QRNO0OUK>

14. *Симада Тосио*. Коккай бото кайсан то кокумин-но сисэн: [Роспуск парламента в начале сессии и мнение народа]. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/700/281035.html>
15. Apprehension ripples through ruling coalition as Koike's new party enters fray. URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20170929/p2a/00m/0na/006000c>
16. Ibid.
17. Party of Hope refuses to endorse about half of DP's intended election candidates. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20171004/p2a/00m/0na/010000c>
18. Hosono hints ex-prime ministers Kan, Noda should not join Koike's new party. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20170929/p2a/00m/0na/020000c>
19. Koike's party starts weeding out Democratic Party hopefuls. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201709290029.html>
20. Edano, Other DP Liberal Members to Launch New Party (News). URL: <http://www.nippon.com/en/behind/110528/>
21. Сюин сэнкё тохрицу 53,68%, сэнго нибанмэ-но хикуса: [Явка на выборах в палату представителей составила 53,68%, это второй с конца показатель за весь послевоенный период]. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/election/shugiin/2017/news/20171023-OYTIT50133.html>
22. Koike refuses to name candidate to replace Abe as prime minister. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201710070018.html>
23. *Ота Синдзи*. Сюин сэн. Нани-га мизта ка: [Выборы в палату представителей: что стало ясно?]. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/282552.html?id=politics>
24. Там же.
25. *Симада Тосио*. Сюин сэнкё кэка то кокумин-но сисэн: [Итоги выборов в палату представителей и мнение народа]. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/700/284159.html>

Экономика

Иностранные инвестиции в КНР: место и роль в экономической реформе

© 2018

Н.Н. Котляров, А.В. Островский

Рассмотрены динамика, отраслевая и территориальная структуры иностранных инвестиций в КНР, показаны основные направления инвестиционных потоков из-за рубежа. Проведенный в статье анализ показывает, что отраслевая структура иностранных инвестиций постоянно меняется благодаря инвестиционной политике руководства КНР. На протяжении всего периода реформ иностранные инвестиции направлялись либо в города центрального подчинения — Шанхай, Пекин, либо в наиболее развитые приморские районы (Гуандун, Цзянсу), что осталось неизменным в ходе их реализации.

Ключевые слова: Китай, экономическая реформа, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), отраслевая структура, территориальная структура, свободная торговая зона, особые экономические зоны (ОЭЗ).

Введение

По общему объему иностранных инвестиций (126 млрд долл.) Китай занимает 2-е место в мире после США¹. Несмотря на определенное сжатие трансграничных инвестиций в период после глобального финансово-экономического кризиса и экономический застой в большинстве развитых стран, Китай, сохраняя достаточно высокие темпы роста экономики, активно привлекает прямые иностранные инвестиции (ПИИ), занимая лидирующие позиции среди ведущих реципиентов зарубежного капитала.

Источники поступлений можно разделить на три группы:

1) внешние займы, включая кредиты зарубежных правительств, международных финансовых организаций и иностранных коммерческих банков, экспортные ссуды и облигации внешнего займа;

Котляров Николай Николаевич, доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: NNKotlyarov@fa.ru.

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая, зам. директора ИДВ РАН. E-mail: ostrovski@ifes-gas.ru.

Статья написана по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2017 г.

2) прямые иностранные инвестиции, привлекаемые для создания предприятий с участием иностранного капитала;

Таблица 1

Фактически использованные иностранные инвестиции в КНР (1979–2016 гг.),
(млрд долл.)

Год	Общий объем	Иностранные займы	Прямые иностранные инвестиции	Прочие иностранные инвестиции
1979–2005	1532,9	138,5	1355,14	39,19
1979–1982	13,060	10,690	1,769	0,601
1983	2,261	1,065	0,916	0,280
1984	2,866	1,286	1,419	0,161
1985	4,760	2,506	1,956	0,298
1986	7,628	5,014	2,244	0,370
1987	8,452	5,805	2,314	0,333
1988	10,226	6,487	3,194	0,545
1989	10,060	6,286	3,392	0,381
1990	10,289	6,534	3,487	0,268
1991	11,554	6,888	4,366	0,300
1992	19,203	7,911	11,008	0,284
1993	38,960	11,189	27,517	0,256
1994	43,213	9,267	33,767	0,179
1995	48,133	10,327	37,521	0,285
1996	54,805	12,669	41,726	0,410
1997	64,408	12,021	45,257	7,130
1998	58,557	11,000	45,463	2,094
1999	52,659	10,212	40,319	2,128
2000	59,356	10,000	40,715	8,641
2001	49,672		46,878	2,794
2002	55,011		52,743	2,268
2003	56,140		53,505	2,635
2004	64,070		60,630	3,440
2005	63,81		60,330	3,480
2006	67,08		63,02	4,060
2007	78,34		74,77	3,570
2008	95,25		92,40	2,860
2009	91,80		90,03	1,770
2010	108,82		105,73	3,090
2011	117,70		116,0	1,690
2012	113,29		111,72	1,580
2013	118,72		117,59	1,130
2014	119,6		119,56	0,140
2015	126,3		126,3	...
2016	126,0		122,5	...

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь: [Китайский статистический ежегодник] за соответствующие годы. Пекин, ГСУ КНР, а также: 2016-нянь гоминь цзинцзи хэ шихуэй фачжэнь тунцзи баогао: [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 г.] ГСУ КНР. 28.02.2017. С. 24.

3) прочие зарубежные инвестиции, включая международный лизинг, компенсационную торговлю, операции по переработке и сборке продукции и эмиссию акций на внешнем рынке.

Если в 1980-е годы преобладал первый из этих источников, то с 1990-х годов стали доминировать ПИИ, которые в 2004–2006 гг. превысили планку в 60 млрд долл., а к 2016 г. этот показатель составил 2696 млрд долл. (табл. 1).

Привлекательность КНР как реципиента иностранного капитала определяется поддержанием высокого уровня социально-экономической и политической стабильности, наличием емкого внутреннего рынка и дешевой рабочей силы, активной национальной инвестиционной политикой. С конца 1970-х годов в КНР стала формироваться законодательная база, способствовавшая привлечению ПИИ. Следует отметить, что законодательная база для привлечения прямых иностранных инвестиций была заложена уже в 1980-е — 1990-е годы, а в XXI веке проводились корректировки ранее принятых законов в соответствии с обстоятельствами, возникающими как во внутренней, так и внешней политике страны. Фактически, после вступления КНР в ноябре 2001 г. в ВТО корректировались только отдельные законы, поощряющие привлечение иностранных инвестиций в страну. Эти корректировки в основном были связаны с изменением ограничений на инвестирование в предприятия по отраслям экономики.

В настоящее время в КНР решено еще шире открыть свой рынок для внешних инвестиций. На XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) в Отчетном докладе Си Цзиньпина было отмечено: «Мы будем осуществлять <...> значительное облегчение допуска на китайский рынок, дальнейшее открытие сектора услуг, защиту законных прав и интересов иностранных инвесторов, все зарегистрированные в Китае компании будут иметь равные права»².

В дальнейшем, в ноябре 2017 г. во время визита президента США Д. Трампа в Китай, Министерство коммерции КНР выступило с заявлением о расширении для иностранных инвесторов допуска на финансовые рынки. В частности, заместитель министра коммерции Чжу Гуаньяо объявил, что иностранным бизнесменам будет разрешено иметь долю до 51% в акциях совместных предприятий (СП); что будут сняты ограничения на инвестиции в китайские банки и компании, управляющие финансовыми активами; что через три года иностранным инвесторам будет разрешено иметь до 51% акций в СП в сфере страхования жизни и что по прошествии пяти лет эти ограничения будут сняты³.

Однако, хотя объемы поступающих в экономику Китая иностранных инвестиций велики, их значение в развитии экономики страны многими авторами зачастую преувеличивается. В настоящее время годовой объем привлеченных иностранных инвестиций — 126 млрд долл. (табл. 1) ниже оттока китайских инвестиций за рубеж — 170 млрд долл.⁴ При всей их масштабности в настоящее время иностранные инвестиции в Китай обеспечивают примерно 0,5% общего объема инвестиций в основные производственные фонды⁵.

Динамика и структура привлечения ПИИ из-за рубежа

К 2015 г. размеры прямых иностранных инвестиций, поступивших в экономику КНР из примерно 200 стран и территорий мира, достигли 4539 млрд долл. По этому показателю Китай занимает одно из первых мест в мире и уже 12 лет лидирует среди развивающихся стран. По данным за 2015 г., в КНР функционировало свыше 481 тыс. совместных и полностью иностранных предприятий (табл. 4). Всего за двадцать лет (с 1995 по 2015 г.) годовой объем прямых иностранных инвестиций в КНР вырос с 48,1 млрд долл. в 1995 г. до 126,3 млрд долл. в 2015 г. (табл.2).

В китайской экономике представлены все ведущие международные инвесторы, однако их роль неодинакова. Так, компании стран ЕС, США, Канады и Австралии в по-

следние годы, по сути, не наращивают потоки своих прямых инвестиций, направляемых в КНР. Доля этих стран невелика и не превышает 2% объема ПИИ из каждой страны. В частности, доля инвестиций из США от общего поступления иностранных инвестиций в Китай даже уменьшилась за этот период с 6,5% в 1995 г. до 1,7% в 2015 г. Объем инвестиций из европейских стран, США, Канады и Австралии обеспечивал примерно 7–9% годового валового объема иностранных инвестиций, а после финансового кризиса 2008–2009 гг. неуклонно снижался и в 2015 г. не превышал 5% годового притока ПИИ. Стремясь к расширению экономического присутствия в Китае, более активно действовала Япония (8–10%), но в 2015 г. ее доля составила лишь 2,5%. Основные импульсы развития иностранного предпринимательства в Китае исходили от Республики Корея, сумевшей за 10 лет почти пятикратно увеличить объем прямых инвестиций; ее доля в объеме иностранных инвестиций выросла с 2,5% в 1995 г. до 8,6% в 2005 г. Но за последние десять лет объем южно-корейских ПИИ снизился с 5 до 4 млрд долл. В свою очередь, объем поступающих иностранных инвестиций из Тайваня уменьшился с 3,5 млрд долл. в 1996 г. до 2,2 млрд долл. в 2005 г. и до 1,5 млрд долл. в 2015 г. в связи с переходом власти от Гоминьдана к Демократической прогрессивной партии во время выборов 2000 г.

Таблица 2

Структура распределения иностранных инвестиций в КНР по странам мира (1995–2015 гг.), млн долл. / %

Страна (территория)	1995	2005	2013	2014	2015
Всего (млн.долл.)	48133/100	60324/100	117600/100	119600/100	126300/100
Азия					
Гонконг	20402/42,4	17949/29,8	73400/62,4	81300/68,0	86400/68,4
Япония	5113/10,6	6530/10,8	7060/6,0	4300/3,6	3200/2,5
Индонезия	111/0,23	87/0,14	126		
Макао	440/0,9	600/1,0	460		
Малайзия	259/0,54	361/0,6	280		
Сингапур	1861/3,87	2204/3,65	7230/6,1	5800/4,8	6900/5,5
Республика Корея	1191/2,47	5168/8,6	3050/2,6	4000/3,3	4000/3,2
Таиланд	288/0,6	96/0,16	483		
Тайвань	3165/6,6	2152/3,6	2090/1,8	2000/1,7	1500/1,2
ОАЭ	44		
Европа					
Великобритания	1009/2,1	965/1,6	392/0,3	700/0,6	500/0,4
Германия	527/1,1	1530/2,5	2078/1,8	2100/1,8	1600/1,3
Франция	716/1,5	615/1,0	752/0,6	700/0,6	1200/0,95
Италия	548/1,13	322/0,5	317		
Нидерланды	147/0,3	1043/1,73	1274	638/0,5	751/0,6
Швейцария	120/0,25	206/0,34	314		
Россия	22,9/0,04	211/0,35	22/0,002	409/0,34	131/0,1
Прочие страны					
Виргинские острова	304/0,63	9022/15,0	6159/5,2	6200/5,2	7400/5,9
Каймановы острова	12/0,02	1948/3,2	1668/1,41	1300/1,1	1400/1,1
Канада	620/1,29	454/0,75	536/0,46	400/0,33	200/0,16
США	3135/6,5	3061/5,1	2820/2,4	2400/2,0	2100/1,7
Австралия	343/0,7	401/0,66	330/0,28	200/0,17	300/0,24
Острова Самоа	63/0,13	1352/2,24	1858/1,57	1563/1,3	1991/1,6

Источник: Чжунго тунци няньчзянь: [Китайский статистический ежегодник]. Пекин. ГСУ КНР (за соответствующие годы).

Самые прочные позиции среди крупнейших иностранных инвесторов в КНР традиционно занимает Гонконг. Однако, инвестируя ежегодно около 20 млрд долл., его компании контролировали в 2005 г. лишь около 30% иностранных инвестиций в Китай против 42% в 1995 г. В 2015 г. общий объем прямых инвестиций из Гонконга в КНР достиг 86,4 млрд долл. (68,4% всех прямых инвестиций в КНР). Одновременно на авансцену вышли такие известные оффшоры, как Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Самоа и др. Приток инвестиций только из Британских Виргинских островов в 2005 г. составил 9,0 млрд долл., в то время как в 1995 г. составлял лишь 0,3 млрд долл. Причины этого связаны с тем, что после перехода Гонконга под юрисдикцию КНР в 1997 г. многие китайские компании сочли за лучшее перенести отсюда в другие оффшорные центры традиционные операции по репатриации прибылей, осевших на зарубежных банковских счетах, в том числе и в обход действующего законодательства. Бурное инвестирование из Гонконга в КНР и из КНР в Гонконг началось сразу после передачи Гонконга КНР. Для укрепления его статуса в составе КНР уже в марте 1997 г. ПК ВСНП, Госсоветом КНР и другими центральными органами КНР был принят ряд постановлений и различных подзаконных актов о предоставлении льгот для китайских инвесторов в экономику Гонконга и гонконгских инвесторов в экономику Китая. С 1997 г. на практике стала действовать выдвинутая китайским руководством концепция «одна страна — две системы» (*и го лян чжи*); для Гонконга сохранилась система права, основанная на британском законодательстве. В Гонконге по-прежнему действует система норм, которая регулировала его положение в качестве крупнейшего международного финансового, торгового и судоходного центра, что вызвало бурное развитие монетарных и финансовых контактов с КНР.

Отраслевая структура привлеченных ПИИ

Китайское законодательство в сфере внешнеэкономической деятельности позволяет регулировать привлечение инвестиций по отраслям народного хозяйства. В марте 1995 г. Госсовет КНР опубликовал «Временное постановление о рекомендуемых иностранным предпринимателям направлениях для инвестирования капитала», разработанное тремя ведомствами (Государственным плановым комитетом, Государственным комитетом по экономике и торговле и Министерством внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества).

В конце 1997 г. Китай внес исправления в документ «Перечень отраслей как руководство для иностранного инвестора», поощряя и поддерживая вложение капитала в сельское хозяйство, энергетику, транспорт, новые виды сырья и материалов, новые и высокие технологии, комплексное использование ресурсов, охрану окружающей среды.

В ноябре 2004 г. этот Перечень был пересмотрен, в нем было установлено четыре категории инвестиционных проектов, вложение иностранного капитала в которые *поощряется, допускается, ограничивается и запрещается*.

Поощряются, как и в документе 1997 года, иностранные инвестиции в проекты по освоению новых аграрных технологий, энергетики, транспорта и производства новых видов сырья и материалов, новых и высоких технологий, различные виды энергосберегающих проектов и предотвращающих загрязнение окружающей среды. Такие проекты освобождаются от таможенной пошлины на ввоз оборудования и налога на добавленную стоимость при его импорте; также действует ряд льгот на стадии производства (более низкие ставки подоходного налога с предприятия, более низкие местные ставки подоходного налога на пять лет с начала работы предприятия).

Ограничивается или запрещается вложение иностранного капитала в отрасли, связанные с государственной безопасностью, стратегическими и сырьевыми ресурсами, а также в проекты, связанные с загрязнением окружающей среды, разрушающие природные ресурсы или наносящие вред здоровью человека.

Допускается иностранный капитал к прочим проектам. Проекты этой категории, как и в первом случае, освобождаются от таможенной пошлины на ввоз оборудования и налога на добавленную стоимость при его импорте.

После вступления КНР в ВТО (ноябрь 2001 г.) Госкомитет по развитию и реформе КНР (ГКРР) обнародовал циркуляр «О дальнейшей стандартизации управления развития и отчетности акционерных инвестиционных предприятий в экспериментальные зоны»⁶, вступивший в силу со дня опубликования. В нем впервые были кодифицированы требования в отношении операций, раскрытия информации и регистрации частных акционерных предприятий, инвестирующих в экспериментальные зоны экономического развития. Положения циркуляра распространяются на акционерные компании, которые выполняют соответствующие функции в экспериментальных зонах развития в городах Тяньцзинь, Пекин, Шанхай и провинциях Цзянсу и Чжэцзян, где приток инвестиций наиболее заметен. Циркуляром было предусмотрено, что инвестиционные предприятия создаются в основном в форме компании или товарищества. Частная инвестиционная компания может привлекать капитал только в частном порядке, через специально назначенных частных лиц или компании, которые имеют право выявлять потенциал инвестиционных компаний и идти на риски. Циркуляром определены требования по раскрытию информации инвесторам в соответствии с уставом компании (для компаний) или соглашением о товариществе (для товариществ). Предприятие в течение 4 месяцев после окончания каждого налогового года обязано представлять в ГКРР и его местные отделы ежегодные отчеты о своей деятельности и отчеты об аудиторских проверках. Также необходимо заявлять о данных, касающихся изменений в уставных документах предприятия, в капитале, о слияниях и поглощениях, структуре управления предприятием и т.д.

В 2011 г. был выпущен новый «Каталог-руководство отраслей для иностранных инвестиций» (далее — Каталог), подготовленный совместно двумя ведомствами — ГКРР и Министерством коммерции КНР, в ведении которых находится выдача предварительного разрешения на создание в КНР предприятий с участием иностранного капитала⁷. Новая редакция Каталога открывает для иностранных инвестиций новые отрасли экономики и расширяет список поощряемых направлений деятельности в целях привлечения в КНР высокотехнологичных производств.

Каталог представляет список направлений деятельности в различных отраслях экономики, разделенных на три категории: *поощряемые*, *ограничиваемые* и *запрещенные*. Если иностранные инвестиции осуществляются в проекты, не отнесенные Каталогом к какой-либо категории, то участие иностранных инвесторов считается *разрешенным*.

В случае если сфера деятельности создаваемого предприятия с участием иностранного капитала отнесена Каталогом к *запрещенной* для иностранных инвестиций, органы Министерства коммерции КНР не вправе выдавать предварительное разрешение на создание такого предприятия. Если сфера деятельности относится к *ограничиваемой*, то создание предприятия возможно при соблюдении дополнительных ограничительных условий (среди них такие, как возможность ведения деятельности только в форме совместного паевого или контрактного предприятия, запрет деятельности в форме предприятия с 100% иностранным капиталом, требование об обязательном наличии у китайского участника абсолютного или относительного контроля — не менее 51% акционерного капитала). Помимо указанных в Каталоге сфер деятельности возможны другие ограничения.

Ведение деятельности только в форме совместного предприятия и требование наличия у китайского участника контроля над предприятием возможны в качестве условий для отнесения деятельности к *поощряемой*. Способы поощрения иностранных инвестиций в Каталоге не указаны. Обычно они детализируются в других нормативных правовых актах центральных ведомств (таких, как Министерство коммерции, Министерство финансов, Главное налоговое управление КНР, Госкомитет по развитию и реформе).

Таблица 3

Распределение ПИИ по отраслям (1996–2016 гг.)

Отрасли экономики	1996		2006		2014		2016	
	Число проектов	Объем инвестиций (млрд долл./%)						
Всего	24556	73,3/100	41485	69,5/100	23778	119,6/100	27900	122,5/100
Сельское хозяйство	812	1,14/1,6	951	0,6/0,86	719	1,52/1,27	558	1,85/1,51
Промышленность	18280	50,5/68,9	25373	41,8/60,1	5421	42,7/35,7	4324	36,8/30,0
Строительство	387	2,0/2,7	352	0,69/1,0	230	1,24/1,04	176*	1,56/1,23*
Транспорт и связь	196	1,6/2,2	665	1,98/2,84	376	4,46/3,7	425	4,96/4,0
Информационные технологии и программный продукт	1378	1,07/1,5	981	2,76/2,3	1463	8,13/6,6
Торговля, питание, материально-техническое снабжение	1655	2,35/3,2	5724	2,62/3,8	8545	10,11/8,5	9399	15,2/12,4
Коммунальные услуги, недвижимость	1961	12,85/17,5	5519	12,95/18,6	4409	47,1/39,4	5009	34,8/28,4
Финансы	64	6,74/9,7	970	4,18/3,5	2003*	15,0/11,9*
Здравоохранение и социальные услуги	128	0,35/0,5	20	0,02/0,03	22	0,078/0,07	245*	0,5/0,4*
Образование, культура, спорт, искусство	63	0,17/0,23	268	0,27/0,38	214	0,84/0,7	327*	0,962/0,8*
Наука и научный сервис	124	0,175/0,24	1035	0,5/0,7	1611	3,25/2,7	1970*	4,53/3,6*
Прочие отрасли	950	2,15/2,9	136	...	181	0,72/0,6

* 2015 г.

Источники: Чжунго тунци няньзынь — 2015: [Китайский статистический ежегодник — 2015]. Пекин, 2015. С. 381; Чжунго тунци няньзынь — 2016: [Китайский статистический ежегодник — 2016]. Пекин, 2016. С. 375; 2016-нянь гоминь цзинци хэ шэцуй фачжэнь тунци баогао: [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 г.] ГСУ КНР. 28.02.2017. С. 24.

Существуют также местные постановления в сфере регулирования иностранного капитала, издаваемые провинциальными властями. Так, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) поощряются для вложения иностранных инвестиций и предоставляются различные налоговые льготы для девяти отраслей:

- (1) городские основные отрасли производства и инфраструктуры (иригация, энергетика, коммуникации, связь, охрана окружающей среды);
- (2) биоинженерия, а также новые технологии, новые материалы и новые виды продукции, которые должны обладать высокой производительностью, энергосбережением, высокотехнологической емкостью, высокой добавленной стоимостью;
- (3) отрасли глубокой переработки продуктов нефтехимической промышленности;
- (4) отрасли сельскохозяйственного машиностроения;
- (5) хлопко- и шерстопрядение, производство одежды;
- (6) производство продукции бытовой химии и силикатной продукции;
- (7) новейшие отделочные материалы для стен и архитектурного оформления;
- (8) комплексное освоение земледелия и животноводства, обработка сельхозпродуктов с повышенной производительностью;
- (9) комплексное освоение туристических ресурсов⁸.

Отраслевая структура иностранных инвестиций на первом этапе (1980-е — 1990-е годы) характеризовалась опережающим ростом вложений в обрабатывающую промышленность, где особенно велика доля живого труда в стоимости конечной продукции. Если в 1996 г. сюда поступило 68,9% ПИИ, то в 2006 г. — 60,1%. Однако в дальнейшем доля прямых инвестиций в промышленность стала сокращаться: в 2016 г. доля прямых инвестиций в обрабатывающей промышленности составила лишь 30% (табл.3). При этом особенно быстро растет доля техноемких производств, включая предприятия по глубокой переработке сырья, а также наукоемких и высокотехнологичных отраслей. Большая доля иностранных инвестиций стабильно поступает в строительство офисных и жилых зданий, в коммунальную сферу, соответственно, 17,5% в 1996 г., 18,6% в 2006 г. и 28,4% в 2016 г. Значительный приток инвестиций наблюдался в сфере информационных технологий и производстве программного продукта после того, как китайские власти открыли эту сферу для иностранных инвесторов. Если в 2006 г. общий объем ПИИ составлял лишь 1,07 млрд долл. (1,5% общего объема инвестиций), то в 2014 г. — уже 2,76 млрд долл. (2,3% общего объема), а в 2016 г. — 8,13 млрд долл. (6,6% общего объема). Устойчиво быстрыми темпами росли ПИИ в такие сферы как торговля, питание, материально-техническое снабжение, коммунальные услуги, недвижимость (табл.3).

В последние годы отмечается снижение интереса иностранных инвесторов к электроэнергетике КНР. В 2006 г. она обеспечила лишь 1,8% общего объема прямых зарубежных инвестиций, по сравнению с 5% в конце 1990-х годов. Это связано с не оправдавшимися ожиданиями иностранных предпринимателей в отношении реформы китайской электроэнергетики. Однако с начала 2007 г. были отпущены цены на каменный уголь, что повлекло снижение цен на него. Поэтому в перспективе не исключено, что иностранные инвесторы вновь проявят интерес к энергетическим предприятиям в КНР.

В этом контексте следует рассматривать отмечаемое в последние годы и особенно после присоединения КНР к ВТО прогрессирующее снятие ограничений для деловой активности иностранных инвесторов. В 2002 г. правительство КНР заметно расширило круг отраслей (с 86 до 262), где поощряется деятельность иностранных предпринимателей и, наоборот, сократило (с 112 до 75) перечень отраслей, где она ограничивается. Для иностранцев впервые был открыт доступ к телекоммуникациям, городскому газоснабжению, теплоснабжению, водоснабжению и др. Расширен доступ к банковской деятельности, операциям на фондовом рынке, страхованию, торговле, туризму, транспорту, средствам массовой информации и т.д. Делаются последовательные шаги в направлении либерализации и упрощения режима создания и работы предприятий иностранного капитала.

Как видим, такие изменения в отраслевой структуре ПИИ в значительной степени связаны с регулярно вносимыми изменениями в «Каталог-руководство отраслей для иностранных инвестиций», где изначально было выделено четыре типа отраслей для инвестиций — *поощряемые, разрешенные, ограничиваемые и запрещенные*. При этом все большее количество отраслей экономики в Китае попадает в две первые категории, все меньшее — в две последние.

Региональная структура привлеченных ПИИ

Региональное размещение иностранных инвестиций характеризуется преимущественной ориентацией зарубежных инвесторов на приморские районы и города центрального подчинения КНР (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай), как наиболее экономически развитые. За последние 20 лет в распределении иностранных инвестиций по регионам не произошло заметных изменений. Как и в 1995 г., в приморские районы Китая ныне поступает около 80% иностранных инвестиций, при этом особенно выделяются провинции Цзянсу (в 2015 г. 17,2% их объема), Гуандун (14,2%), Чжэцзян (6,4%), Пекин (8,4%) и Шанхай (14,6%). Большая часть инвестиционных проектов с участием иностранного капитала также приходится на приморские районы Китая и города центрального подчинения. В 2015 г. 1-е место по числу инвестиционных проектов с участием иностранного капитала занимала провинция Гуандун — 111 169 предприятий (23,1% общего числа предприятий с участием иностранного капитала), на 2-м месте Шанхай — 74 885 (15,6%), на 3-м — Цзянсу — 53 551 предприятие (11,1%). Что касается районов Северо-Востока, Центрального Китая и отдаленных и экономически отсталых районов Западного Китая, занимающих более 2/3 территории страны, то, несмотря на наличие там богатых запасов сырья, они хронически выпадают из поля зрения иностранных инвесторов, и на их долю приходится не более 20% объема ПИИ. При этом большая часть иностранных инвестиций приходится на приморскую провинцию Ляонин на Северо-Востоке Китая — 3,6% общего числа предприятий с участием иностранного капитала и 4,6% объема иностранных инвестиций в 2015 г. Среди других провинций Северо-Восточного, Центрального и Западного Китая, которые как-то выделяются по количеству СП и объему иностранных инвестиций, можно назвать лишь три провинции — Хэнань и Хубэй в Центральном Китае и Сычуань в Западном Китае (табл. 4).

В законодательном плане стимулы для привлечения ПИИ в намеченные для этого китайским руководством регионы не всегда действуют. В начале 1980-х годов принятое ПК ВСНП «Положение об особых экономических зонах в провинции Гуандун» привлекло туда прямые инвестиции (в основном из Гонконга). Однако аналогичные постановления по провинции Хайнань (1988 г.), СЭЗ Сямынь провинции Фуцзянь (1994 г.) не дали аналогичного результата, и доля прямых иностранных инвестиций и смешанных предприятиях там относительно невелика (табл. 4).

Таким образом, несмотря на очевидные успехи в привлечении иностранного капитала и внушительные масштабы иностранного предпринимательства, имеется целый ряд проблем, побуждающих Китай к постоянному совершенствованию национального инвестиционного климата, поддержанию и развитию интереса иностранных инвесторов.

В настоящее время для привлечения иностранного капитала выделен Шанхай, внутри Шанхая — зона свободной торговли. Как отметил избранный на XIX съезде членом Политбюро ЦК КПК секретарь парткома Шанхая Хань Чжэн, «создание свободного порта в рамках пилотной зоны свободной торговли Шанхая уже вошло в стадию планирования и необходимо, чтобы ему дали «зеленый свет» для продвижения вперед. Свободный порт, являющейся формой зоны свободной торговли, создается в рамках страны или границах региона, но за пределами таможенной зоны. Этот порт будет открыт для всех коммерческих судов на равных условиях. Товары в этом порту могут разгружаться, складироваться и отгружаться без оплаты таможенных пошлин».

Таблица 4

Распределение накопленных иностранных инвестиций по регионам Китая (млрд долл./%)

Провинции	1995		2005		2015	
	Число предпри- ятий	млрд долл./ %	Число предприятий	млрд долл./ %	Число предпри- ятий	млрд долл./ %
КНР в целом	240 447/100	639/100	260 000/100	1464/100	481 179/100	4539/100
Города центрального подчинения	33 137/13,8	113,4/17,7	52 206/20,0	326,2/22,3	113 647/24,7	1303,2/28,7
Пекин	9691/4,0	28,8/4,5	10 980/4,2	60,7/4,1	29 396/6,1	381/8,4
Шанхай	14487/6,0	67,7/10,6	28 978/11,1	200,7/13,7	74 885/15,6	661,3/14,6
Гяньцзинь	8959/3,7	16,9/2,6	10 933/4,2	56,8/3,9	12 278/2,6	181,3/4,0
Чунцин*	1315/0,5	8,0/0,5	5009/1,0	78,8/1,7
Приморские районы	147 134/61,2	403,2/63,0	157 633/60,6	856,2/58,4	264 826/55,0	2281,6/50,3
в том числе:						
Хэбэй	5368/2,23	12,3/1,9	3637/1,4	21,9/1,5	6867/1,4	73,6/1,6
Цзянсу	22 950/9,5	53,2/8,3	33 321/12,8	265,7/18,1	53 551/11,1	782,2/17,2
Чжэцзян	11 237/4,7	24,4/3,8	19 009/7,3	101,9/7,0	32 778/6,8	291,8/6,4
Фуцзянь	16 527/6,9	36,7/5,7	17 854/6,9	75,3/5,1	25 895/5,4	196,7/4,3
Шаньдун	17 988/7,5	37,4/5,9	20 153/7,8	78,6/5,4	27 240/5,7	219,3/4,8
Гуандун	59 582/24,8	204,6/32,0	58 762/22,6	288,9/19,7	111 169/23,1	644,3/14,2
Хайнань	8606/3,6	21,1/3,3	2456/0,9	9,2/0,6	3111/0,64	31,2/0,68
Гуанси	4876/2,0	13,5/2,1	2441/0,9	14,7/1,0	4215/0,87	42,5/0,9
Северо-Восток	18 662/7,7	41,5/6,45	21 318/8,25	113,2/7,75	26 477/5,7	255,9/6,7
Ляонин	11 284/4,7	28,1/4,4	16 542/6,4	81,5/5,6	17 745/3,7	206,6/4,6
Цзилинь	2990/1,2	4,8/0,75	2488/0,95	20,7/1,4	4437/0,9	35,2/0,8
Хэйлунцзян	4388/1,8	8,6/1,3	2288/0,9	11,0/0,75	4149/0,8	22,3/0,5
Внутренние районы	40 965/17,0	184,5/11,3	28 843/11,2	168,4/11,55	76 229/14,6	698,3/14,3
в том числе						
Хэнань	4382/1,8	8,9/1,4	2877/1,1	20,6/1,4	8316/1,7	68,7/1,5
Хубэй	5758/2,4	13,6/2,1	4284/1,6	25,8/1,76	8646/1,8	89,2/2,0
Хунань	3263/1,3	7,0/1,1	2712/1,04	15,8/1,1	5865/1,2	52,1/1,1
Шаньси	1364/0,6	2,4/0,4	776/0,3	7,7/0,5	3606/0,7	41,1/0,9
Сычуань	5897/2,5	12,7/2,0	4075/1,56	16,6/1,13	10 594/2,2	88,4/1,9
Шэньси	1894/0,8	4,6/0,7	2890/1,1	13,7/0,9	6017/1,3	51,6/1,1
Внутренняя Монголия	1074/0,4	2,0/0,3	914/0,35	12,6/0,86	2967/0,6	35,1/0,8
Синьцзян	656/0,3	1,4/0,2	345/0,13	1,9/0,12	1384/0,3	8,5/0,2

* В 1996 г. входил в состав провинции Сычуань

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь. [Китайский статистический ежегодник] (за соответствующие годы). Пекин, ГСУ КНР.

Несмотря на активное привлечение иностранных инвестиций, их распределение по экономическим регионам крайне неравномерно. Как отмечалось выше, в основном они идут в города центрального подчинения, преимущественно в Шанхай и Пекин, или в экономически развитые приморские провинции. Вряд ли в ближайшие годы в КНР произойдет принципиальное изменение в территориальной структуре иностранных инвестиций. Более того, с учетом принятых в 2017 г. ряда положений и постановлений о стимулировании развития свободного порта в районе бондовой зоны Яншань и Пудунского международного аэропорта в рамках ЗСТ Шанхай следует ожидать увеличения инвестиций в наиболее экономически развитые приморские районы и города центрального подчинения.

В целом изменения, происходящие в последние годы в сфере привлечения иностранного капитала, свидетельствуют о последовательной ориентации КНР на полное включение сектора иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала. В перспективе на этом рынке будут установлены единые правила и условия конкуренции для всех участников инвестиционного процесса независимо от формы собственности и принадлежности к той или иной стране.

Итоги политики КНР по привлечению иностранных инвестиций

Безусловно, на приток прямых иностранных инвестиций в КНР оказали влияние не только внутренние факторы: гарантии для иностранных инвесторов на территории Китая, льготный режим налогообложения для предприятий с участием иностранного капитала по сравнению с предприятиями с национальным капиталом, но и внешние факторы: различные внешнеполитические события — от реакции ряда зарубежных стран на события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. до вступления КНР в ВТО в ноябре 2001 г. В первые годы реформ (до середины 1990-х годов) объем ПИИ в КНР был невелик, составив менее трети всех привлеченных иностранных инвестиций. Однако в конце 1990-х произошел заметный рост доли ПИИ, что в значительной степени было связано с принятым в 1995 г. Законом о внешней торговле и последующими поправками от 2004 г. В основу принятого сессией ВСНП Закона о внешней торговле были заложены принципы «открытой единой внешнеторговой политики в соответствии с требованиями Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ)», что в немалой степени способствовало привлечению иностранных инвесторов в Китай. В частности, участниками внешнеэкономической деятельности (ВЭД) помимо организаций и юридических лиц могли стать и физические лица, лицензирование было заменено на уведомительную регистрацию, а допуск к таможенному декларированию и система автоматического лицензирования стали осуществляться только после проведения уведомительной регистрации. В целом, льготный режим налогообложения для предприятий с участием иностранного капитала, возможность вывоза доходов из страны для иностранного предпринимателя и гарантии для иностранных инвесторов, заложенные в Конституции КНР, законодательных актах и подзаконных актах соответствующих министерств и ведомств — все это позволило Китаю стать основным получателем инвестиций среди развивающихся стран и одним из ведущих получателей в мире.

Вместе с тем большое влияние на рост прямых иностранных инвестиций оказало вступление Китая в ВТО в ноябре 2001 г. После вступления объем иностранных инвестиций в КНР вырос в 2,5 раза, из которых подавляющую часть иностранных инвестиций составляли ПИИ, и страна фактически отказалась от таких форм иностранных инвестиций, как внешние займы, кредиты, международный лизинг и т.п. В свою очередь следует отметить, что с 2007 г., после того как были уравнены в правах китайские и национальные инвесторы (25% доходов предприятий для всех предприятий — при увеличении налога на предприятия с участием иностранного капитала и уменьшении налога на кп-

тайские предприятия). заметно сократился приток иностранных инвестиций из стран ЕС, США, Канады, Австралии и других стран. С 2005 г. приток иностранных инвестиций в КНР в основном шел за счет Гонконга, Сингапура и таких оффшорных зон, как Самоа, Виргинские и Каймановы острова. В настоящее время большая часть ПИИ в КНР и из КНР идет из Гонконга и в Гонконг, который выступает своего рода оффшором для китайских бизнесменов. Можно сказать, что значительная часть иностранного капитала фактически является китайским национальным капиталом, основным источником происхождения которого является часть прибыли, полученной от коммерческой деятельности на территории КНР.

Таблица 5

Этапы открытия регионов Китая для иностранных инвестиций

1979–1982 гг.	Создание первых четырех особых экономических зон (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь в провинциях Фуцзянь и Гуандун), где отработывался опыт по привлечению прямых иностранных инвестиций. В этот период иностранные инвесторы вкладывали средства преимущественно в проекты сферы услуг, легкой и текстильной промышленности.
1984–1988 гг.	Открытие для иностранного капитала 14 городов вдоль восточного побережья КНР (включая Тяньцзинь, Далянь, Циньхуандао, Циндао, Яньтай, Бэйхай, Ляньюньган), где стали создаваться зоны технико-экономического развития
1988–1992 гг.	Создание трех «открытых приморских экономических районов» в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян, а также в южной части провинции Фуцзянь. Предоставление местным властям больших прав по привлечению ПИИ.
1992 — начало 2000-х годов	Расширение регионов страны, открытых для иностранного капитала по линии Синьцзян — Ганьсу — Шанхай. Таким образом, ПИИ стали допускаться не только в прибрежные провинции КНР, но и внутренние районы страны. Переход от территориального принципа привлечения ПИИ к территориально-отраслевому в зависимости от задач развития конкретных регионов.
2001–2009 гг.	Выполнение Китаем обязательств перед ВТО по постепенному (от 5 до 7 лет) снятию географических ограничений по работе иностранных компаний в сфере услуг (прежде всего, финансовых институтов, предприятий в области оптовой и розничной торговли, туристических фирм и др.) в различных регионах Китая.
2009 — по настоящее время	Усиление акцента на развитии специализированных экономических зон. Ныне в КНР действует 6 особых экономических зон, 14 открытых приморских городов, более 120 технопарков, призванных стимулировать научно-техническое развитие страны; 168 национальных сельскохозяйственных парков; 16 зон свободной торговли, 15 зон приграничного экономического сотрудничества.

Источник: Чжунго цзинцзи тэюй шилюэ: [Обзор истории открытых зон Китая]. Бэйцзин: Цзинцзи чубаньшэ, 2015. С. 52.

Как видно из таблицы, открытие регионов страны для иностранных инвесторов происходило постепенно, акцент менялся от территориального принципа привлечения ПИИ к территориально-отраслевому.

Для привлечения ПИИ на определенные территории Китай изначально в 1980 г. создал четыре особые экономические зоны (ОЭЗ) — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу в провинции Гуандун и Сямэнь в провинции Фуцзянь, как первые «полюса роста». Эти зоны были созданы на основе приоритетного развития территорий на первом этапе за

счет дополнительных инвестиций из центрального бюджета для создания необходимой инфраструктуры в ОЭЗ. В дальнейшем эти территории развивались уже за счет привлечения иностранных инвестиций благодаря уже созданным выгодным местным условиям для деятельности иностранного капитала, включая развитую инфраструктуру и льготные правила регулирования налогообложения. Важное значение также имели более высокий общий уровень социально-экономического развития этих территорий по сравнению с внутренними регионами Китая, близость к территориям проживания китайской диаспоры (Гонконг, Макао, Тайвань), хорошее транспортное сообщение с внешним миром, более высокая квалификация рабочей силы.

На протяжении всего периода реформ приоритет в развитии отдавался приморским районам. В них возникло три «полюса роста»: зона дельты реки Чжуцзян в провинции Гуандун с двумя ОЭЗ Шэньчжэнь и Чжухай; зона дельты реки Янцзы с ГЦП Шанхай, частью провинции Цзянсу на юге и провинции Чжэцзян на севере; зона кольца Бохайского залива с двумя крупными ГЦП Пекин и Тяньцзинь и частью провинции Хэбэй. Там были созданы все свободные экономические зоны: три — в провинции Гуандун (Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу), одна — в провинции Фуцзянь (Сямьнь), затем от провинции Гуандун отделили остров Хайнань, который стал отдельной провинцией и ОЭЗ, а также открытые приморские города и зоны гарантированных налогов. Тем не менее не все приморские провинции, свободные экономические зоны и открытые приморские города развивались с высокой динамикой. Судя по основным экономическим показателям, значительных успехов достигли, в основном, провинции Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян, а среди ОЭЗ наибольшими экономическими успехами характеризуется зона Шэньчжэнь. Что касается открытых приморских городов, то в области привлечения и использования прямых иностранных инвестиций выделяются Шанхай, Тяньцзинь и Циндао.

В настоящее время китайское правительство придает важное значение дальнейшему развитию особых экономических зон (*цзинцзи тэцюй*), выполняющих пионерную роль в апробации новых механизмов экономического регулирования инвестиционного взаимодействия с внешним миром.

В качестве важных элементов, которые направлены на стимулирование притока иностранных капиталовложений в ОЭЗ КНР следует выделить:

- применение системы льгот, включая регулирование тарифов по внешнеторговым операциям предприятий с участием иностранного капитала;
- снижение фискальных сборов и возможность получения налоговых льгот в целях стимулирования развития определенных видов экономической деятельности;
- получение прямых государственных субсидий и льготных кредитов, особенно когда деятельность предприятия соответствует приоритетным задачам развития Китая;
- возможность пользования специальной системой управления ОЭЗ, обладающей значительной самостоятельностью в области принятия решений по широкому спектру хозяйственных вопросов;

Следует особо подчеркнуть, что в Китае особые экономические зоны, как правило, создаются в соответствии с государственными программами развития, поэтому туда направляются крупные бюджетные финансовые средства, которые используются на строительство инфраструктурных объектов, включая дороги, средства связи и коммуникаций, гостиницы и жилье. То есть китайские власти создают необходимые условия для последующей деятельности инвесторов. При создании ОЭЗ в КНР большое внимание уделяется правильному выбору их регионального расположения, заранее просчитываются возможности развития различных отраслей в увязке с задачами национального и провинциального экономического развития. Поэтому определение конкретного вида ОЭЗ зависит от общих задач хозяйственного развития, конкретных специфических особенностей того или иного региона. Использование китайского опыта в области привлечения прямых иностранных инвестиций чрезвычайно полезно для российского бизнеса,

особенно в условиях активизации восточного вектора внешнеэкономической политики КНР и решения задач развития ее восточных регионов.

1. См.: 2016-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань тунци баогао: [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 г.]. ГСУ КНР. 28.02.2017. С. 24.
2. См.: Си Цзиньпин дайбяо дишиба цзе Чжунъян вэйюаньхуэй сян данды шицюда цзо баогао: [Отчетный доклад ЦК КПК 18-го созыва Си Цзиньпина XIX съезду КПК] // Жэньминь жибао. 19.10.2017.
3. China widens access to financial markets for foreign investors. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-11/10/content_41873435.htm.
4. См.: 2016-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань тунци баогао: [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2016 г.]. ГСУ КНР. 28.02.2017. С. 24.
5. См.: Чжунго тунци няньцзянь — 2016: [Китайский статистический ежегодник — 2016]. Пекин. 2016. С. 302.
6. URL: <http://www.sdpc.gov.cn/> 31.01.2011.
7. См.: Вайшан тоуцзы чанье чжидо мулу: [Каталог-руководство отраслей для иностранных инвестиций]. Министерство коммерции КНР. 2011. № 12.
8. Из записей личной беседы А.В.Островского в Управлении коммерции СУАР.
9. China Daily. 24.10.2017.

Основные направления и приоритеты развития машиностроительного комплекса КНР

© 2018

Н.Н. Коледенкова

В статье рассматриваются ключевые направления развития машиностроительной промышленности Китая в XXI веке. Особое внимание уделяется вопросу перехода отрасли на инновационный путь развития. Показана динамика производства основных видов ее продукции. Анализируется роль государственных капитальных вложений и иностранных инвестиций на техническое перевооружение предприятий.

Ключевые слова: Китай, машиностроительная промышленность, отраслевая структура, инновационное развитие, инвестиции.

Решение поставленной на XIX съезде КПК (2017 г.) задачи по модернизации экономической системы Китая направлено на создание государства инновационного типа. Особое место занимают проблемы развития машиностроительной промышленности, поскольку она определяет уровень научно-технического развития не только всех отраслей промышленности, но и экономики в целом.

Машиностроительная промышленность Китая в XXI веке представляет собой крупный, развивающийся, многоотраслевой промышленный комплекс. Он включает в себя 12 ведущих отраслей и 27 подотраслей. В результате проводимой в последние годы целенаправленной работы по модернизации и реконструкции имеющегося производственного оборудования, внедрения прогрессивных технологических процессов и сопутствующего роста производительности труда удалось достичь высоких темпов увеличения объема производства и повышения качества продукции. По объему производства машиностроительной продукции Китай смог выйти на 4-е место в мире. Обеспеченность Китая машинами и оборудованием повысилась с 60% в 1957 г. до 82% в 2007 и 85% в 2017 г.

В XXI веке машиностроение — ведущее направление промышленного производства страны. В стране насчитывается 107 тыс. ведущих машиностроительных предприятий, на долю которых приходится 24,5% основных фондов страны (под ведущими имеются в виду предприятия с годовым доходом от основной хозяйственной деятельности свыше 20 млн юаней). На них занято 26 млн человек. Главные отрасли — тяжелое, электротехническое, станкостроительное, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение. Наиболее высокие экономические показатели ведущих предприятий машиностроения отмечаются в электротехнической промышленности (в том числе энергетической) и автомобильной (табл. 1).

Таблица 1

**Основные экономические показатели ведущих предприятий
по отраслям машиностроения КНР в 2015 г.**

	Количество предприятий		Численность занятых		Основные фонды	
	шт.	в % к КНР	млн человек	в % к КНР	млрд юаней	в % к КНР
КНР	383148	100,0	97,750	100,0	102339,8	100,0
Машиностроение	107127	29,0	26,038	26,6	25072,6	24,5
в том числе:						
производство металлоизделий	21137	5,6	3,808	3,9	2588,9	2,5
общее машиностроение	24682	6,4	4,713	4,8	4184,3	4,1
специальное машиностроение	17000	4,4	3,541	3,6	3545,9	3,5
автомобильная промышленность	14149	3,7	4,712	4,8	5994,1	5,8
транспортное машиностроение	6064	1,6	1,904	2,0	2241,7	2,2
электротехническое машиностроение	23674	6,2	6,299	6,4	5714,4	5,6
производство измерительных приборов и др.	4261	1,1	1,052	1,1	802,4	0,8

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь — 2016: [Статистический ежегодник Китая — 2016]. Пекин. 2016. Табл. 13–2.

Именно этим отраслям государство уделяло повышенное внимание. Задача построения к 2020 г. стабильного, эффективного и экологически чистого энергетического комплекса, поставленная в 12-м пятилетнем плане (2011–2015 гг.), как одна из основных в развитии народного хозяйства КНР, не могла бы быть решена без нового рывка в развитии производства энергетического оборудования. При этом автомобильная промышленность рассматривается в КНР как опорная отрасль экономики страны.

Особо значимым было принятие курса на инновационное развитие. Задача построения экономики, базирующейся на собственных инновациях, была поставлена еще в 2006 г., когда Госсовет КНР принял Основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006–2020 гг. Инновационный курс был определен как новая национальная стратегия. Согласно этой стратегии Китай к 2020 г. должен стать инновационным государством. Упор сделан на развитие собственных инноваций. Долю расходов на НИОКР в ВВП намечено увеличить с 1,34% в 2005 г. до 2,5% к 2020 г., а вклад научно-технического прогресса в экономическое развитие поднять выше 60%, или более чем вдвое. Зависимость от импортных технологий должна снизиться до 30%.

Особое внимание уделяется инновациям в «узких местах» экономического развития, в первую очередь в машиностроении (производство базового оборудования для станкостроения, транспортное машиностроение, электроэнергетика)¹. Поскольку сегодня для Китая важен не рост вообще, а рост за счет качественного развития технологической базы и совершенствования системы управления, значительного повышения на этой основе производительности труда.

Отдавая приоритет инновационному развитию машиностроения, Госсовет КНР в 2006 г. принял «Программу ускоренного развития машиностроительных отраслей страны», подготовленную Госкомитетом по развитию и реформам. Программа ориентирует на то, чтобы машиностроительная промышленность Китая смогла производить всю номенклатуру технически сложной и инновационной продукции вне зависимости от импорта. В ней предусматриваются следующие конкретные направления:

- развитие производства крупногабаритного энергетического оборудования, включая генераторы для АЭС мощностью 1 млн кВт, генераторы сверхкритического пара, крупные ветрогенераторы;
- производство трансформаторов высокого напряжения — до 1000 киловольт;
- разработка и внедрение в производство крупногабаритного оборудования по перекачке угля в жидкое топливо;
- разработка крупных угольных комбайнов для проходческих работ и для работы в открытом грунте;
- разработка крупных бурильных установок для добычи нефти на морском шельфе, строительство судов водоизмещением более 300 тыс. т для перевозки руд и сырой нефти, сжиженного газа, а также контейнеровозов емкостью более 10 тыс. контейнеров;
- разработка и внедрение в производство крупного оборудования по холодному прокату тонкого листа в комплекте с осуществлением плакированного покрытия — для обеспечения растущих потребностей собственного автомобилестроения;
- производство крупных установок по производству этилена, полипропилена, синтетических смол;
- освоение технологий по производству скоростных железнодорожных линий и монорельсовых дорог для перевозки пассажиров, налаживание производства локомотивов и вагонов, рассчитанных на скорость движения свыше 200 км/час;
- производство крупных тракторов и дробильных установок с учетом потребностей железнодорожного строительства, возведение ирригационных систем;
- разработка и внедрение в производство оборудования по утилизации твердых бытовых отходов, опреснению морской воды, утилизации выхлопных газов;
- создание крупных автоматизированных вычислительных систем и технологий искусственного интеллекта;
- создание (с учетом потребностей машиностроения, авиации и космонавтики) крупных, высокоточных и высокоскоростных станков с числовым программным управлением;
- создание производства комплектного оборудования для текстильной промышленности мощностью ежедневной переработки более 200 тонн синтетического волокна;
- производство новых видов комбайнов для уборки риса, кукурузы, хлопка с расчетом осуществить полное импортозамещение подобного оборудования;
- налаживание производства оборудования для выпуска жидкокристаллических плоских экранов;
- развитие самолетостроения².

Для решения этих задач предполагалось:

- 1) реорганизовать традиционные производства и поднять их на более высокий технический уровень развития за счет внедрения в производство высоких и новых технологий;
- 2) за счет собственных и зарубежных передовых технологий ускорить развитие ключевых производств, осваивать и изготавливать необходимое высокоэффективное крупногабаритное оборудование;
- 3) путем слияния, объединения и реорганизации создать в основных отраслях машиностроительного комплекса ряд компаний и корпораций;
- 4) поддерживать и стимулировать процесс технического перевооружения старых машиностроительных баз, с тем чтобы они были способны внедрять и эффективно использовать высокопроизводительные машины и оборудование, прогрессивные технологические процессы, одновременно продолжая практику закрытия машиностроительных предприятий, выпускающих недоброкачественную и низкосортную продукцию, допускающих перерасход сырья, энергии и загрязнение окружающей среды, сокращая отсталые и избыточные производственные мощности;

5) развивать новые производства на основе высоких и новых технологий;

6) уделять внимание подготовке высококвалифицированных кадров различных специальностей и управляющих-менеджеров машиностроительных предприятий, обеспечивая повсеместное повышение уровня научных знаний инженерно-технических работников и совершенствование профессионального мастерства рабочих³.

В развитии машиностроительной промышленности предусмотрено в полной мере использовать потенциал имеющихся на данное время предприятий и объединений.

В период до 2010 г. упор делался на реконструкцию и расширение имеющихся предприятий, а также на внедрение и освоение прогрессивных технологий. Приоритеты в области развития машиностроения были направлены на освоение и создание крупного комплектного оборудования. Основное внимание уделялось строительству приоритетных объектов, необходимых для оптимизации структуры и повышения технологического уровня производства.

Мировой финансовый кризис обострил существующие трудности в развитии машиностроительной промышленности Китая. В связи с этим в мае 2009 г. Госсовет КНР принял «План урегулирования и возрождения производства машин и оборудования», направленный на ускорение реструктуризации машиностроения и преодоления последствий экономического кризиса 2008 года. Реструктуризация машиностроительной отрасли проводится в целях удовлетворения потребностей рынка в передовом промышленном оборудовании, повышения технологического и инновационного уровня промышленности в целом.

Развитие машиностроительной промышленности в Китае в тот период опиралось на реализацию крупных государственных строительных проектов, создание современного национального передового технологического оборудования, повышение собственных инноваций, обновление ассортимента выпускаемой продукции, повышение конкурентоспособности промышленной продукции на мировом рынке, увеличение капиталовложений в технологическое перевооружение предприятий страны, слияние предприятий и укрупнение промышленных групп.

В период с 2009 по 2011 г. в машиностроительной отрасли были предприняты следующие меры:

– созданы условия для стабильного роста производства машин и оборудования, повышения их конкурентоспособности;

– обеспечен прорыв в разработке и производстве оборудования для выработки электроэнергии, выпуска подвижного состава для скоростных железных дорог, высокоточных станков с числовым программным управлением (ЧПУ);

– изменены условия роста в отрасли за счет технологического прогресса, снижения энергопотребления и увеличения производительности труда, а также повышения доли современных производственных услуг в общем объеме доходов от продаж в крупных корпорациях до 20%;

– сформированы крупные, способные конкурировать на международном рынке корпорации, занимающиеся разработкой, производством, продажей и обслуживанием оборудования на мировых рынках, а также группа предприятий, производящих отдельные детали и механизмы для иностранных заказчиков.

Госсоветом КНР в тот период перед предприятиями отрасли выдвигались следующие основные задачи:

– создавать высокоэффективную «чистую» энергетику с опорой на АЭС, продвигая технологии второго поколения; самостоятельно производить оборудование для электростанций «AP1000»;

– совершенствовать оборудование для ГЭС мощностью от 700 тыс. кВт и выше и теплоэлектростанций мощностью от миллиона кВт;

– в рамках реализации проектов строительства крупных ветроэлектростанций (в Северо-Восточном, Северном и Северо-Западном Китае, а также в прибрежных районах страны) развернуть отечественное производство оборудования для них;

– развивать производство оборудования для солнечных электростанций;

– с опорой на реализацию проектов передачи электроэнергии высокого напряжения развивать производство энергетического оборудования, уделяя особое внимание производству трансформаторов переменного и постоянного тока, развивать собственное производство трансформаторного оборудования на 750 кВольт, 1000 кВольт переменного тока и 800 кВольт постоянного тока;

– для открытых угольных месторождений и крупных месторождений руд цветных металлов развивать новейшую горнодобывающую технику, горно-обогачительное оборудование, делая упор на отечественное производство угледобывающего оборудования;

– опираясь на строительство второй линии газопровода «Запад – Восток», третьей линии газопровода «Шэньцзинь» и др., развивать отечественное производство агрегатов высокого давления для перекачивания газа на большие расстояния, шаровых клапанов трубопроводов и систем контроля;

– под потребности заводов по приему сжиженного газа в провинциях Чжэцзян, Цзянсу, городах Чжухае, Циндао строить крупные суда по перевозке сжиженного газа и оборудование для его перекачивания;

– под проекты прокладки 10 тыс. км скоростных железных дорог, а также железнодорожной магистрали в западных районах Китая и проекты строительства железных дорог для транспортировки угля наладить собственное производство железнодорожного оборудования, в том числе скоростных поездов, грузового подвижного состава;

– для создания в 17 городах страны 70 линий городского рельсового транспорта и метрополитена наладить отечественное производство подвижного состава, систем сигнализации, систем управления движения поездов, систем торможения и пр.;

– развивать производство мощных тракторов, зерноуборочной и рисоуборочной техники нового типа, высокоэффективных комбайнов для сбора кукурузы и хлопка, безотвальных плугов, устройств экономичного полива растений;

– развивать разработку и производство станков с ЧПУ, высокоточных станков, специального высокоточного прессового оборудования, оборудования для чистого литья, современного сварочного оборудования⁴.

В числе «прорывных» отраслей, на которых в первую очередь должно сосредоточиться машиностроение, правительство определило прежде всего металлургию. Для нее планируется организовать выпуск комплектного оборудования для широких прокатных станов горячего и холодного проката стали, тяжелого оборудования для отливки сплавов. В цветной металлургии намечается организовать собственное производство высокоточных прокатных станов, оборудования для проката крупного и сложного профиля. В автомобилестроении — развивать отечественное производство автомобилей, использующие новые виды энергии, и запчасти к ним. В области нефтехимии намечено развивать отечественное производство оборудования по перегонке нефти мощностью 10 млн т в год, этилена, *фталевой* кислоты, оборудования по производству удобрений, кокса, транспортировки сжижения газа, крупных центробежных компрессорных агрегатов, аппаратов по отводу тепла химических реакций, вакуумного оборудования, насосов, способных работать в условиях низких температур. В судостроении предполагается повысить технологический уровень производства судовых двигателей, трюмного оборудования, палубной механизации и запасных частей к ним. Для потребностей легкой промышленности должны быть сконцентрированы усилия по выпуску оборудования для пищевой промышленности и для производства обуви.

Правительство считает необходимым увязку развития машиностроительного комплекса с потребностями оборонной промышленности. Технологическое оборудование, раз-

рабатываемое для авиационной, аэронавигационной, судостроительной, атомной промышленности, как и оборудование для производства оружия и боеприпасов, контрольно-измерительных систем, призвано способствовать дальнейшему упрочению базы китайского ВПК.

В качестве мер по изменению модели развития машиностроения Китая предлагается ускорить процесс формирования промышленных групп и корпораций, увеличить инновационные возможности предприятий, охватить всю выпускаемую продукцию стандартами качества, соответствующими мировым стандартам, улучшить управление и кадровую работу на предприятиях машиностроительного комплекса.

Выполнение задач, сформулированных в начале XXI века, позволило приумножить виды продукции, выпускаемой по современным технологиям, повысить ее качество (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика изменений производства продукции
машиностроительного комплекса КНР**

Наименование	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Горнорудное оборудование, тыс. т	305,0	1634,6	4956,5	7300,0	
Энергетическое оборудование, млн кВт	12,49	92,0	128,8	124,3	132,2
Нефтяное и химическое оборудование, тыс. т	175,2	177,1	1322,0	2173,0	
Металлорежущие станки, тыс. шт.	176,6	511,4	697,3	755,0	
Тракторы крупные и средние, тыс. шт.	41,0	163,3	383,5	688,2	630,0
Автомобили, тыс. шт.	2070,0	4443,9	18265,3	24503,5	28120,0
в том числе легковые, тыс. шт.	607,0	2770,1	9575,9	11629,7	12110,0
Холодильники, млн шт.	12,79	29,87	72,957	79,9	84,8
Стиральные машины, млн шт.	14,43	30,35	62,477	72,74	
Кондиционеры, млн шт.	18,27	67,64	108,9	142,0	143,4

Источник: Чжунго тунци няньцзянь: [Статистический ежегодник Китая]. Пекин. 2001. Табл. 13–23; 2007. Табл. 14–23; 2011. Табл. 14–22; 2016. Табл. 13–12. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.html; Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2016 National Economic and Social Development. National Bureau of Statistics of China. February 28, 2017. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201702/t20170228_1467503.html.

Как следует из данных табл. 2, значительное развитие получило производство горнорудного, энергетического, химического оборудования. Определенных успехов добилось станкостроение. Достигнуты существенные успехи в судо- и автомобилестроении и особенно в железнодорожном машиностроении. Большая работа была проведена в сфере производства потребительских товаров. Например, значительно возросли мощности по выпуску холодильников, стиральных и швейных машин, фотоаппаратов, кондиционеров. В результате Китай по их производству занял ведущее место в мире. Здесь функционирует ряд крупных объединений по производству бытовой электротехники, которые отличаются высоким уровнем производства, а выпускаемые ими изделия, выходящие под собственной торговой маркой, пользуются популярностью в стране и за рубежом.

Во втором десятилетии XXI века перед китайским машиностроением встали новые задачи: к 2025 г. поднять уровень развития отрасли до уровня промышленно развитых стран.

Эти задачи проистекают из Программы «Сделано в Китае — 2025», принятой в 2015 г. Это первый в истории КНР десятилетний план действий, нацеленный на модернизацию национальной обрабатывающей промышленности. В нем определены 9 приоритетных направлений — поднятие инновационного потенциала обрабатывающего сектора, повышение уровня интеграции информационных технологий и индустрии, укрепление по-

тенциала базовых отраслей промышленности, активизация процесса формирования китайских брендов, всестороннее внедрение «зеленого» производства, обеспечение прорывов в развитии 10 ключевых отраслей, углубление структурной перестройки обрабатывающего сектора, активное развитие обслуживающих производств и производственных услуг и, наконец, повышение уровня интернационализации обрабатывающего сектора.

К 10 ключевым отраслям, согласно плану, относятся: ИТ-индустрия нового поколения, станки с цифровым управлением и роботы высокого класса, аэрокосмическое оборудование, морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда, передовое оборудование для рельсового транспорта, энергосбережение и автомобили, работающие на новых источниках энергии, электроэнергетическое оборудование, сельскохозяйственное машиностроение, новые материалы, биофармацевтика и медицинская техника с высокими характеристиками⁵.

Для достижения поставленных целей внимание, согласно плану, будет акцентироваться на 5 основных проектах. Имеется в виду создание Национального центра по развитию отечественных производственных отраслей, налаживание интеллектуального производства, повышение базовой конкурентоспособности обрабатывающей промышленности, организация экологического производства, инновации в сфере высокотехнологичного оборудования⁶.

Следует отметить, что модернизация промышленности, и в первую очередь машиностроения, как предполагается, будет осуществляться по линии развития «умного производства». Об этом было сказано в 2015 г., в ходе «Международной конференции по интеллектуальному производству — 2015». Развивать интеллектуальное производство, в первую очередь в машиностроении, предполагается в два этапа.

Первый (2015–2020): внедрение цифровых сетевых технологий в производственные отрасли непосредственно на предприятиях.

Второй (2020–2025): интеграция сетевых технологий и дальнейшая интеллектуализация производственных процессов.

На каждом этапе в Китае планируется придерживаться четырех наиболее важных принципов: развивать инновации, интеллектуализировать производственный процесс, укреплять промышленные предприятия, обеспечивать экологическую безопасность процессов.

Рассматривая развитие интеллектуального производства как приоритетное направление, предполагается стимулировать создание государственных образцово-показательных зон и инновационных центров машиностроительной промышленности; реализовывать целевые программы, направленные на укрепление четырех основных аспектов развития промышленности (основных материалов, ключевых деталей и запчастей, передовых технологий и производственно-технической базы) и развитие производства важнейшего оборудования передовых обрабатывающих производств, содействуя таким образом выходу китайского производства на средний и высший уровень развития; активно проводить работы по обновлению технологий на традиционных производствах.

Конкретизируя реальные достижения Китая в сфере современных технологий, следует отметить, что в стране был совершен прорыв в освоении технологий ключевого оборудования. Согласно программе развития производства оборудования Китая, аэрокосмическая промышленность, производство оборудования для энергетики, железнодорожного транспорта, производство автоматически управляемого оборудования стали приоритетными направлениями развития машиностроительной отрасли.

Однако на сегодняшний день по уровню развития китайское машиностроение уступает промышленно развитым странам (по таким показателям, как производительность труда, конкурентоспособность продукции, качество роста и развития, определяемым степенью инновационности технологической базы).

Поскольку основной задачей машиностроительного комплекса была и остается проблема модернизации и технической реконструкции промышленных предприятий, все

это требует необходимых изменений в структуре государственных капиталовложений, являющихся важнейшим рычагом развития производства. По данным китайской статистики, доля машиностроения в общем объеме инвестиций страны (без крестьянских дворов) повысилась с 9,06% в 2010 г. до 11,4% в 2015 г. Среднегодовые темпы прироста инвестиций (без крестьянских дворов) в 2011–2015 гг. в машиностроение были выше, чем по стране в целом. Особенно среднегодовые темпы прироста инвестиций, направленных на реконструкцию предприятий машиностроения (табл. 3).

Таблица 3

Среднегодовые темпы прироста инвестиций в КНР и в ее машиностроении за 2011–2015 гг. (без крестьянских дворов).

	Среднегодовые темпы прироста 2011–2015 гг., %			
	Инвестиции	в том числе:		
		Новое строительство	Расширение	Реконструкция
Китай	18,0	27,3	14,8	19,6
Машиностроение	23,5	17,2	18,2	27,8

Источник: Рассчитано по Чжунго тунцзи няньцзянь: [Статистический ежегодник Китая]. Пекин. 2011. Табл. 5–13; 2016. Табл. 10–10.

В последние годы происходят изменения и в отраслевой структуре инвестиций (без крестьянских дворов) по отраслям машиностроения (табл. 4).

Если в 2010 г. из общего объема инвестиций (без крестьянских дворов) в машиностроительной промышленности 61,6% направлялись на новое строительство, 23,3% — на расширение, 22,8% — на реконструкцию, то в 2015 г. на новое строительство — 47,3%, на расширение — 18,8%, на реконструкцию — 27,0%. То есть стало уделяться больше внимания модернизации и реконструкции.

Таблица 4

Динамика изменений отраслевой структуры инвестиций (без крестьянских дворов) по отраслям машиностроения КНР, млрд юаней

2010 г.

	Инвестиции	в том числе:		
		Новое строительство	Расширение	Реконструкция
КНР	24143,1	11386	3369,1	3337,6
Машиностроение	2188,1	1349,0	510,1	498,8
в том числе:				
производство металлоизделий	363,0	199,9	73,9	65,5
общее машиностроение	545,8	257,7	122,9	122,8
специальное машиностроение	415,4	234,6	70,7	75,9
автомобильная промышленность
транспортное машиностроение	655,9	323,4	139,7	139,6
электротехническое машиностроение	499,7	293,6	91,9	81,0
производство измерительных приборов и др.	71,3	39,8	11,0	14,0

2015 г.

	Инвестиции	в том числе:		
		Новое строительство	Расширение	Реконструкция
КНР	55159,0	38095,8	6726,9	8185,8
Машиностроение	6287,0	2982,0	1179,4	1697,1
в том числе:				
производство металлоизделий	945,1	427,9	212,3	257,4
общее машиностроение	1336,4	580,3	277,8	373,9
специальное машиностроение	1235,3	599,7	231,5	323,5
транспортное машиностроение	322,6	172,6	41,9	74,9
электротехническое машиностроение	1131,4	561,5	210,7	285,8
производство измерительных приборов и др.	164,6	84,8	25,3	42,1

Источник: Рассчитано по Чжунго тунци няньцзян: [Статистический ежегодник Китая]. Пекин. 2011. Табл. 5–13; 2016. Табл. 10–10.

Определенное влияние на развитие машиностроения оказали иностранные инвестиции. Только в 2015 г. сумма фактически использованных Китаем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в общее и специальное машиностроение составила 5,351 млрд долл. (табл. 5). Привлечение иностранного капитала способствует преодолению отсталости отечественной техники и технологии, содействует качественному повышению уровня развития машиностроительной промышленности КНР.

Таблица 5

Использование Китаем ПИИ по отраслям в 2015 г.

	Количество объектов, шт	Сумма фактически использованных ПИИ, млн долл
КНР	26575	126266.60
Обрабатывающая промышленность	4507	39542.90
в том числе:		
Общее машиностроение	443	2848.94
Специальное машиностроение	438	2502.35
Текстильная	110	792.30
Химическая	182	2634.39
Фармацевтическая	90	1387.46
Коммуникационное оборудование	507	6855.49

Источник: Годовой обзор состояния и основных направлений внешнеэкономической деятельности КНР в 2015 г. Пекин. 2016. URL: http://91.206.121.217/TrApi/Upload/3459cc1a-36d4-44d0-90d6-f62a4cc03848/Economics_China_2015.pdf

В результате целенаправленной работы по наращиванию производства на совместных предприятиях, созданию экспортно ориентированных производств, мероприятий по повышению качества выпускаемой продукции Китаю удалось достичь высоких показателей в экспорте продукции машиностроения. По статистическим данным, экспорт машиностроительной продукции возрос с 94,9 в 2001 г. до 780,3 млрд долл. в 2010 г. и 1059,1 млрд долл. в 2015 г. Доля экспорта и импорта машиностроительной продукции в общем объеме внешнеторгового оборота Китая в 2015 г. достигла 44,0%⁷.

В целом иностранные инвестиции превратились в важный фактор технического переоснащения промышленности страны, в том числе и машиностроения, повышения ее

конкурентоспособности на мировом рынке. Китай поощряет иностранные инвестиции, привлекает зарубежные предприятия к освоению высоких и новых технологий. Стоит отметить, что за 2011–2015 гг. ПНИ в экономику Китая составили 591,2 млрд долл., или на 39% больше, чем в предыдущем десятилетии. В 2016 г. объем фактически освоенных иностранных инвестиций в стране превысил 130 млрд долл. По этому показателю Китай продолжал сохранять лидерство среди развивающихся стран. В докладе о работе правительства на сессии ВСНП 2017 г. отмечалось, что Китай поддерживает выход на китайский рынок предприятий с участием иностранного капитала и разрешает им участвовать в государственных научно-технических проектах. Было подчеркнуто, что участвующие в программе «Сделано в Китае — 2025» зарубежные предприятия будут пользоваться теми же привилегиями, что и китайские.

Нельзя не отметить, что хотя привлечение передовой зарубежной техники и технологии сыграло определенную роль в ускорении строительства ключевых объектов и технического перевооружения действующих предприятий, оно не повлекло существенного роста качества продукции машиностроения в целом. Существенными ограничителями более активного притока современной зарубежной техники и технологии в машиностроительную промышленность КНР является прежде всего низкая техническая оснащенность предприятий.

В целом следует признать, что в результате строительства новых, расширения и технической реконструкции существующих предприятий, в 2001–2017 гг. база машиностроительной промышленности была существенно укреплена и обновлена. И, как следствие, технический уровень и качество производимой продукции возросли. По заявлению председателя Всекитайской федерации машиностроительной промышленности, свыше 85% всех видов продукции машиностроения потребляется на внутреннем рынке страны. Это говорит о том, что зависимость Китая от импорта передового оборудования снизилась. В настоящее время в отрасли идет процесс дальнейшей замены оборудования более современным, отвечающим новым техническим требованиям.

Если Китай к 2020 г. сможет решить перечисленные выше задачи, то это, как предполагается, позволит ему выйти в число лидеров по многим техническим инновациям.

1. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. С. 219.
2. Справка об инструментах поддержки инноваций и стимулирования спроса на инновации в КНР. URL: innovation.gov.ru/./gosudarstvennoe_regulirovanie_innovacionnoy-2.doc.
3. Коледенкова Н.Н. Машиностроительная промышленность // Основные отрасли и сферы экономики современного Китая / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменов. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 283–284.
4. План урегулирования и возрождения производства машин и оборудования. URL: <http://www.china.zone.ru/1/1n119/html/>
5. Программа «Сделано в Китае — 2025». URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.
6. Там же.
7. China Statistical Yearbook 2016 / Compiled National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm>; Export Value Category of Goods. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/html/1103EN.jpg>; Import Value Category of Goods. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/html/1104EN.jpg>.

История происхождения Хорских княжеств в Восточном Тибете

© 2018

И.Р. Гарри

Автор рассматривает историю Хорских княжеств Восточного Тибета с XIII века до падения Цинской империи (1911 г.) в контексте их взаимоотношений с монголами и маньчжурами. Особое внимание уделяется истории их происхождения, распространению в них буддизма школы Гэлукпа, социально-политической обстановке в княжествах ко времени появления в них первых иностранцев.

Ключевые слова: княжества Хор, Кхам, Восточный Тибет, монголы, маньчжуры, империя Цин.

Княжества Хор — это автономное политическое образование пяти кланов Хор Восточного Тибета, существовавшее с XIII века до падения Цинской империи в 1911 г. Словом Хор в тибетском языке в разные времена обозначались разные понятия. Во времена тибетской империи VII—IX вв. им называли уйгуров, затем оно стало использоваться для монголов империи Чингисхана¹, а позже для таких политий Восточного Тибета, как княжества Хор и 39 племен Хор².

В настоящей статье делается попытка реконструировать историю княжеств в контексте их взаимоотношений с монголами и маньчжурами — народами, сыгравшими большую роль в истории Хорского региона. Статья написана на основе опубликованных китайских и тибетских источников³, отчетов о посещениях Восточного Тибета иностранцами: Уильямом Рокхиллом⁴, Петром Козловым⁵, Эриком Тейчманом⁶, а также полевых материалов автора (ПМА)⁷. Теоретической основой статьи послужила выдвинутая Джеффри Сэмюэлом концепция традиционного Тибета как конгломерата различных социальных и политических организаций (политий) в противовес популярному имиджу Тибета как теократического государства⁸.

Хорские княжества и Большой Тибет

Прежде всего уточним значение слова Тибет — понятия весьма неоднозначного. Ему соответствует тибетское слово Бод, одно из наименований Центрального Тибета,

Гарри Ирина Редисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). E-mail: irina.garti@gmail.com.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РФНФ № 17-01-00117 «Буддизм и национализм во Внутренней Азии».

территории, находившейся под управлением Далай-лам (ныне Тибетский автономный район КНР, ТАР). Кроме того, этим словом обозначается так называемый Большой Тибет (Bod Shepro), или Тибет этнографический⁹. Под ним подразумевается огромная территория, составляющая четверть территории КНР, включающая в себя, помимо ТАР, тибетские автономные округа китайских провинций Сычуань, Цинхай, Ганьсу и Юньнань, большинство из которых никогда не находились под управлением Далай-лам. В соответствии с тибетской традицией эти территории Большого Тибета подразделяются на три больших региона: Уй-Цзан (Центральный Тибет), Кхам и Амдо (Восточный Тибет). Общие названия Тибета на тибетском языке — *Бод* и всех тибетцев — *бодпа* искусственно созданы на основе названия Центрального Тибета и используются, главным образом, по отношению к центральным тибетцам. Китайский эквивалент *бодпа* — *цзанцзу*, который, в отличие от своего тибетского прототипа, охотно используется восточными тибетцами в качестве общетибетской идентификации.

Среди всех тибетцев жители Кхама (*кхампа*) славятся своей независимостью, воинственностью и прямоотой характера. Благодаря многочисленным описаниям путешествий в Тибет о *кхампа* бытовало мнение как о «разбойниках с большой дороги»¹⁰. От них страдали караваны китайских торговцев, монгольских паломников, иностранные научные экспедиции, да и сами тибетцы, принадлежавшие к другим этнотерриториальным группам.

В исследовании Кхама и его обитателей весьма продуктивна, на наш взгляд, концепция множественной природы тибетских обществ Дж. Сэмюэла¹¹, которая подтверждается исследованием Юдру Цзому по Кхаму XIX века. Она пишет: «Контроль и Цинов, и Центрального Тибета над Кхамом был непрямой и номинальным. Различные царства Кхама обладали высокой степенью автономии, а события в регионе контролировались местными интересами. Децентрализованные политии Кхама сохраняли баланс власти в регионе, в котором ни один конкретный вождь не имел власти над всей территорией. В течение большей части истории различные полунезависимые племена, царства и монастырские владения могли сохранять сильное чувство принадлежности к сплоченной и самодостаточной политии, которая управлялась с наибольшей степенью автономии»¹².

Среди этих децентрализованных политий особое место занимали 5 Хорских княжеств¹³: Дранго, Трехор, Кансар, Масур и Бери¹⁴. Они находились на севере Кхама, на территории современных уездов Кандзе (Ганьцзы), Трехор (Лухо) и Тау (Даофу) Тибетского автономного округа Ганьцзы провинции Сычуань в плодородной долине Кандзе верхнего течения реки Ньячу (Ялунцзян), притока Янцзы. Как писал Тейчман: «Эта долина, обычно называемая тибетцами Хорко (долина Хор)... является самой большой культивируемой землей во всем Восточном Тибете. Ее высота чуть больше 11000 футов (3352,8 м). Река Ялун струится по ее середине, фермы, селения и монастыри густо насыпаны по ней. Жители — процветающие и богатые, занимаются как выгодной китайско-тибетской торговлей чаем, так и земледелием»¹⁵.

Население Хорских княжеств отличалось ревностной приверженностью буддизму традиции Гэлукпа, там было самое большое количество гэлукпинских монастырей и самое высокое соотношение монахов, составлявших треть населения¹⁶. В XIX веке в Тибет начали проникать первые иностранцы, из которых только американский дипломат Уильям Рохкилл (1854–1914), член Российского географического общества Петр Козлов (1863–1935) и английский консул в Западном Китае Эрик Тейчман (1884–1944) оставили обстоятельные научные описания социальных и политических процессов Кхама и Хорских княжеств¹⁷. Благодаря их отчетам впервые появились достоверные свидетельства об этой стране и ее обитателях.

Хорские княжества и монголы (XIII—XVII вв.)

Что касается более отдаленных времен, то сведения о Хор, как и Кхаме в целом, скорее легендарны, чем исторически реальны. Некоторые Кхамские политии, как, например, царство Дэргэ, возводят свое происхождение к Ярлунгской династии (VII в.)¹⁸, некоторые, как Хорские княжества, — ко временам завоевания Тибета чингизидами (XIII в.). Каких-либо убедительных подтверждений ни того, ни другого нет. Если история Ярлунгской династии в Центральном Тибете и история взаимоотношений между двором Хубилай-хана и Сакьяскими иерархами более или менее изучена¹⁹, то нельзя сказать того же в отношении кхамских политий. Исторические сведения о Кхаме XIII века, не говоря уже о более ранних временах, очень фрагментарны. Кхам если и был включен в империю Чингисхана, то не входил, в отличие от Центрального Тибета и Амдо, в сферу непосредственных интересов его наследников. Скорее всего, в это время в Кхаме существовали различные автономные княжества, отдельные скотоводческие племена и земледельческие общины²⁰. Большинство населения были последователями добуддийской религии Тибета — Бон, хотя буддизм был известен обитателям региона еще со времен тибетской империи (VII—XIX вв.)²¹. Завоевание монголами Тибета и установление взаимоотношений «наставник — покровитель» придали импульс распространению буддизма традиции Сакьяпа в Кхаме. Известно, что в западном Кхаме существовали Сакьяские княжества Гонжо и Линцанг, в царстве Дэргэ школа Сакьяпа имела очень сильные позиции, хотя его правители также поддерживали тесные связи с Ньингмапой и Кагьюпой²².

Что касается региона Хор, то его возникновение также возводят к эпохе Чингисхана, то есть к XIII в., — времени, когда между чингизидами (Годан-хан, Хубилай-хан) и иерархами школы Сакья из Центрального Тибета (Сакьяпа, Пагба-лама) сложились взаимоотношения «светского покровителя и религиозного наставника». По местным преданиям, Хорские княжества обязаны своим происхождением любви между монгольским принцем из окружения Хубилай-хана и местной девушкой²³. На интегрированном портале Тибетского автономного округа Ганьцзы приводится интересная информация, в которой топонимы из преданий идентифицируются с современными²⁴.

Согласно преданию, племянник и ученик иерарха школы Сакьяпа Пагба-лама проезжал через земли современного округа Ганьцзы, когда следовал по приглашению Хубилай-хана к его двору. На своем пути он давал посвящения местному населению и приметил посреди живописной долины место, подобное драгоценной мандале; ныне там, в поселке Ганьцзы, находится Ханьжэньсы (Китайский монастырь). Он рассказал о нем Хубилай-хану и посоветовал построить там храм дхармапалы и монастырь Ганден. Хубилай-хан послал туда принца Цзиньчжэня (Хоэр Сэвэн) для основания монастыря. Принц, прибыв на место и начав строительство, познакомился с красивой и добросердечной местной девушкой. Молодые люди полюбили друг друга, и девушка вскоре забеременела. Перед своим отъездом из этих краев принц поручил девушку заботам предводителя местности по имени Чжавациннь²⁵. Еще он оставил ему монгольские сапоги и тибетский ковер с просьбой, в случае рождения сына, передать ему эти вещи. В 1278 г. девушка родила мальчика. Его называли Хор Масанбу (тиб. «Нежданный ребенок монгола»). Приводятся также слова предводителя девушке: «В прошлом году Хор Сэвэн оставил сапоги и ковер, смысл этого: сидя на коне, править мирянами, сидя на ковре, править монахами²⁶. Твой сын крови Хор, в будущем племя Хор станет управлять местностью, возьмет в свои руки политическую и религиозную власть в тибетских регионах севера Кхама. Я хочу всю территорию под моим управлением отдать твоему сыну». После этого Чжавациннь якобы сказал членам своей семьи: «Эта чистая прекрасная земля станет святым местом буддизма под управлением клана Хор, а не точкой опоры бон, я же, как можно скорей, ухожу из Ганьцзы в монастырь бон Чжадинцинсы».

По другой версии, Пагба-лама лично основал храм дхармапалы Ханьжэньсы (Китайский монастырь) в Ганьцзы, названный так потому, что был построен на средства казны. Кроме того, ему приписывается основание монастырей Ланцзя в уезде Байюй, Милэсы в уезде Даофу, Чжэнгусы в уезде Кандин²⁷. На наш взгляд, приведенная информация доказывает, что в период монгольских завоеваний²⁸ на территории Хорских княжеств существовало земледельческое население, исповедовавшее религию бон, предводители которого были одновременно бонскими жрецами. Посещение региона Пагба-ламой способствовало началу проникновения буддийского влияния, но нет оснований говорить о каком-либо его укоренении. Судя по источникам, бонская религия продолжала существовать еще три столетия, вплоть до разгрома Гуши-ханом в XVII в. княжества Бери — оплота бон в Кхаме, и продолжает существовать поныне в отдаленных горных местностях²⁹. Что касается легенды о Хор Масанбу, то, вероятнее всего, это реальный исторический персонаж, о его существовании свидетельствуют как само его имя, так и сохранившаяся память о монгольских корнях населения региона, которые могли быть пущены лишь в период монгольских завоеваний.

В течение последующих трех столетий, до XVII в., происходило утверждение представителей клана Хор в качестве правящей знати местного населения. Существуют разные версии генеалогии клана. По одной из них, у Хор Масанбу было три жены и шесть сыновей, от которых распространился род (*Menggu houdai*). Палджор Пунцог же пишет, что трое жен и шестеро сыновей было у 7-го потомка Хор — Намкха Гьялцена, и приводит линию преемственности клана в следующей последовательности: Хор Масанбу (*Hor ma bsam bu*), Хор Накджа (*Hor nag 'ja'*), Аргья (*A rgyas*), Бум Гэгья (*'Bum dge rgyas*), Ламакьяп (*bLa ma skyabs*), Намка Лосанг (*Nam mkha' blo bzang*). У последнего было двое сыновей: Хор Намка Гьялцен (*Hor nam mkha' rgyal mtshan*) и Намка Осер (*Nam mkha' od zer*), и он разделил между ними земли на две части. У Хор Намка Гьялцена было три жены и шестеро сыновей. От старшей жены родились Ванлу (*dBang lu*) и Нгаванг Пунцок (*Ngag dbang dpal bzang*), от средней — Ванпо (*dBang po*) и Кенпо Сакьонг Нгаванг Пелсанг (*mKhan po sa skyong ngag dbang dpal bzang*), от младшей — Одчунг (*'Od chung*) и Лосанг Тэнзин (*bLo bzang bstan 'dzin*)³⁰.

Так это или иначе, но точно известно, что раздел владений между потомками клана Хор привел к образованию так называемых 5 княжеств Хор — Дранго, Кансар, Масур, Трехор и Бери — весьма любопытному политическому образованию Кхама, в котором наследование передавалось не на земли, а на находившиеся у предводителей в подчинении семьи. Так как между княжествами не было четких границ, находившиеся в одном месте семьи могли относиться к разным княжествам³¹.

Среди наследников клана Хор больше всех прославился второй сын Намкха Гьялцена из 8-го колена Хор — Нгаванг Пунцог³². В китайских источниках приводится только краткая информация о том, что по поручению V Далай-ламы он построил в Кхаме в 1660-х годах 13 Хорских монастырей Гэлукпы³³. Сведения о Нгаванг Пунцого содержатся в автобиографии V Далай-ламы³⁴.

Эта информация обнаруживает, что жизнь Нгаванг Пунцога пришлось на самый турбулентный период средневековой истории Тибета. Центральный Тибет впервые после Ярлунгской династии объединился под властью иерарха Гэлукпы — V Далай-ламы Нгаванг Лобсан Гьяцо (1617–1682). Своим возвышением Далай-лама всецело обязан своему ревностному последователю — предводителю монголов-хошутов Гуши-хану (1582–1654), который завоевал Амдо, Кхам и Центральный Тибет и преподнес их своему религиозному наставнику в качестве дара³⁵. Важным в нашем контексте является то, что Гуши-хан в 1639 г. совершил поход в Кхам против царя Бери, союзника царя Цзана и приверженца Бон. Бери же, как известно, частично вошло в состав 5 княжеств Хор и частично — в царство Дэргэ. При таких обстоятельствах Нгаванг Пунцог и его сородичи, буду-

чи потомками монголов, стали наряду с различными монгольскими и амдосскими племенами приверженцами Далай-ламы и Гуши-хана.

Таким образом, Нгаванг Пунцок, получив в 1654 г. посвящения V Далай-ламы, прибыл в Кхам и в 1655 г. при поддержке князя Дэргэ основал на севере Кхама первый гэлукпинский монастырь — Гонсар, став его первым перерожденцем (*тулку*). Затем, сделав Гэнсасы материнским монастырем, начал строить другие монастыри и распространять влияние Гэлукпы в Кхаме. Эти монастыри получили название 13 монастырей Хор. Они располагались на территории современных уездов Дэргэ (кит. Дэгэ), Кандзе (кит. Ганьцзы), Трехор (кит. Лухо) и Тау (кит. Даофу). По разным версиям, названия монастырей отличаются. Согласно Пелджор Пунцок, это монастыри: 1. Кандзе Таши Даргье Норбу Линг (*Dkar mdzes bkra shis dar rgyas nor bu'i gling*), 2. Дза Гонсар Таши Гаден Чойпел Линг (*Rdza dgon sar bkra shis dga' ldan chos 'phel gling*), 3. Дза Гаден Самдуп Линг (*Rdza dga' ldan sam 'grub gling*), 4. Дракчок Гон Гаден Пелгье Линг (*Brag lcog dgon dga' ldan 'phel rgyas gling*), 5. Таши Даргье Пунцок Линг (*Bkra shis dar rgyas phun mtshogs gling*), 6. Канмар Самдуп Гон (*Khang dmar bsam 'grub dgon*), 7. Шинкок Чокри Гон (*Shing khog lcog ri dgon*), 8. Ньика Ньягон (*Snyi mkha' gnya' dgon*), 9. Дранго Гаден Намгьял Линг (*Brag 'go dga' ldan rnam rgyal gling*), 10. Тау Ньенцо Гон (*Rta'u gnyan mtsho dgon*), 11. Бери Дропен Линг (*Be ri 'gro phan gling*), 12. Цицанг Гаден Чойджор Линг (*Rtisi tshang dga' ldan chos 'byor gling*)³⁶. Названия 13-го монастыря нет в списках. Пелджор Пунцок сообщает, что он находился в местности Дракчок (*Brag lcog*).

Самыми большими и влиятельными стали монастыри Даргье (*Dar rgyas*, кит. Дацзинь), Кандзе (*Dkar mdzes*, кит. Ганьцзы), Ньенцо (*Gnyan mtsho*, кит. Линцюзэ) и Дранго (*Brag 'go*, кит. Шоулин)³⁷. Не вызывает сомнения, что распространение монастырей Гэлукпы в Кхаме так же, как и в Амдо, произошло исключительно благодаря поддержке Гуши-ханом V Далай-ламы. Впоследствии влияние 13 монастырей Хор в политическом, экономическом и даже военном отношении все более возрастало, они сыграли большую роль в распространении Гэлукпы во всем Кхаме различными способами, в том числе через подавление или насильственное преобразование монастырей Бон и «красной традиции» в «желтую».

Таким образом, можно сказать, что к середине XVII в. произошли основополагающие события в становлении хорской идентичности: утверждение клана Хор в качестве светских предводителей местного населения, образование 5 княжеств Хор и принятие ими буддизма традиции Гэлукпа. Монгольский фактор имел большое влияние в регионе в XIII и XVII веках. Китайские источники отмечают, что вторжению Гуши-хана в 1639 г. сопутствовало массовое(?) переселение монголов-хошутов в Кхам³⁸. Однако в течение последующих веков эти монгольские пришельцы практически полностью ассимилировались. Когда экспедиция Петра Козлова появилась в регионе в 1900 г., она нашла в некоторых кхамских политиях, как, например, в царстве Лхаток, население, еще помнившее о своих монгольских корнях, но забывшее язык и полностью перенявшее тибетскую культуру³⁹. Процесс тибетизации автохтонных и пришлых этнических групп на окраинах тибетского культурного мира отмечался многими исследователями. Джеффри Сэмюэл писал: «Возможно, что современное тибетское население Кхама является результатом подобных процессов тибетизации, начиная с XVII в. или раньше»⁴⁰. Вполне очевидно, что главным фактором ассимиляции было принятие этими группами тибетского буддизма и отказ от своих автохтонных верований.

Хорские княжества и Цинская империя (1644–1911)

Когда Нгаванг Пунцог устанавливал контакты с Великим V Далай-ламой и Гуши-ханом и строил 13 гэлукпинских монастырей, во Внутренней Азии появился новый грозный игрок в лице маньчжуров, образовавших в 1644 г. на территории минского Ки-

тая империю маньчжурских императоров династии Цин. В период ее правления несколько раз перекраивалась карта этнографического Тибета. Первый раз это произошло в 1727 г. после того, как Цины, изгнав джунгаров из Центрального Тибета, установили над ним номинальный протекторат (*loose protectorate*)⁴¹. Граница между Китаем и Тибетом была установлена на перевале Бум Ла по руслу Янцзы. «Страна на запад от этого пункта отдавалась во власть Далай-ламы под сюзеренитетом Маньчжурского императора, а тибетские вожди княжеств и племен к востоку получали печати полунезависимых владений (*feudatories*) Китая»⁴². Соответственно регионы Чамдо, Драяб и Маркам оказывались на стороне владений Далай-ламы, а Дэргэ, Хорские княжества и Ньяронг — под Цинским контролем.

Лхасское правительство тем не менее продолжало оказывать религиозное влияние на регионы к востоку от Янцзы. Главные монастыри Центрального Тибета назначали настоятелей и собирали налоги в своих дочерних монастырях, все 13 монастырей Хор имели тесные связи с лхасским правительством, а их монахи обучались в великих лхасских монастырях⁴³. В остальном же вовлечение Лхасы в дела Кхама было чисто номинальным. Что касается Цинов, то они контролировали кхамские политии к востоку от границы посредством системы *тусы*, то есть наделяли местных вождей различными титулами, тем самым легитимируя их в непрямой системе имперского управления (по старой схеме «использования варваров для управления варваров» [*ки и чжи и*])). По мнению Юдру Цзому, как отмечалось выше, контроль Цинов и Центрального Тибета в Кхаме был непрямой и номинальным. Децентрализованные политии Кхама обладали высокой степенью автономии, и политика в регионе определялась местными интересами. «Кхам являлся непримиримой буферной зоной между Центральным Тибетом и Цинским Китаем»⁴⁴. С этим выводом трудно не согласиться. Такая система была по-своему идеальной для местных политий. Балансируя между центрами силы в Центральном Тибете и Китае и сохраняя баланс сил в регионе, их вожди могли управлять своими владениями по собственному усмотрению.

Это особенно верно для Хорского региона. Кажется, что время с середины XVII до середины XIX века было для Хорских княжеств самым спокойным в их истории, когда они могли сполна отдаваться делам своей собственной страны, с одной стороны, и свободно ездить на поклонение в Лхасу и заниматься выгодной торговлей с Китаем, с другой. За это время Хорские княжества несмотря на извечные междоусобицы с соседями и между собой⁴⁵ смогли сформироваться как регион очень самобытной культуры, отличительными признаками которой стали тесное переплетение светской и религиозной власти, воинственное население, развитое сельское хозяйство, материальный достаток, замечательная архитектура, особый диалект⁴⁶ и, главное, исключительное место монастырей в политической, экономической, социальной и военной сферах жизни местного населения.

Относительно спокойное существование Хорских княжеств, как, впрочем, и всего Кхама, было нарушено возвышением на юго-западе страны амбициозного лидера Ньяронга — Гонпо Намгьяла, который в 1860 г. расстроил равновесие сил в Кхаме, завоевав соседние территории, включая Дэргэ и 5 Хорских княжеств⁴⁷. Предводителям Дэргэ и 5 княжеств пришлось обратиться к Цинам и Лхасе с просьбой о помощи. В то время как первые, занятые подавлением тайпинского восстания внутри страны, не имели возможности восстановить прежний порядок, Лхаса воспользовалась этими обстоятельствами и подавила ньяронгцев. Гонпо Намгьял отчаянно сопротивлялся, но был в итоге сожжен с семьей в замке Ньяронга. Лхаса после победы навязала в 1865 г. свой контроль над Ньяронгом и, в меньшей степени, над Дэргэ и 5 княжествами Хор. Так изменилась карта Восточного Тибета во второй раз.

С этого времени изоляция, столь ревностно культивируемая всеми восточно-тибетскими политиями, дала брешь. После поражения Гонпо Намгьяла Хорские княже-

ства были вынуждены терпеть присутствие лхасских чиновников, затем, после казни в Дранго двух своих соплеменников цинским таотаем Цин Шанем в 1883 г.⁴⁸ — китайский военный пост, а вслед за этим — все учащавшиеся визиты иностранцев. Об этом периоде имеются достоверные сведения из первых рук: записки американского дипломата Уильяма Рокхилла, в 1889 г. проникшего в Кхам, находившийся под контролем властей Сычуани, с Джекундо (территории, бывшей в номинальном подчинении Сининского амбана).

Рокхилл оставил уникальный по богатству материала и научной ценности отчет о своем путешествии. В нем, помимо прочей важной информации, впервые появились разносторонние сведения о Хорских княжествах. Так, согласно запискам Рокхилла, сами жители называли свои княжества 5 кланов Хор (*Horse k'a nga* — *Kangsar, Mazur, Berim, Chuwo, Chango*)⁴⁹. Население составляли около 8000 семей, или 35000 душ, среди которых было 8–10 тысяч лам. Самый большой регион *Chango* (Дранго) насчитывал 14000, самый маленький *Berim* — всего 1500. Во главе княжеств стояли их предводители (*Deba*), власть которых передавалась по наследству. Регион являлся вторым после Дэргэ по численности населения и богатству в Восточном Тибете.

В своих записках Рокхилл не один раз отмечает красоту местности, сравнивая ее пейзажи со швейцарскими: «В Рибо начинается сад этой части Тибета — плодородная долина *Rungbatsa*; и деревни так же густо рассыпаны по стране, как в Швейцарии. Вокруг каждой растут прекрасные вязаи и другие деревья, стены и живые изгороди окружают поля, на которых горох, ячмень и пшеница на месяц опережают то, что я видел в Дэргэ»⁵⁰. Отмечает приятный внешний вид обитателей княжеств: «Люди здесь одни из самых привлекательных, что я видел в Тибете; они меньше, чем на севере и в Центральном Тибете, и у них менее тяжелые черты; не редкость орлиные носы, ореховые глаза и курчавые или волнистые волосы. Женщины выглядят особенно хорошо, и естественной милливидности людей немало способствуют яркие наряды и серебряные украшения»⁵¹.

Большой интерес вызывает описание Рокхиллом встречи с жителями Кандзе. Так, путешественники нашли приют в маленьком помещении одного китайца, далее автор пишет: «Не успели мы проглотить свою еду, как оказалось, что улица перед домом была окружена людьми, а также каждая крыша дома, всем не терпелось увидеть только что прибывших троих подозрительных путников. Особенно наглыми и вне себя от ярости были ламы». Толпа ворвалась в их комнату и пыталась силой вытащить и выгнать из города. Если бы не своевременное посредничество китайского лейтенанта Лу Минъяна, заверившего предводителя Кандзе, что Рокхилл — сининский чиновник на пути в Чэнду, последнему вряд ли удалось избежать больших неприятностей»⁵².

Лу Минъян, как пишет Рокхилл, был до крайности удивлен тем, что тот смог пересечь страну. Для обеспечения безопасности в дальнейшем передвижении китайский офицер предоставил ему сопровождение из четырех своих солдат. Рокхилл пробыл в Кандзе три беспокойных дня⁵³. За это время он собрал много сведений, в том числе отмечал, что в городе проживало около 80 китайцев, большая часть которых были торговцами, остальные — солдаты находившего там военного поста под командованием лейтенанта. Всего в той части Кхама, что находилась в ведении Сычуаньского губернаторства, было шесть военных постов: три на тракте из Дацзяньлу в Лхасу — в Ньячука, Литане и Батане, и три на тракте из Дацзяньлу в Джекундо — в Тайлинге (Ката), Тау и Кандзе (два последних пункта в Хорских княжествах). Рокхилл отмечал, что ни разу не видел вооруженных солдат, хотя они, по их же словам, получали в Дацзяньлу луки и стрелы, а также у них имелись собственные сабли. Офицеры, служившие на военных постах, не имели никакой власти над местными вождями, в их обязанности входили охрана и администрирование торговли, мониторинг обстановки и сопровождение приезжавших чиновников и военных. Чиновник (*T'ung shih*) из Чэнду приезжал один раз в год для сбора «лошадиного налога» — единственного сбора с каждого семейства китайскому правительству.

ву; один раз в пять лет вожди посылали миссию с «маленькой данью» в Чэнду и один раз в десять лет — с большой данью в Пекин. В военном пункте Кандзе служил один лейтенант, под его командованием находились один клерк, один переводчик и 20 солдат⁵⁴.

Такими застал Рокхилл Хорские княжества в 1889 г. Через 11 лет, в 1900 г. там появились члены российской экспедиции под руководством Петра Козлова⁵⁵. Экспедиция в составе 20 человек проникла в Кхам так же, как и Рокхилл, с севера из Цайдама, пройдя через кочевья голоков и перевалив водораздел Янцзы и Меконга. На запрос Козлова тибетским властям о разрешении пройти в Лхасу оттуда последовал строжайший запрет под страхом смертной казни⁵⁶. Но Козлов все же решил сделать попытку прорваться в Чамдо, которая окончилась вооруженным столкновением между тибетцами и русскими. В результате тибетская сторона потеряла убитыми 23 человека и 17 ранеными, в то время как все россияне остались целы. Козлов писал по поводу инцидента: «...Против нас, маленькой горстки русских людей, в глубине Тибета, неожиданно-негаданно, восстали его обитатели, подстрекаемые ламами многочисленных монастырей, но главным образом Чамдо и его верховным представителем Пагпалой. С большой поспешностью удалось успешно сплотить свой караван и, заняв позицию, очистить себе дорогу. Скорострелки вернее всякого китайского паспорта обеспечили лучший для нас исход дела. Тибетцы бросились бежать...»⁵⁷.

Зиму экспедиция провела в царстве Лхаток. Не трудно представить, какой ажиотаж вызвало пребывание вооруженной экспедиции в регионе⁵⁸. Видя неприятие местного населения и опасность, связанную с нахождением в столь далеком и враждебном окружении, Козлов решил отступить от своих первоначальных планов и принять решение о возвращении, но другим путем — на этот раз через царство Лин. Неожиданное обстоятельство, однако, позволило Козлову сделать еще одно рискованное предприятие — вылазку в Хорские княжества. Этим обстоятельством был приезд к Козлову послов от самого Далай-ламы. Убедившись, что это русские, а не англичане, послы передали Козлову привет от Далай-ламы и принесли извинения за то, что не пустили в Лхасу⁵⁹.

Козлов, немало обрадованный столь неожиданным визитом послов, заручился их помощью для организации поездок в Хорские княжества и Дэргэ. Понимая после многочисленных столкновений с местным населением, что не может быть и речи об участии в вылазке русских, он решил послать в Хор члена экспедиции, бурятского казака Цокто Бадмажапова⁶⁰ и двоих цайдамских монголов-переводчиков Дадаю и Чагдура, которых согласились сопровождать один лхасский и один дергэсский чиновники *хондо* из свиты тибетского посольства. Предлогом для поездки стали отправка через китайские власти в Кандзе корреспонденции и пополнение запасов экспедиции для обратного похода на Цайдам. Козлов предполагал, что поход займет не меньше двух недель. Посланный отряд, однако, вернулся на пятый или шестой день, не задержавшись в самом городе даже на одну ночь.

Так, «в последний день истекавшего марта месяца пестрый и нарядный разъезд с Бадмажаповым во главе двинулся в Хор-гамдзэ»⁶¹. На третий день отряд приблизился к Кандзе, и Бадмажапов послал с паспортами лхасского *хондо* предупредить власти о своем приезде и найти квартиру для постоя. Спустя некоторое время Бадмажапов со своими спутниками въехал в город. Их приезд вызвал в городе настоящий бунт. Бадмажапов остановился в доме лхасского чиновника-ламы, однако посредничество лхассцев не могло сдержать негодования местных жителей. Когда лама вышел из дома, чтобы связаться с китайцами, туда ворвалась возбужденная толпа, вооруженная саблями. Бадмажапов пытался объяснить им с помощью лхасского *хондо*, что он прислан сюда за покупками и имеет при себе паспорта от китайского императора и лхасских властей, на что получил следующий ответ: «Паспорта твои для нас ничего не значат, мы плюем на далай-ламу и знать его не хотим, так как он сам в Лхасу вас не пустил и требовал того же от нас, а между тем теперь посылает *пилинов* (иностранцев. — И.Г.) к нам, да еще в со-

провожении своих людей. Богдохана мы презираем еще больше; он выдает *пилинам* паспорта, а сам пешком удирает от них из столицы в Си-ань-фу. Изменники оба и далай-лама, и богдохан, мы еще раз плюем на них и бросаем им в глаза пепел. Вы же немедленно убирайтесь, если хотите остаться живыми, иначе будете перерублены!»⁶².

Бадмажапов в течение нескольких часов тщетно ожидал ламу, всяческими отговорками пытаясь утихомирить ярость нападавших. Но, как оказалось впоследствии, лхасец не мог протиснуться обратно сквозь толпу, занявшую все ближайшие улицы и крыши домов. В конце концов, не в силах более противостоять напору наступающих и угрозам расправы, Бадмажапов принял решение уходить. Подняв револьвер и угрожая пустить его в ход, он насилу вырвался из толпы. У ворот он увидел своих спутников-монголов Даая и Чагдура, лхасца, проводников и избитого дэргесского *хондо* с «лицами, почерневшими от ужаса». Отряд вскочил на своих лошадей и направился вон из города, вдогонку летели крики и камни, толпа бежала за ними до черты города, а отряд конных тибетцев следовал до селения Тэвунго, где Бадмажапов остановился на ночлег. «Все, за счастливым исключением Бадмажапова, были побиты; особенно серьезно пострадал дэргэский хондо, который был жестоко избит еще тогда, когда Бадмажапов сидел в фанзе; его несчастного били беспощадно и таскали по земле за длинные волосы; в конце концов отняли саблю и шаль, повязываемую вокруг головы»⁶³.

Вот так окончилось это рискованное предприятие, после которого вопрос об отправке Бадмажапова в Дэргэ отпал сам собой. На обратном пути он смог собрать некоторые сведения о стране, они в целом повторяют сведения Рокхилла, поэтому мы не будем на них останавливаться. Этот эпизод краткого, но драматического посещения Бадмажаповым Кандзе на рубеже прошедших веков дает нам возможность мельком взглянуть на самобытную жизнь далекой окраины тибето-китайского приграничья в 1900 г. и убедиться, что в то время она представляла сильное автономное политическое образование Восточного Тибета.

Однако все усиливавшееся англо-русское вмешательство в тибетские дела, особенно английская вооруженная экспедиция в Центральный Тибет в 1904 г., в результате которой Далай-лама бежал в Монголию, заставило Цинов пересмотреть свою политику в приграничных регионах⁶⁴. Она ознаменовалась учреждением поста имперского резидента в Чамдо, в обязанности которого ставилось приведение региона под прямой контроль цинского правительства. Не сложно догадаться, что попытка китайских властей вмешаться в местные дела привела к самому ожесточенному сопротивлению региона, в котором монастыри стали очагами мятежа. Однако назначение имперским резидентом таотая Чжао Эрфэна в 1905 г. обеспечило победу империи над восставшим регионом. С этого времени вплоть до падения Цинов в 1911 г. Чжао Эрфэн стал ключевой фигурой в регионе. Он огнем и мечом прошелся по тибетским землям, не выбирая средств для усмирения. Его непомерная жестокость в разрушении монастырей до основания и массовых казнях бунтовщиков заслужила ему прозвище мясника Чжао. Один за другим пали Батан, Дэргэ, Чамдо, Драя и Маркам. 12 февраля 1910 г. цинская армия вошла в Центральный Тибет, заняла Лхасу. Далай-лама бежал в Индию. Когда практически весь Восточный Тибет был в руках Чжао Эрфэна, ему оставалось послать военную экспедицию в Кандзе, чтобы Хорские княжества, сопротивлявшиеся два года назад, сдались на этот раз без боя. Так, к августу 1911 г. в Восточном Тибете не осталось ни одного тибетского правителя, карта Восточного Тибета была изменена в третий раз, а в планах Чжао Эрфэна было превратить регион в китайскую провинцию под названием Сикан. Но в феврале 1912 г. пала Цинская империя и вместе с нею ее жестокий наместник, убитый революционерами в том же году. В Восточном Тибете началась новая эра ожесточенной борьбы восточно-тибетских политий за свою независимость.

Итак, наш анализ показал, что начало истории Хорского региона можно отнести к XIII веку — времени принятия чингизидами буддизма традиции Сакьяпа. Оно связано с именем монгольского принца Хор Масанбу, потомки которого стали правящей элитой региона. К XVII веку относится разделение потомков Хор Масанбу на пять колен и возникновение 5 Хорских княжеств. Среди потомков монгольского принца особый вклад в формирование хорской идентичности внес Хор Нгаванг Пунцог, ставший последователем V Далай-ламы и Гуши-хана и построивший 13 монастырей Гэлукпы. Возвышение на востоке маньчжуров и образование империи Цин не оказали какого-нибудь заметного воздействия на жизнь региона, наоборот, в этот период Хорские княжества смогли сформироваться в качестве сильного автономного политического образования Восточного Тибета, управлявшегося своими предводителями в соответствии с внутренними интересами. Такое положение было нарушено в 1863 г. из-за недальновидной политики Гонпо Вангьяла в соседнем Ньяронге, после чего регион переходил под номинальный контроль то Лхасы, то Пекина. С этого же времени начинается последовательное проникновение иностранцев в регион в лице английских и русских исследователей-разведчиков, что побудило Цинскую империю в самом конце своего существования завоевать Восточный Тибет де-факто. Тем не менее, очевидно, что, несмотря на все усилия центральных тибетцев, маньчжуров и иностранных держав подчинить регион своему влиянию, ко времени падения Цинской империи в 1911 г. Восточный Тибет и Хорские княжества, в частности, продолжали оставаться непримиримой территорией «сражающихся царств».

1. *Stein R.A.* Tibetan Civilization. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1972. P. 34.
2. См.: *Karmay S.G.* The Thirty Nine Tribes of Hor: A Historical Perspective (Paper presented at the conference on Myth, Territoriality and Ritual in Tibetan Areas, Vienna, 2–5 Dec. 1999) // *Karmay S.G.* The Arrow and the Spindle: Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. Vol. 2. Kathmandu: Mandala Book Point, 2014. P. 181–210.
3. *Китайские и тибетские* в смысле языка, на котором написаны источники, а не в идеологическом или каком-либо другом плане.
4. *Rockhill W.W.* The Land of the Lamas: Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet. NY: Century, 1891.
5. *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1906.
6. *Teichman E.* Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge: Cambridge University Press, 1921.
7. Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиция в Тибетский автономный округ Ганьцзы, пров. Сычуань, КНР. Летние месяцы 2012–2015 гг.
8. См.: *Samuel J.* Tibet as a Stateless society and some Islamic Parallels // *Journal of Asian Societies*. 1982. Vol. 41(2). P. 215–229.
9. Я использую этот термин вслед за тибетологом Мелвином Голдстейном, см.: *Goldstein M.C.* The Snow Line and the Dragon. China, Tibet and the Dalai Lama. Berkeley (LA): University of California Press, 1997. P. XI.
10. См., например: *Kawaguchi E.* Three Years in Tibet. Delhi: Books Faith India, 1995; *Цыбуков Г.Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета: Избр. тр. Т. 1. Новосибирск, 1981; *Harrer H.* Seven Years in Tibet. NY: Putnam Books, 1996.
11. *Samuel J.* Tibet as a Stateless society... P. 218.
12. *Yudru Tsomu.* The Rise of Gõ nro Namgyal in Kham: The Blind Warrior of Nyarong: Studies in Modern Tibetan Culture. Lanham: Lexington Books, 2014. P. 30.
13. Существуют два вида традиционного тибетского обозначения правителей политических образований Кхама: гьялло (rgyal po) и дэпа (sde ba). Первое на английский язык обычно переводят

- как *king* (царь), соответственно его владения как *kingdom* (царство). Второе обычно переводят как *chief* (предводитель или вождь), соответственно его владения как *state*, на русском языке, по нашему мнению, будет более подходящим передать как княжество.
14. Dranggo (кит. Zhanggu), Khangsar (Kangsa, Kongsas), Mazur (Mashu), Trehor (Zhuwo), Beri (Baili). *Teichman E.* Op. cit. P. 75.
 16. *Zhou Xiyang, Jia Guangrong.* Zangchuan fojiao siyuan ziliao xuanbian: [Selected materials on the Tibetan Buddhist Monasteries]. Chengdu: Sichuan sheng minzu shiwu weiyuanhui, 1989. P. 81. -
 17. *Rockhill W.W.* Op. cit.; *Козлов П.К.* Указ соч.; *Teichman E.* Op. cit.
 18. *Yudru Tsomu.* Op. cit. P. 5.
 19. См., например: *Shakabpa Ts. W.D.* Tibet. A Political History. Yale University Press, 1967; *Wang Furen.* Meng-Zang minzu guanxi shilue. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1985; *Tucci G.* The Tombs of Tibetan Kings. Roma, 1950 (Serie Oriental); *Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005.
 20. *Samuel J.* Civilized shamans: Buddhism in Tibetan societies. Washington: Smithsonian Institution Press, 1993. P. 68.
 21. Например, некоторые монастыри Кхама, как, например, Лхаган в уезде Кандин, связывают свое происхождение с событиями следования кортежа принцессы Вэнь Чэн ю двору царя Трисонг Дэвцзэна через территорию Кхама (ПМА). Одним из самых ранних буддийских монастырей уезда Ганьцзы считается нингмапинский монастырь Като в уезде Байюй, основан в 1132 г. См.: *Ran Guangrong.* Zhongguo Zangchuan fojiao siyuan: [Tibetan Buddhist Monasteries in China]. Beijing: Zhongguo Zangxue chubanshe, 1994. P. 101.
 22. *Yudru Tsomu.* Op. cit. P. 38.
 23. См. *Пелджор Пунцог.* Chossde chenpo гTau Nyin mtsho dgonpa 'i lorgyus dang brag dkar gnyis kyi gnasyig sogs bzhugs so / dPal 'byor phun tshogs: [История монастыря Нинцо-гонпа]. Книга написана монахом монастыря и издана без каких-либо выходных данных. В ней собраны различные предания об образовании Хорских княжеств и монастырей и сведения о Нинцо-гонпа. Автор рада возможности выразить глубокую признательность Радна-ламе, проректору Буддийского университета Даши Чойхорлинг (Иволгинский дацан, Бурятия) за устный перевод книги с тибетского языка. Предание о монгольском принце в различных вариантах известно многим жителям региона (ПМА).
 24. Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zHEME LAIDE // Ganzi xinwenwang. 01.03.2016. URL: <http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html>.
 25. Отмечается, что согласно бонскому источнику *Бэньцзяо юаньюань минцзин цзицзай* его также называли Чжадунь и что он построил 20 бонских монастырей по обоим берегам Ялунцзана.
 26. Тут, по всей видимости, имеется в виду характерное для многих тибетских политических сращений политической и религиозной власти (тиб. *chos-srid zung-'brel*, кит. *zhengjiao heyi*).
 27. *Ganzi Zangzu zizhizhou gaikuang.* Chengdu: Sichuan minzu chubanshe, 1986. P. 41.
 28. Мы не говорим о периоде правления династии Юань (1271–1368), как обычно пишется в китайских источниках, так как отношения между Хубилай-ханом и Пагба-ламой начались раньше провозглашения Юань.
 29. Полные списки буддийских и бонских монастырей округа Ганьцзы см.: *Zhou Xiyang, Jia Guangrong.* Op. cit.
 30. *Пелджор Пунцог.* История монастыря Нинцо-гонпа. С. 8.
 31. Например, в поселке Кандзе находились ставки предводителей Кансар и Масур, а в поселке Тау, что к востоку от Трехор, жители подчинялись предводителю Кандзе. Подробнее см.: *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 253.
 32. Пелджор Пунцог сообщает, что Нгаванг Пунцог родился в 1668 г., в 9 лет стал учеником Далай-ламы, и ему было 15 лет ко времени смерти Далай-ламы в 1682 г. См.: *Пелджор Пунцог.* История монастыря Нинцо-гонпа. С. 9.
 33. *Zhou Xiyang, Jia Guangrong.* Op. cit. P. 169, 185, 205.
 34. *The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama / S.G. Karmay; transl. by R. Jansen.* Chicago: Serindia publications, 2015. P. 321, 454–455. В китайском интернете также встречается информация, что Нгаванг Пунцог в 7-летнем возрасте был послан в Лхасу, там стал учеником V Далай-ламы, в 1655 г. вернулся в Кхам, построил 13 Хорских монастырей, умер в 1685 г. в возрасте 77 лет. См.: *Huoer ji Huoer shisan (si) de youlai // Xinxian shenghuo luxing.* 26.03.2014.

- URL: <http://www.51fresh.com/article191.html>. Подтвердить или опровергнуть эту информацию не представляется возможным.
35. См.: *Wang Furen*. Op. cit.; *Shakabpa Ts. W.D.* Op. cit.; 1967, *Karmay S.G* The Fifth Dalai Lama and his Reunification of Tibet // *Karmay S.G* The Arrow and the Spindle... Vol. 1. 2009. P. 503–517.
 36. К сожалению, мы не смогли идентифицировать все названия, сравнивая их с китайскими источниками, вследствие наличия больших расхождений в источниках. Напр., следующий перечень: Дацзинь (Даргье), Ганьцзы (Кандзе), Байли (Бери), Дунгу, Чжагун, Санчжу (Самдуп), Кума, Цзюэжи, Линцюэ (Ньенцо), Хуэйюань, Цзешу, Гэнша (Гонсар), Шоулин дан по: *Ran Guangtong* Op. Cit. P. 107. (В скобках мы добавили тибетские названия, идентифицированные со списком Пелдзор Пунцога).
 37. Из них автор посещала монастыри Кандзе и Тау, разговоры с монахами и местным населением стали важной частью понимания истории и современного положения региона.
 38. *Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zHEME laide* // *Ganzi xinwenwang*. 01.03.2016. URL: <http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html>.
 39. Козлов пишет, что лхадосцы во время его посещения все еще считали себя монголами-шарайголами. По этой причине они не дружили со своими соседями — Дэргэ, Чамдо и Гонжо (Гончжур — по Козлову), но имели дружеские отношения с населением царства Нанчен, которое считали родственным по происхождению, то есть такими же монголами-шарайголами. См.: *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 421.
 40. *Samuel J.* Civilized shamans... P. 85. См. также: *Karmay S.G* The Thirty Nine Tribes of Hor...
 41. *Goldstein M.C.* Op. cit. P. 12–16.
 42. *Teichman E.* Op. cit. P. 2.
 43. *Yudru Tsomu.* Op. cit. P. 24.
 44. *Ibid.* P. 30.
 45. Собственно, междоусобицы, угон скота у соседей, грабежи караванов были частью обычных социальных практик Восточного Тибета, о чем свидетельствуют многочисленные источники.
 46. Особый диалект Хор, особенно в Тау, отмечался всеми ранними путешественниками. Рокхилл писал: «Язык, на котором здесь говорят, замечательная смесь тибетского и китайского и с трудом понимается жителями Кандзе, не столько с точки зрения местных выражений, сколько из-за особого акцента и интонаций», см.: *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 263. Лингвисты говорят о кластере языков, которые называются Stau, Ergong или Ногра, см.: *Jacques G, Lai Yunfan, Antonov A. and Lobsang Nima.* Stau (Ergong, Ногра). URL: https://www.academia.edu/12321947/Sketch_of_Stau. В настоящее время, видимо, из-за сильных диалектальных различий представителям различных этно-локальных групп легче говорить между собой на китайском, поэтому распространение китайского языка происходит намного быстрее, чем в других регионах Кхама.
 47. *Teichman E.* Op. cit. P. 5. См. также: *Yudru Tsomu.* Op. cit.
 48. Рокхилл в своей книге приводит официальный доклад властей Сычуани цинскому императору по поводу этого инцидента, представляющий собой чрезвычайно интересный документ как в историческом, так и этнографическом плане. В нем описывается ссора между предводителями кланов Кансар и Трехор по поводу женитьбы их отпрысков, которая приводит к смертельной вражде и войне между кланами, к которой присоединяется по разные стороны конфликта все население Хорского региона. Конфликт удается уладить только с помощью китайских властей и войск (300 человек), присланных из Сычуани. Все стороны конфликта остаются удовлетворенными, обе девушки благополучно выходят замуж, а зачинщиков, близких монастырю Чжангу (тиб. Дранго), приговаривают к казни и обезглавливают. Комментируя инцидент, Рокхилл отмечает, что, по словам его знакомого китайского лейтенанта, истинной причиной вовлечения китайских властей в конфликт было желание прекратить инспирируемые ламами нападения на китайцев. См.: *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 253–255.
 49. Здесь во избежание путаницы написание приводится согласно Рокхиллу.
 50. *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 236.
 51. *Ibid.* P. 243. Рокхилл приводит много других интересных этнографических деталей из быта хорцев (одежда, праздники, торговля и т.д.), на которых мы не можем здесь остановиться, чтобы не отклоняться от темы.
 52. *Ibid.* P. 240.
 53. На второй день его пребывания в городе, 12 июля, был большой праздник, на который собрались все люди округа на «скачки, выпивку, борьбу и флирт». С одной стороны, это немного ос-

- лабило ажиотаж вокруг пришельцев, с другой, представило дополнительную опасность оказаться жертвой больших сборищ выпивших людей. На третий день, пишет Рокхилл, к ним стали относиться так же, как к другим китайцам. См.: *Rockhill W.W.* Op. cit.
54. Ibid. P. 221–222.
55. Отчет экспедиции по Монголии и Каму составляет 730 страниц, снабжен картами и фотографиями, и представляет подробное описание географии региона и богатейший этнографический материал, собранный усилиями всех членов экспедиции.
56. *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 400.
57. Там же. С. 403–404.
58. В отчете экспедиции немало места отводится описанию встреч и общений с местным населением, которое представляет интерес не только с этнографической точки зрения, но и как живое свидетельство имперского отношения отдельных «конкистадоров» Российской империи к «отсталым» народам.
59. *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 484. Можно предположить, что получением столь благосклонного послания от Далай-ламы экспедиция была обязана посредству ближайшего советника Далай-ламы — бурята Агвана Доржиева. Как раз той зимой он приехал в Лхасу после посещения России и аудиенции у российского царя, в результате которой была установлена переписка между двумя монархами. Подробнее см.: *Андреев А.И.* От Байкала до Священной Лхасы. СПб; Самара; Прага, 1997.
60. Цокто Бадмажапов (1879–1937) после этой экспедиции стал бессменным участником всех последующих экспедиций Козлова. На самом деле, это ему принадлежит заслуга открытия мертвого города Хара-хото, о чем свидетельствует его письмо к Козлову об обнаружении развалин города, а также официальное сообщение в Российское географическое общество (см.: *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 61; *Шифрин М.Е.* «Хара-Хото — мое открытие, мое фактическое завоевание для науки» // *Вокруг света.* 2013. № 2. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/8050>), однако вся слава открытия досталась только одному знаменитому полковнику, не сообщившему общественности о приоритете Бадмажапова.
61. *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 513.
62. Там же. С. 520.
63. Там же. С. 522.
64. О военных кампаниях Цинов в Восточном Тибете в 1905–1911 гг. подробнее см.: *Teichman E.* Op. cit. P. 19–35.

Законодательное реформирование и правовой статус Тайваня в составе Японской империи в 1895–1945 гг.

© 2018

В.А. Перминова

Анализируется политика Японии в период оккупации Тайваня в 1895–1945 гг., направленная на полную интеграцию колонии с метрополией, в том числе в сфере законодательства. Подробно рассматриваются вопросы правового статуса острова, гражданских прав и свобод местного населения; прослеживаются изменения в законодательстве и его адаптация к местным реалиям в различные периоды колониального правления японской администрации.

Ключевые слова: Тайвань, Японская империя, колония, политическая интеграция, международные отношения.

Вопрос о правовом статусе Тайваня возник сразу после его приобретения Японией по условиям японо-китайского мирного договора в 1895 г. Поскольку Тайвань не являлся объектом спора в период японо-китайской войны, на момент приобретения острова у правительства не было ни четкого понимания того, как следует осваивать новые территории, ни, тем более, конкретной программы развития колонии. Летом 1895 г. премьер-министр Японии Ито Хиробуми создал Бюро по делам Тайваня, которому предстояло выработать политику в отношении острова и курировать его освоение. Статус Тайваня все еще был не ясен — предстояло определить, станет ли он особой провинцией Японии, наподобие префектур Хоккайдо или Окинавы, либо будет обособленной территорией, формально находящейся под властью императора.

Выбор модели колониального управления

Выработка решения по колониальному устройству Тайваня происходила на фоне законодательного реформирования в самой Японии. После подписания англо-японского торгового договора в 1894 г., который упразднял систему экстерриториальности и консульской юрисдикции, установленную предшествующими неравноправными договорами (Ансэйскими договорами), Япония должна была в течение последующих пяти лет модернизировать собственное законодательство и принять новые гражданский и уголовный кодексы к 1898 г. — до вступления англо-японского договора в силу в 1899 г. С формальной точки зрения, условия этого договора могли распространяться и на Тайвань, вошедший в состав Японской империи еще в 1895 г. В этом случае колония могла «автоматически» получить новое законодательство западного образца, открыть международные порты и установить те же таможенные пошлины, что действовали в Японии. Таким образом, решение вопроса о правовом статусе Тайваня касалось не только его собственного разви-

тия, но и всего законодательного пространства империи, включая вопрос о применимости Конституции Мэйдзи.

О том, как организовать эффективное управление на вновь приобретенных территориях, высказывались советники при правительстве Мэйдзи. Американский советник при Министерстве иностранных дел, юрист Генри Дэнисон предлагал применить законодательство Японии на Тайване частично — только в отношении японцев и проживающих там иностранцев¹. Такого же мнения придерживался англичанин Вильям Кирквуд, уже побывавший к тому моменту на Тайване и считавший правильным разработать особое законодательство для колонии. Французский советник Мишель Ровэн предлагал воспользоваться моделью прямого управления (по примеру Алжира)².

Основные доводы использования первого варианта сводились к следующему: разделение властей, как это уже было принято в Японии, было бы трудноосуществимо на Тайване, поэтому нет смысла вводить японские законы там, где они потом не смогут исполняться³. По этой причине следовало наделить законодательными полномочиями местные власти. Учитывая культурные и языковые различия Тайваня и Японии, предлагалось не проводить интеграцию в культурной сфере, а осуществлять управление при условии учета местных обычаев, традиций и языка местного населения. Кроме того английский советник напоминал, что в случае политической унификации тайваньцы должны будут отчислять налоговые сборы напрямую в метрополию, что, несомненно, вызовет недовольство.

Французский вариант предполагал полную законодательную интеграцию — практически превращение колонии в одну из префектур Японии, когда законы утверждаются парламентом, а кабинет министров отвечает за их реализацию. Это означало бы предоставление жителям колонии всех тех прав и свобод, которыми обладали сами японцы, в том числе права на самоуправление и избирательного права. Этот вариант отвечал задаче отчуждения Тайваня от традиционных китайских институтов власти, а не формирования надстройки японской администрации на основе местных органов самоуправления.

Впрочем, французский советник не настаивал на одномоментной замене законодательной базы Тайваня на японские законы, а предлагал постепенную адаптацию острова к государственному устройству метрополии. К тому времени такие идеи уже были частично воплощены не только во французском Алжире, но даже и в пределах самой Японской империи. В префектуре Хоккайдо, называемой «осваиваемой территорией», и на Окинаве (о-вах Рюкю) на тот момент еще не была введена система выборов, не было представителей этих островов и в парламенте, хотя формально все эти территории были в составе Японской империи. Впоследствии на этих территориях все же была введена система выборов — на Хоккайдо с 1901 г., Окинаве — с 1909 г. Первые представители этих префектур появились в японском парламенте в 1902 и 1912 г. соответственно (то есть Окинава была на протяжении 40 лет, с 1872 г., лишена права участвовать в работе парламента)⁴.

Модель косвенного управления не была принята японским правительством, поскольку она не соответствовала основной цели освоения колонии — всеобъемлющей интеграции, а даже вносила неопределенность в статус императора, власть которого не распространялась бы на колонии. Более того, такая модель воспринималась как «эксплуаторская», которую реализовывали «белые» в отношении народов Азии и Африки, пытаясь насколько возможно дистанцироваться от местного населения⁵. Японцы решили сделать упор не на расовые и культурные различия с тайваньцами, а, наоборот, на их сходство. Правительство было уверено в том, что максимальная политическая унификация на всей территории Японской империи будет способствовать и культурной интеграции. По этой причине в итоге было принято решение о применении японского законодатель-

ства в колонии в том объеме, в котором это возможно сделать, и в дальнейшем полностью адаптировать Тайвань под законодательство метрополии.

В 1896 г. заместитель министра иностранных дел Хара Такаси подготовил рекомендации, которые стали основой для проведения политики по освоению острова. Основная идея заключалась в том, что система, реализуемая на Тайване, может значительно отличаться от той, что была в Японии, однако не должна быть полностью колониальной⁶. Управление, базировавшееся на расовых различиях, признавалось недопустимым.

Хара Такаси, рассуждая об интересах Японии в Китае, неоднократно напоминал о том, что Тайвань представляет для империи особую значимость: «Управлять Тайванем на высшем уровне, поддерживать безопасность на юге и препятствовать отчуждению в пользу других стран южных провинций Китая, особенно провинции Фуцзянь, — все это задачи, которые напрямую влияют на безопасность самой Японии»⁷. Первостепенной задачей колонизации Тайваня он видел японизацию местного населения и максимальную интеграцию острова с Японией. Тех же взглядов придерживался Идзава Сюдзи, отвечавший за реализацию образовательной политики на Тайване. Он считал, что ассимиляция является важнейшим этапом не только для стратегического продвижения Японии на юг, но и представляет собой важность с точки зрения безопасности внутри империи: «Для поддержания порядка на новых территориях... важнее всего завоевать дух»⁸, иными словами, перестроить менталитет. Очевидно, основным инструментом реализации этой политики являлось образование.

Ассимиляцию как основной метод освоения новых территорий японцы применяли и до приобретения Тайваня. На примере освоения Рюкю (Окинавы) и Хоккайдо власти осознали необходимость японизации народов, проживающих на «внешних» территориях. В период Токугава власти обратили более пристальное внимание на жителей народности айну, проживающих на о. Хоккайдо, только в конце XVIII в. (правительство поставило остров под свой полный контроль только в XIX в. — незадолго до Реставрации Мэйдзи, решив обезопасить его от возможного продвижения России на Дальний Восток). В 1799 г. земли айну были официально включены в состав империи, что повлекло за собой введение японского законодательства и элементы японского образования. На о-вах Рюкю после их захвата в 1872 г. ассимиляция населения также проходила путем образовательной политики. По примеру Хоккайдо строилась и стратегия развития Тайваня. Основные методы — это активная переселенческая политика (заселение колонии японцами) и введение японского образования. Тайвань, так же, как и Хоккайдо, предполагалось постепенно превратить в полноценную префектуру Японии, которая управлялась бы напрямую из Токио.

Проблема Конституции Мэйдзи

Принципиальным вопросом в политическом устройстве новой колонии стала проблема действия на ее территории Конституции Мэйдзи — основного закона государства, закрепившего за императором Японии статус суверена. Конституция была принята в 1889 г. и не содержала в себе какого-либо упоминания о колониях. Вместе с тем Тайвань (так же, как Южный Сахалин и Корея), в отличие от оккупированных Японией территорий, хотя и не пользовался правом применения законодательства метрополии, относился к числу тех регионов, жители которых являлись подданными императора. На Тайване все население острова было объявлено «подданными императора» уже в 1897 г., через два года после приобретения Японией острова по Симоносекскому договору (в течение этих двух лет всем не согласным с японским режимом жителям предлагалось беспрепятственно покинуть остров).

Что касается понятия «подданства», то здесь следует отметить, что население трех упомянутых колоний было объявлено подданными императора по факту аннексии этих территорий, а не на основании действия там японских законов. Введение Конституции в колониях могло стать отдельным решением японского правительства и не было напрямую связано с объявлением местного населения подданными. Да и сам по себе статус «подданных» с юридической точки зрения не гарантировал тайваньцам и корейцам того объема прав и свобод, которыми пользовались сами японцы, поскольку Конституция обычно действовала в колониях не в полном объеме. Кроме этого, даже «подданные-японцы» были сами ограничены в правах. Это напрямую следует из множества оговорок, которыми пестрит текст документа — «в пределах, установленных законом», «в пределах, совместимых с общественным порядком и спокойствием» и др. Кроме того, в Ст. 18 говорится о том, что «условия, требуемые для того, чтобы быть японским подданным, определяются законом». Это означает, что права подданных могут быть в любой момент ограничены законом, и не являются правами личности как таковой. Известно, что при обсуждении второй главы Конституции («О правах и обязанностях подданных») один из членов Тайного Совета Мори Аринори⁹ требовал изменить название этой главы на «Статус подданных», аргументировав это тем, что в отношениях с императором японские подданные не обладают ничем, кроме обязанностей и определенного места. «Права», тем не менее, были включены в название главы, хотя, по сути, институт прав человека был существенно усечен.

Вопрос о применении Конституции Мэйдзи на Тайване фактически сводился к выяснению, кто имеет главенствующее право принимать законы для колонии — генерал-губернатор или парламент. На практике мало кого интересовала проблема конституционности управления в колонии — иначе говоря, речь не шла о том, будет ли делегирование законодательных полномочий местным властям легитимным, следует ли считать автономность законодательной власти Тайваня от парламента конституционной или нет. Вопрос состоял в том, в каком объеме будет подчинена местная администрация центральному правительству. Для того, чтобы ликвидировать двусмысленность статуса Тайваня — он находился под управлением императора, власть которого регламентируется Конституцией, которая, в свою очередь, не имела силы в пределах колонии — регионы Японской империи условно разделили на две категории: «внутренние территории» (Японские острова, Курильские острова, острова Рюкю) и «внешние территории» (колонии)¹⁰, где японское законодательство могло не действовать. Подчеркивалось, правда, что этот шаг является временной мерой на пути к достижению полной интеграции всего пространства Японской империи.

В период принятия этого решения была также популярна идея о частичном применении Конституции Мэйдзи. Те статьи закона, которые относились к определению власти императора, его полномочий, а также обязанностей подданных императора, могли быть применены сразу. Однако те положения, которые касались выборной системы и права голоса, могли быть введены поэтапно, по мере развития Тайваня и совершенствования его законодательной базы¹¹.

Местные власти отстаивали свое право на законодательную инициативу и аргументировали свою позицию тем, что, во-первых, с формальной точки зрения, поскольку Конституция не распространяется на «внешние территории», то для действия там Конституции необходим особый указ императора, который бы наделял парламент законодательной инициативой в отношении Тайваня. С практической точки зрения, которая, очевидно, в большей мере принималась во внимание, косвенное управление было необходимо для того, чтобы своевременно реагировать на кризисные ситуации и учитывать культурные и языковые особенности тайваньцев.

Применение на Тайване Конституции Мэйдзи, равно как остальных японских законов, явно свидетельствовало бы не только об амбициозных намерениях, но и конкрет-

ных шагах японцев, которые они предпринимают для построения новой модели колониального управления. Поэтому первоначально было принято решение о максимальной унификации законодательной базы Японии и Тайваня (в тот же период, напомним, планировали применение современного образования, обучение японцев местным диалектам — словом, все те цели, от которых пришлось в дальнейшем отказаться). Что же касается реального применения законов Японии на Тайване, то по причине отчаянного сопротивления местного населения установлению японской власти речь уже не шла об использовании законодательства метрополии, поскольку все силы новых хозяев острова были брошены на то, чтобы подчинить Тайвань своей власти и обеспечить мир.

Единственным вариантом в такой ситуации стало принятие в 1896 г. постановления правительства о том, что Конституция будет действовать на Тайване в ограниченном объеме, а генерал-губернатор получил право издавать законы. Это постановление вызвало резкую критику в парламенте. Таката Санаэ, представитель Партии конституционных реформ, являвшийся противником этого закона, называл его антиконституционным и настаивал на том, что некоторые полномочия не могут быть делегированы властям колонии никогда (в частности, принятие законов, касающихся налогов и таможенных сборов). Кроме этого, он указывал на отсутствие точного определения полномочий и обязанностей генерал-губернатора. Получалось, что он не подчинялся напрямую ни кабинету министров, ни парламенту¹².

Впрочем все эти доводы не повлияли на окончательное решение установления особого законодательного режима на Тайване, где не прекращалось сопротивление местного населения новоприбывшим властям. Фактически военное управление, реализованное на острове в 1895–1897 гг., не оставляло иного выхода, кроме как отложить политическую интеграцию колонии на неопределенное время. Воплощением этих вынужденных мер стал закон о временном делегировании полномочий генерал-губернатору от 1898 г. (также известный как закон № 63), сроком на 3 года. В этом же году на Тайване было частично введено японское гражданское, торговое и уголовное право. Не состоялось и открытие на Тайване международных портов, предполагавшееся по условиям англо-японского договора, поскольку остров, хотя и не был назван «колонией», тем не менее, оставался обособленным регионом с собственным законодательством.

Формирование колониального законодательства на Тайване

С назначением в 1898 г. Кодама Гэнтаро генерал-губернатором Тайваня и его ближайшего помощника, Гото Симпэя, гражданским губернатором начинается новый этап освоения острова, от которого можно вести отсчет «эффективного» управления колонией. Де-факто реализуемая, но не декларируемая, модель косвенного управления предоставляла большие возможности для новой администрации острова, которыми она смогла воспользоваться в полной мере. Именно с этого периода началось строительство «образцовой колонии»¹³.

Гото Симпэй стремился сделать из Тайваня выгодное приобретение для Японии, которое должно было стать пробной площадкой для дальнейшей экспансии на юг. Конкретная программа развития острова была разработана на основе принципа «научного колониализма» (максимальная прибыльность и эффективность)¹⁴ исходя из особенностей данного региона, на скрупулезное изучение которого было потрачено немало сил и средств¹⁵. Более всего Гото тяготел к применению британского опыта колониального управления (его любимым примером служил генеральный консул в Египте лорд Кромер)¹⁶ и поэтому не видел необходимости в полной законодательной унификации Тайваня с Японией¹⁷. Считая Тайвань полноценной колонией, он сфокусировал свое внимание на конкретных мерах по освоению острова, руководствуясь принципом прагматизма.

В числе основных законодательных нововведений в период 1898–1906 гг. — распространение действия японского процессуального кодекса, уголовного и гражданского права на территории Тайваня. Все эти кодексы действовали преимущественно в отношении японцев и иностранцев, некоторые положения были прописаны специально для местного населения, в частности: под действие гражданского права японского образца тайваньцы не попадали вовсе, а законодательные нормы, касающиеся землепользования, наоборот, касались только тайваньцев; часть законов (например, о наследовании) была перенесена из практики цинского периода; нормы уголовного права затрагивали японцев только по части «Закона о безопасности на Тайване» (1900 г.) — о высылке с острова японцев либо иностранцев, представляющих опасность для установленного режима; остальные нормы касались в основном местного населения — штрафы и наказания, связанные с невыполнением обязанностей в системе «баоцзя»¹⁸ (1898 г.), о наказании мятежников, контроле бродяжничества и проч.¹⁹

Как видно из этих примеров, законодательство на Тайване представляло собой синтез традиционного китайского законодательства (цинского периода), современного (японского по западному образцу) и новых законодательных норм, разработанных японцами специально для Тайваня. По сути, это и стало особым колониальным законодательством, о котором говорил В. Кирквуд и которое не желал специально создавать парламент Японии. Основой этого особого режима стал уже упомянутый закон № 63 (о временном делегировании полномочий генерал-губернатору). Этот закон неоднократно продлевался, после чего в 1906 г. был заменен на аналогичный закон № 31, также срочный (5 лет), который просуществовал еще 15 лет вплоть до 1921 г.

Несмотря на то, что закон № 63 продлевался без каких-либо изменений, в самом начале 1900-х годов была сделана попытка его замены на более постоянное законодательное решение, которое бы точно определяло статус Тайваня и позволяло строить долгосрочные перспективы его развития. Речь идет о проекте «Закона об управлении Тайванем», который должен был стать поправкой к Конституции Мэйдзи и обозначить в основном законе государства понятие колонии, ее права и обязанности. В 1904 г. этот проект был подготовлен Окамацу Сантаро под руководством Гото Симпэя для внесения предложения в парламент Японии в 1905 г. — как раз в последний год действия закона № 63.

Основные положения проекта закона сводились к следующему: во-первых, Конституция Мэйдзи признавалась не полностью применимой для Тайваня; во-вторых, провозглашалась финансовая независимость острова от Японии (то есть местные власти самостоятельно составляют бюджет, в котором метрополия не принимает участия). Третье: генерал-губернаторство преобразовывается в местный кабинет министров, который может через парламент Японии получить разрешение на действие определенных японских законов на территории колонии. Таким образом, японские законы могут распространяться на Тайване только в результате императорского указа. В-четвертых, создание консультативного совета, который выполнял бы функции законодательного органа. Иными словами, был подготовлен проект закона, который мог сделать Тайвань практически полностью независимым от метрополии и сильно замедлить, если не упразднить, политику ассимиляции.

Идея о том, что Тайвань должен стать полноценной колонией и иметь собственную систему разделения властей, была близка не только тогдашней администрации острова (Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй), но и премьер-министру Кацура Таро, который ранее (1896 г.) уже успел побывать генерал-губернатором Тайваня²⁰. Во время обсуждения вопроса о продлении закона № 63 в парламенте в 1905 г. он признавался, что «без сомнения, на данный момент Тайвань уже является колонией» и выражал уверенность в том, что «мы не сможем трансформировать его для полной интеграции с Японией»²¹. Из-за приверженности основной части парламентариев идеям расширения национальных гра-

ниц и ассимиляции новых территорий предлагаемый администрацией Тайваня проект принят не был, а закон № 63 был продлен на год, до 1906 г., когда сменился и кабинет министров. На смену Кацура Таро пришел Сайондзи Киммоти, а на должность министра внутренних дел был поставлен придерживавшийся либеральных взглядов Хара Такаси.

Несмотря на то, что парламент Японии не одобрил принятие отдельного закона для управления Тайванем, предпосылок для законодательной унификации острова с метрополией он также не создал. Вообще законы, аналогичные тайваньскому закону № 63 (и его преемнику — закону № 31), были приняты на Сахалине в 1907 г. (закон № 25) и в Корее (закон № 30, без изменений принятый по тайваньскому образцу — закону № 31), однако в обоих случаях бессрочно. Причем если в случае с Тайванем вопрос о принятии такого закона вызывал бурную дискуссию, то к 1910 г. среди японской элиты практически не осталось тех, кто сомневался бы в необходимости такой меры применительно к Корее.

Модернизация тайваньского законодательства

Новый этап развития законодательной системы Тайваня начался в период либерального движения в Японии — «демократии Тайсё». С назначением в 1918 г. премьер-министром Хара Такаси усилия правительства были сконцентрированы на реформировании всей колониальной власти как на Тайване, так и в Корее, и на Сахалине. Результатом его политики стала некоторая либерализация колониального режима и развитие образования в колониях. С 1919 г. на должность губернатора Тайваня стали назначать гражданских лиц. В 1920 г. на этот пост был назначен Дэн Кэндзио, правление которого было названо «просвещенным» и эпохой возобновления активной ассимиляции местного населения.

Переосмысление центральным правительством Японии основных методов колониального управления произошло не только с очередной сменой кабинета, но и на фоне произошедших событий за пределами Японских островов, в первую очередь, мощного антияпонского восстания в Корее весной 1919 г., которое выявило массу недостатков военных методов управления. Еще одним немаловажным фактором являлось распространение после окончания Первой мировой войны идеи национального самоопределения, проявления которой в колониях опасались японские власти. Именно в этих условиях было принято решение о стремлении к максимальной интеграции Тайваня и Японии посредством законодательной унификации и продолжения политики ассимиляции. И хотя власти декларировали уравнивание в правах японцев и тайваньцев и смягчение колониального режима, такая либерализация не предполагала предоставления местному населению каких-либо прав для самоуправления. Японцы, наоборот, стремились максимально привязать колонию к действующей системе управления в самой метрополии, навсегда оторвав Тайвань от материковой культуры, при этом не позволив сформироваться жителям острова в отдельное сообщество²².

Воплощением идеи интеграции всего пространства внутри империи стало принятие на Тайване в 1921 г. закона № 3, который заменил предшествующий закон № 31 и ограничил полномочия генерал-губернатора. С этого момента японское законодательство в той мере, в которой это было возможно, распространялось на территории Тайваня, а новые законы могли приниматься только в случае, если таковых нет в законодательстве метрополии, либо в особых случаях²³. Проекты новых законодательных норм колонии должны были утверждаться центральным правительством (а не парламентом и указом императора, как это было раньше) по представлению генерал-губернатора. Если закон № 31, действовавший ранее, лишь исключал в местном законодательстве те нормы, которые противоречили законам метрополии, то закон № 3 распространял само японское законодательство на территории колонии (за исключением «не подходящих» норм). Любые

законы, принимаемые местной администрацией, как уже указывалось выше, должны были проходить особую процедуру внесения поправок и утверждения в правительстве, таким образом приобретая форму особых указов. Однако губернаторы нередко прибегали к тому, что, под предлогом «особого случая», самостоятельно принимали какое-либо постановление, а уже позднее, фактически приносили этот документ на утверждение в правительство²⁴. Закон № 3 должен был действовать бессрочно, что свидетельствует об окончательном выборе властями модели законодательного регулирования на Тайване.

Такое решение, конечно, не могло изменить принципиальным образом политическую систему в колонии, однако его можно расценивать как реальную попытку приблизить законодательную базу Тайваня к японским нормам. Несмотря на то что у губернаторов оставалась возможность издавать законы, их зависимость от центрального правительства все же возросла. Для наглядности обратимся к колониальной Корее, где закон № 30 (он же тайваньский № 31) продолжал свое действие до 1945 г. Поскольку новые нормы (в том числе и из японского законодательства), прежде чем начинали действовать в Корее, должны были проходить утверждение в парламенте и в последствии получать визу императора, то процесс распространения японских законов на ее территории был сильно затруднен. В итоге получалось, что в Корее из общего объема новых законов 70% было принято на местном уровне, тогда как на Тайване — только 30%²⁵. Если же сравнивать Тайвань в период до и после 1922 г. (закон № 3 вступил в действие с 1922 г.), то окажется, что в 1898–1922 гг. генерал-губернаторами было принято 203 закона, тогда как из японского законодательства было заимствовано только 84 нормы. Начиная с 1922 г. и до окончания оккупации было принято 67 местных законов, и почти 200 (точнее, 195) были перенесены из законов метрополии²⁶. Очевидно, что на первом этапе освоения колонии властям пришлось разрабатывать основную часть местного законодательства и принимать значительный объем законодательных норм, однако, как видно из статистики, даже после почти 30 лет правления было принято небольшое количество новых законов, которые, в свою очередь, уже были заимствованы в большей мере из японского законодательства.

Движение за создание парламента на Тайване

Принятие закона № 63 свидетельствовало о том, что политическая интеграция Тайваня в состав Японии откладывается на неопределенное время, таким образом, тайваньцам в ближайшем будущем не приходилось рассчитывать на предоставление им каких-либо прав по образцу японского законодательства. В тот период местное население не могло активно участвовать в политической жизни острова, однако были сделаны некоторые попытки создать движение в пользу ограничения полномочий генерал-губернатора. После посещения Тайваня японским государственным деятелем, бывшим главой Либеральной партии Итагаки Тайсукэ в феврале 1914 г., одним из видных представителей тайваньской элиты Линь Сяньтаном²⁷ было создано Общество ассимиляции Тайваня (*Тунхуахуэй*), ключевыми задачами которого стали содействие интеграции японцев и тайваньцев и предоставление равных условий для развития. В этом же году активный сторонник и один из лидеров Общества по ассимиляции Хуан Чунцин создал Организацию общественного просвещения (*Тунфэнхуэй*), целью которой было усовершенствование системы образования, отказ от дурных обычаев и суеверий, распространение японского языка²⁸. Поскольку Общество ассимиляции напрямую заявляло о необходимости уравнивания в правах тайваньцев и японцев и отстаивало отмену закона № 63, эта идея не нашла поддержки у властей, и организация была распущена через 2 месяца после ее создания, в начале 1915 г.²⁹ Организация общественного просвещения, напротив, поддерживалась местными властями до конца оккупации³⁰.

Либерализацию колониального режима в 1920-е годы тайваньское общество восприняло как возможность модернизации всей системы управления. Обновление программы по ассимиляции, развитие системы образования и открытие новых издательств представлялось местной элите как стремление властей учесть ошибки прошлых десятилетий и намерение перейти к более демократическому правлению по западному образцу. Иными словами, политика ассимиляции как инструмент уравнивания в правах жителей колонии и метрополии не вызвала отторжения у тайваньцев, а, наоборот, встретила поддержку и была воспринята даже с воодушевлением. Интеграция с метрополией виделась им серьезным препятствием произволу местных губернаторов, полномочия которых могло ограничить только центральное правительство.

Под влиянием событий 4 мая 1919 г. тайваньскими студентами, обучавшимися в Японии, при поддержке Линь Сяньтана, в январе 1920 г. в Токио было создано Общество народного обновления (*Синьминьхуэй*), целью которого являлось распространение просвещенного образования и новой культуры, а в числе задач была отмена на Тайване закона № 63. В следующем году Линь Сяньтаном и его сподвижниками Цзян Вэйшунем и Линь Яочунем в Тайбэе была создана Культурная ассоциация Тайваня с целью побудить национальное самосознание тайваньцев и ликвидировать дискриминацию в отношении местных жителей (в том числе предоставление тайваньцам права голоса и права на получение японского образования).

30 января 1921 г. 166 тайваньских студентов, обучающихся за рубежом, и 11 человек из местной интеллигенции направили в Японию первую петицию о создании парламента на Тайване. Японские парламентарии под предлогом того, что такое нововведение противоречит Конституции, не приняли этот проект. За несколько дней до этого Линь Сяньтан, представивший петицию на суд японских политиков, встречался с Хара Такаси, который категорически отверг коллективное предложение жителей колонии об учреждении местного законодательного органа³¹. Не одобрили это предложение и местные власти колонии. После подачи петиции Линь Сяньтан и его помощники (Линь Яочунь, Гань Дэжун, Ли Чунли, Ван Сюэцинь) в сентябре того же года были вызваны для встречи с губернатором Дэн Кэндзи, который потребовал прекратить деятельность, направленную на «нарушение спокойствия». Хотя никаких арестов не последовало, Тайваньский банк после этого случая взыскал с Линь Сяньтана более 200 тыс. иен. Позднее, зимой 1923 г., когда были подготовлены новые петиции, полиция арестовала некоторых участников движения, а в доме Линь Сяньтана был проведен обыск. Большого развития дело против сторонников создания парламента, впрочем, не получило³².

Движение за создание парламента на Тайване просуществовало 14 лет, вплоть до 1934 г., когда под давлением властей Линь Сяньтан был вынужден прекратить свою деятельность. За весь этот период было отправлено 15 петиций, общее количество подписавших ее — 12 818 человек. Первую петицию подписали в основном студенты (около 80%), однако впоследствии все больше людей со средним или только начальным образованием ставили свои подписи в документе. Среди подписавших были также и государственные чиновники (за все время подачи петиций таковых было 920 человек), в основном городская или сельская администрация. В частности, свою подпись поставил Ян Чжаоцзя, глава поселка Циншуй префектуры Тайчжун. После подачи петиции он сохранил за собой эту должность, не претерпев каких-либо санкций со стороны японских властей³³.

Стремление тайваньцев получить право на создание законодательного органа было представлено местными властями как попытка к получению Тайванем независимости, хотя, по мнению некоторых китайских ученых, это было не совсем так. Чэнь Сяочун, сотрудник Сямэньского университета, считает, что таким образом местные жители лишь пытались получить дополнительные права в рамках существующей японской системы управления, не стремясь изменить ее кардинальным образом. Создание парламента не было попыткой установить независимое самоуправление без участия

японских властей. Парламент, который подчинялся бы только Токио, должен был стать подобием местных законодательных органов, существовавших в самой Японии. Предполагалось, что решение проблем, связанных со спецификой Тайваня, должно было происходить силами местного законодательного органа, а не единолично губернатора. Иными словами, предлагалось передать исключительные полномочия губернаторов (по законам № 63, 31, 3) парламенту Тайваня.

Чэнь Сяочун приводит следующие аргументы в пользу того, что создание тайваньского парламента не было проявлением борьбы за независимость, а находилось, говоря современным языком, в рамках «системной оппозиции». Во-первых, в тексте петиций не было никакого намека на полное самоуправление, а говорилось лишь об «ограниченном самоуправлении». Во-вторых, все петиции были подготовлены представителями тайваньской элиты, которые имели постоянные контакты с администрацией, и никак не могут быть отнесены к числу провокаторов либо «возмутителей спокойствия». Линь Сяньтан и его сподвижники меньше всего напоминали организаторов вооруженных антияпонских восстаний, с которыми уже приходилось сталкиваться властям. В-третьих, сторонники движения за создание парламента декларировали свои идеи четко, прибегая к законным способам — посредством размещения статей и обращений в разрешенной к печати газете «Тайвань миньбао», где идея создания нового законодательного органа противопоставлялась попыткам местной администрации представить это в виде борьбы за независимость. И последнее: исходя из обращений лидеров движения, единственной целью создания парламента было ликвидировать авторитарное управление губернаторов и уполномочить местный законодательный орган теми правами, которыми губернатор был, по их мнению, «сверху» наделен³⁴.

Очевидно, все эти доводы тогда не могли быть восприняты в парламенте либо правительстве Японии. После активной борьбы с антияпонским сопротивлением в самом начале оккупации, подавления череды восстаний 1911–1914 гг., а также под впечатлением случившегося в Корее восстания 1919 г., Тайвань все еще воспринимался как потенциальный очаг нестабильности, и любые попытки расширения прав местного населения воспринимались как начало движения за независимость.

Впрочем нельзя сказать, что попытки создания местного законодательного органа были вовсе безуспешны. В 1921 г. был создан законосовещательный совет³⁵, в состав которого входили 25 человек — японцы и тайваньцы, приблизительно в равной пропорции. Участвующие в заседаниях этого совета тайваньцы назначались губернатором, который являлся председателем совета, и состояли в основном из представителей бизнеса. Решения совета носили консультативный характер и не имели обязательную силу при проведении внутренней политики острова. Очевидно, такая структура не обладала какой-либо самостоятельностью, поэтому вряд ли могла устроить сторонников создания полноценного парламента.

После 1934 г. попытки обращения в парламент Японии прекратились, а местные власти сконцентрировали усилия на еще более активной ассимиляции населения — с 1936 г. они стали реализовывать политику по превращению тайваньцев в подданных императора. Лидеров оппозиции японскому режиму местная администрация стала склонять к сотрудничеству, предлагая им возглавить народные объединения, направленные на усиление японизации. Так, Линь Сяньтан по настоянию властей возглавил Ассоциацию служения обществу поданных императора, а многие его коллеги в 1940-е годы стали принимать участие в местном управлении. Сам Линь Сяньтан не сразу согласился сотрудничать с властями — несколькими годами ранее из-за активного давления на него администрации он уехал в Японию, пробыв там с 1937 по 1940 г.³⁶ Только активные уговоры с участием его семьи заставили Линь Сяньтана вернуться на Тайвань. Надо сказать, что активисты движения за создание местного парламента и уравнивание в правах всех жителей острова, уезжавшие в Японию, встречали там под-

держку, тогда как в колонии их идеи всегда воспринимались в штыки со стороны властей. После возвращения на Тайвань Линь Сяньтан, уже занимая пост главы прояпонской Ассоциации служения обществу подданных императора, продолжал декларировать свою приверженность китайским традициям: носил традиционную китайскую одежду, в повседневном общении использовал китайский язык и настоял на том, чтобы его семье разрешили не менять свои имена на японские³⁷.

Вторая половина 1930-х годов и 1940-е годы отличались от предшествовавшего периода смягчения колониального режима: теперь более явно прослеживалась тенденция к ужесточению режима для мобилизации всех ресурсов — как промышленных, так и людских, что требовало скорейшей интеграции Тайваня в состав империи, которая теперь стала реализовываться посредством почти силовой ассимиляции. Целью этой политики теперь не было стремление постепенно приблизить Тайвань в культурном, экономическом и политическом плане к метрополии, основной задачей являлось поддержание «военной машины» империи. Неслучайно последний период японского правления (1936–1945 гг.) характеризуется заметным спадом в принятии японских законов и отмечен возобновлением законодательной активности генерал-губернаторов (объем принимаемых местных законов в это время практически такой же, как был в начальный период оккупации)³⁸.

* * *

На протяжении всего времени оккупации японцы так и не реализовали полную политическую интеграцию Тайваня с метрополией — почти весь период правления остров оставался обособленной территорией, на которой действовало свое, колониальное, законодательство. Проблема принятия Конституции Мэйдзи на Тайване, являясь принципиальным вопросом на начальном этапе освоения колонии, по сути потеряла свою актуальность к 1910-м годам, когда подобная дилемма в отношении Кореи уже не вызывала серьезных споров и вопрос был решен в пользу косвенного управления. Японские власти старались учесть специфику региона, которым управляли, однако основным барьером, отделяющим метрополию и колонию в политическом плане, как ни странно, стала как раз политика «соответствия местным условиям», в рамках которой генерал-губернатор получил право законодательной инициативы. Получалось, что экономические связи, языковая и культурная политика сильно привязывали Тайвань к Японии, в то время как в административном управлении на тайваньцев возлагались только обязанности и не предоставлялись права, напрямую вытекающие из статуса «интегрированной колонии».

Непродолжительного периода либерализации режима в 1920-е и начале 1930-х годов не хватило для полноценной модернизации законодательной базы острова, и начавшийся было процесс уравнивания в правах всех жителей вскоре сменился новым ужесточением режима, который теперь был связан не столько со сложностью поддержания порядка на острове, сколько с потребностью метрополии в промышленных и людских ресурсах в период военных акций Японии, начавшихся в 1937 г. Всегда воспринимая Тайвань как потенциальный очаг нестабильности и всех тайваньцев — как потенциальных мятежников, администрация колонии должна была принимать превентивные меры и быть наготове в случае каких-либо антиправительственных выступлений. Не случайно закон о наказании мятежников, действующий с самого начала правления, под действие которого мог теоретически попасть любой житель острова, не был отменен даже в 1920-е годы и потерял свою актуальность только после перехода Тайваня к Китайской Республике в 1945 г.

1. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition colonial lessons for contemporary state-building: dissertation, PhD (Political Science). Massachusetts Institute of Technology, 2011. P. 59–60.
2. Тайвань фа люй ши дэ цзянь ли: [История права на Тайване] / ред. Ван Тайшэн. Тайбэй: Сань минь цзун цзин сяо, 1997. С. 190.
3. *Wang Tay-Sheng, Chou I-Hsun Sandy*. The Emergence of Modern Constitutional Culture in Taiwan // National Taiwan University Law Review. 2010. Vol. 5. No. 1, March. P. 6.
4. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 56–57.
5. The Japanese colonial empire, 1895–1945 / ed. by R.H. Myers, M.R. Peattie. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 250–251.
6. *Hara Takashi*. Taiwan mondai nian: [Two proposals for the Taiwan problem] // Taiwan shiryō / ed. Kaneko Kentarō. Tokyo: Hara Shobō, 1970 [1895]. P. 32. Цит. по: *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 58.
7. *Masuda Tsuyoshi*. Takashi Hara and China. Part 1 // Kobe University law review. 1971. No. 14. P. 8.
8. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 62.
9. Примечательно, что Мори Аринори (1847–1889) принадлежал к числу либерально настроенных государственных деятелей. Он являлся одним из авторов новой системы образования Японии, выступал с просветительскими лекциями, объясняя необходимость модернизации традиционного образования. Мори Аринори был убит изоляционистом в день провозглашения Конституции Мэйдзи.
10. History of Law in Japan since 1868. / Ed. by Wilhelm Röhl. In Handbook of oriental studies. Section V: Japan / ed. by Blum M., Kersten R., Low M.F. Vol. 12. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 12–13.
11. Основные сторонники этой идеи — Ходзуми Ясука, Умэ Кэндзиро.
12. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 79.
13. Этот термин можно найти у Такэкоши Ёсабура. См.: *Takekoshi Yosaburo*. Japan's colonial policy in "Japan to America" / ed. by Naoichi Masaoka. N.Y.: G.P. Putman's Sons. 1914. P. 96.
14. *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Ч. I: Тайвань, 1898–1906 гг. // Япония. Ежегодник. 2004–2005. М., 2005. С. 272–287.
15. Отстаивая идею особого пути развития Тайваня, Гото Симпэй инициировал подробное исследование местных традиций, обычаев (в т.ч. применявшегося на Тайване цинского законодательства) и языка, результаты которого впоследствии легли в основу программы по управлению колонией.
16. *Молодяков В.Э.* Указ. соч. С. 272–287.
17. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 67.
18. «Баоцзя» (яп. — «коко») — система коллективной ответственности, основанная на подворном принципе. В состав одной общины входили 100 домов, разделенные на 10 групп. Система «баоцзя» служила вспомогательным институтом при полиции и являлась дополнительным рычагом контроля за населением. Не распространялась на японцев и аборигенов.
19. Подробнее см.: Тайвань жи чжи ши ци дэ фа люй гай гэ: [Законодательное реформирование на Тайване в период японского управления] / ред. Ван Тайшэн. Тайбэй: Лянь цзин, 1999. С. 99–101.
20. Кацура Таро пробыл в должности генерал-губернатора всего несколько недель, поскольку готовился занять пост военного министра в Токио. Он неоднократно указывал на стратегическое и экономическое значение Тайваня для Японии, за время пребывания на посту успел составить ориентировочную программу освоения колонии. См.: *Молодяков В.Э.* Указ. соч. С. 272–287.
21. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 94.
22. *Ibid.* P. 61–62.
23. Эти «особые случаи», очевидно, были специально оговорены в новом законе для того, чтобы оставить губернатору право законодательной инициативы.
24. Законодательное реформирование на Тайване... С. 84.
25. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 87–88.
26. Законодательное реформирование на Тайване... С. 85.
27. Линь Сяньтан (1881–1956), представитель тайваньской элиты, создатель народных организаций Тунхуахуэй, Синьминхуэй и Культурной ассоциации, Тайваньского союза местного самоуправления, основатель периодических изданий «Синьминьбао» и «Тайвань циннянь». Его также называли «отцом тайваньского парламента». Линь Сяньтан отстаивал приверженность китайским традициям, являясь одним из столпов оппозиции японскому режиму. После перехо-

- да Тайваня к Китаю с 1946 г. принимал участие в 1-й сессии парламента Тайваня, в этом же году встречался с Чан Кайши. Интересно, что Линь Сяньтан, бывший ярым противником японского проникновения на Тайвань и сторонником воссоединения острова с материковым Китаем, последние годы жизни провел в Японии, т.к. после восстания 28 февраля 1949 г. попал в список «изменников» и был приговорен к тюремному заключению.
28. *Тамаки Мицую*. Архив префектуры Тайбэй: изучение административного управления и общественного устройства Тайваня в эпоху японского правления на основе местных документов / пер. В.А. Перминовой // Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования / ред. колл. Э.В. Молодякова и др. М., 2016. С. 155–156.
 29. *Сю Вэйцин*. Жи бэнь тун хуа чжэн цэ дуй тайвань шэ хуэй дэ цян шан — и у фэн линь ши цзя цзу вэй ли: [Удар японской политики ассимиляции по тайваньскому обществу — на примере семьи Линь из района Уфэн] // Тайвань янь цю цзи кань. 2004. № 4. С. 71–72.
 30. Организация «Тунфэнхуэй», поначалу бывшая народным объединением, позднее, под давлением властей, превратилась в систему общественного контроля, утерев свое первоначальное значение. Подробнее см.: *Тамаки Мицую*. Архив префектуры Тайбэй... С. 156.
 31. *Matsuzaki Reo*. Institutions by imposition... P. 62.
 32. *Сю Вэйцин*. Жи бэнь тун хуа чжэн цэ... С. 73.
 33. *Чэнь Сяочун*. Жи цю ши ци тайвань минь цзу юнь дун жо гань вэнь ти дэ фэнь си: [Анализ некоторых проблем национального движения на Тайване в период японского управления] // Тайвань янь цю цзи кань. 1993. № 2. С. 73.
 34. Там же. С. 71–72.
 35. Первый консультативный совет был создан в 1906 г., однако достаточно скоро прекратил свое действие.
 36. Отъезд Линь Сяньтана был не в последнюю очередь связан с его публичным наказанием в парке Тайчжуна после его встречи в 1936 г. в Шанхае с китайцами-эмигрантами и произнесения пламенной речи о том, что он наконец-то побывал на Родине. Этот инцидент известен как «Случай возвращения на Родину».
 37. *Сю Вэйцин*. Жи бэнь тун хуа чжэн цэ... С. 74.
 38. Законодательное реформирование на Тайване... С. 109.

Философия

Логика китайского стратегаемного мышления

© 2018

А.А. Крушинский

Поскольку с точки зрения конфуцианской традиции познавательная ценность рассуждения определяется его эффективностью, постольку высочайшим когнитивным статусом обладали безошибочные прогностические рассуждения. Этот тип умозаключений, где достоверность предвидения гарантируется реализацией определенной выигрышной стратегии, может быть назван прогностической формой дедукции.

Ключевые слова: *стратегемное мышление, прогностическое рассуждение, выигрышная стратегия, интерактивность.*

Логика¹, отвечающая стратегаемной ориентированности китайского менталитета, становится понятной лишь будучи рассмотренной в стратегической² перспективе — одной экзистенциально нерелевантной «правильности» рассуждений здесь явно не достаточно. Действительно, главное выражение мейнстрима китайской интеллектуальной традиции против софистики направлены не столько против некорректности практикуемых ею способов рассуждения, сколько против их неэффективности: ведь победы софистов ограничиваются исключительно сферой словопрений. Так, согласно популярной легенде³, можно переспорить целый сонм ученых мужей, защищая тезис о том, что «белая лошадь не лошадь», но потом — при проезде на этой самой белой лошади через заставу — все же исправно заплатить за нее пошлину как все-таки за лошадь. Вот почему аргументация софистов при всей своей неотразимости воспринималась китайской мыслью как ущербная: неотразимая (букв. «способная побеждать уста»), но не убеждающая («не способная покорять сердца»). Итак, поскольку с точки зрения ведущих философских школ Древнего Китая критерием познавательной значимости рассуждения является его эффективность, постольку высочайшим когнитивным статусом наделяется прогностическое рассуждение, увенчивающееся безошибочным прогнозом: коль скоро судьба гораздо важнее препирательств, то и ее предвидение несравненно ценнее выигрыша в словесном состязании⁴.

Проиллюстрирую сказанное следующим примером успешного стратегического рассуждения: «Учитель Лецзы попал в нужду и отошал от голода. Какой-то гость поведал об этом чжэнскому министру Цзы Яну: “Ле Юйкоу — муж, владеющий дао. Живет он в вашем царстве и так бедствует! Разве у вас не заботятся о настоящих мужах?” Чжэнский Цзы Ян тотчас велел служителям послать Лецзы несколько десятков бин проса. Выйдя к посланцам, учитель Лецзы дважды поклонился, но дара не принял. Когда гости удалились и Лецзы вернулся в дом, его жена гневно била себя в грудь и причитала: “Я слышала, что семья человека, постигшего дао, обретает покой и радость, а ваши жена

Крушинский Андрей Андреевич, доктор философских наук, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: zvenigor@gmail.com.

и дети отощали от голода. А когда министр хочет подарить вам немного зерна, вы отказываетесь! Неужели такова наша [горькая] судьба?" Улыбнувшись, учитель Лецзы ответил: "Министр меня даже никогда не видел, с чужих слов посылает мне просо. Но точно так же, с чужих слов он обвинит меня и в преступлении! Поэтому я и не принял дара". В конце концов, недовольный народ восстал, и Цзы Яна убили. Принять от другого пропитание и не пойти за него на смерть, если он окажется в беде — это забвение долга; но пойти за такого на смерть — значит умереть за неправо дело. Умереть же за неправо дело — значит пойти против [дао]. То, что Лецзы [знал, как] избежать как уклонения от выполнения долга, так и от противления [дао], разве не [свидетельствует о его] дальновидности! То, что он решил не принимать сомнительного дара, даже терпя голод и холод, означает, что он предвидел [дальнейшее] развитие событий. Предвидеть [дальнейшее] развитие событий и поступить соответствующим образом — это и есть дальновидность в отношении [потенциальных] следствий (букв. "свойств") природы и судьбы!»⁵.

Попробуем реконструировать логику рассуждений Лецзы. Очевидно, что все возможные будущие отношения бедствующего мудреца с наконец-то снизошедшим до его мизеров правителем определяются ровно двумя альтернативными перспективами: либо последний продолжает оставаться у кормила власти, либо, напротив, он теряет свой пост. В первом случае принятие дара будет означать вступление в рискованную игру безусловно согласия с заочной оценкой себя незнакомыми людьми, которая может с драматической непредсказуемостью вдруг качнуться от плюса к минусу. Вторая из альтернатив ставит прозорливца перед неприятной дилеммой противосмысленной потери жизни или бесславной потери чести — отдаривание в случае включения в игру дарения (предполагающую непременно отдаривание) обошлось бы Лецзы слишком дорого. Поэтому отвержение дара означает здесь благоразумный отказ от участия в обеих смертельно опасных играх. Как видим, логика предвидения, продемонстрированная Лецзы, вполне прозрачна: главное с самого начала (по первому же ходу) распознать предлагаемую игру⁶ (или игры) и, соответственно, просчитать ее возможные исходы, зависящие от ходов других участников игры. Иногда это несложно⁷, а подчас весьма затруднительно (на чем собственно и строится вся стратегематика)⁸, но в любом случае пренебрежение правилами уже начавшейся игры (т.е. законами игровой реальности) по меньшей мере, неблагоприятно⁹.

Очевидно, что истоки прогностически ориентированных стратегических способов рассуждения, в частности, прогностической формы дедукции, в Древнем Китае следует возводить отнюдь не к публичным дебатам, а к эзотерической практике дивинации, нацеленной на обретение «свойств чудесной прозорливости» («*шиэньмин чжи дэ*»). Восходящая к гадательным практикам логика стратегического прогноза явилась, по-видимому, рационализацией культа предвиденья, свойственного синоцентричной цивилизации. Производность подобного рода рассуждений и умозаключений от влиятельнейшей мантической традиции, представляемой «Ицзином», постоянно акцентировалась китайской философской мыслью. Вполне естественно, что теоретическое осмысление и графико-числовая формализация логики стратегических рассуждений также проходили в русле ицзиноведения (*Исюэ*). Уже один из первых европейских переводчиков «Ицзина» Дж. Легг справедливо подчеркивал именно прогностическую природу китайского оракула: «Надо иметь в виду, что цель дивинации — это вовсе не выявление будущих событий в абсолютном смысле этого слова, как если бы они могли быть узнаны наперед, а выяснение, приведут ли те или иные планы и предпосылки событий, занимающие вопрошающего, к удачному или неудачному исходу»¹⁰.

Заметим, что ведущей интерпретацией триграммной троичности является ее темпоральное прочтение как визуализации триадической структуры (начало — продолжение — завершение), априорной как для человеческой активности, так и для исторической событийности. Иначе говоря, сама троичность триграммы продиктована задачами прогнозирования и нацелена на прогностически ориентированное представление знаний.

В этом отношении весьма показательна традиционная трактовка принадлежащей древнейшему слою ицзиновского текста мантической формулы¹¹ («проникновение-распространение изначального, благоприятна стойкость» — *юаньхэн, личжэнь*), которая, корреспондируя с упомянутой выше триадической структурой, представляет по существу словесную расшифровку триграммной графики — вербальную экспликацию ее временного измерения. В самом деле, «проникновение-распространение изначального» говорит о разворачивании (*хэн*) главенствующего, и потому исходного начала (т.е. задающего всю последующую игру¹² первого шага *юань*) в полномасштабную игру¹³.

Выражение «благоприятная стойкость» представляет собой формулировку необходимого и достаточного условия («благоприятность») для успешного завершения¹⁴ игры, инициированной начальным шагом. Отсюда каноническое определение «благоприятности стойкости» (т.е. упорства в продолжении правильно начатого) как предзаданности характера сценария, порождаемого первым шагом игрока, направленностью этого самого судьбоносного шага: ««благоприятная стойкость» представляет собой натуру и [производные от нее] свойства» (*ли чжэнь синцин е*)¹⁵. Данная дефиниция, высвечивая прогностическую нацеленность¹⁶ стратегии верности первому шагу игрового сценария, замечательным образом проясняет работу механизма предвидения, как он представлен в приведенном ранее фрагменте Лецзы: «дальновидность в отношении [потенциальных] следствий (бука. свойств) натуры и судьбы (*юань ху синмин чжи цин е*)!». Веским свидетельством (преимущественно) эпистемологического смысла «стойкости» является ее аттестация именно в качестве «мудрости» в четырехчастном перечне традиционных достоинств благородного мужа: человеколюбие, этикетная компетентность, справедливость и мудрость.

Соответственно, структура предсказательной аналитики в точности воспроизводит триграммную троичную схематику: «При управлении государством самое высшее знание — знание начала [того или иного события], следующее по значимости — знание [его] завершения; только потом — знание [его] середины. Кто не способен [овладеть этими] тремя [видами знания], тот неизбежно подвергает свое государство опасности, а самого себя неизбежно обрекает на гибель»¹⁷. В свете предыдущих наших рассуждений речь здесь идет об идентификации начала игры, о понимании хода ее развития и прогнозировании ее финала. Стандартная формулировка фундаментальной прогностической структуры имеет вид следующей импликации: «стойкость — к счастью»¹⁸. Классическими примерами данного условного суждения служат афоризмы как к гексаграмме № 4 «Ожидание» в целом¹⁹, так и к ее пятой черте: «стойкость — к счастью», где «успешность стойкости» недвусмысленно разъясняется ссылкой на стратегию срединности и правильности, визуализируемую пятой чертой²⁰.

Как видим, рациональное переосмысление мантики в рамках китайской традиции руководствуется, говоря языком современности, теоретико-игровыми соображениями, в частности, представлениями об оптимальной²¹ стратегии, обратной индукции (т.е. пошаговых рассуждениях в обратном порядке) и т.п., позволяющими априори предсказывать исход той или иной партии в случае его изначальной предопределенности (т.е. при существовании выигрышной стратегии и правильной игре ее обладателя)²². Характеристической чертой игры является ее интерактивность — ведь не что иное, как коммуникативное взаимодействие участников игры (на основе тех или иных правил) конституирует саму игру. В качестве важнейшего методологического постулата, призванного минимизировать стратегическую неопределенность (т.е. принципиальную неопределенность действий других игроков в ходе игрового взаимодействия), китайским традиционным мировоззрением принимается своего рода принцип реципрокности — допущение того, что любое действие вызовет симметричный ответ. Именно этот постулат полагается основанием самой возможности «предвосхищающего знания» (*сяньчжи*)²³: «Страж Границы сказал Лецзы: “Слова прекрасны, тогда и отклик прекрасен; слова безобразны, тогда и отклик безобразен. Тело длинное — тень длинная; тело короткое — тень короткая. Репутация — это отклик, обще-

ственное положение — это тень. Вот почему и говорится: будь осторожен в словах — с ними согласятся, будь осторожен в поступках — за ними последуют”. Поэтому-то совершенномудрый, смотрит на исходящее от [самого человека] с тем, чтобы узнать, что придет [к тому в ответ от других людей]; наблюдает за ходами (*ван*), с тем, чтобы узнать контрходы (*лай*). В этом и заключается принцип, благодаря которому он, предвосхищая, знает»²⁴.

Подобная диалогичность между говорящим/действующим субъектом и противостоящим ему окружением, т.е. той (зачастую анонимной) внешней средой, от которой приходит ответ на его слова/действия, открывает широчайшие возможности для такой активности познающего субъекта, которая выходит далеко за пределы привычных для европейского сознания форм познавательной деятельности, традиционно строящейся согласно пассивной модели восприятия-претерпевания. Я имею в виду разнообразные приемы манипулирования интерактивной реальностью для сознательного провоцирования желательной реакции: «с помощью дракона вызывают дождь, посредством [телесной] формы приводят тень...»²⁵. «Ведь, кто хочет, чтобы тень была пряма, тот делает прямым [отбрасывающий] ее гномон; кто хочет, чтобы нижестоящие были бескорыстны, тот начинает с себя, [подавая личный пример]»²⁶. Такое проективно-конструктивное отношение к действительности, отличающее китайскую концепцию знания²⁷, объясняет, например, озадачивающую квалификацию стратегической глубины видения мифического императора Юя, как разновидности предвосхищающего знания: «Пока Юй прокладывал русла рек, народ сходил к нему, чтобы набрать черепицы и кирпича. Когда дело было сделано и подвиг совершен, он послужил к пользе десяти тысяч поколений. Юй видел далеко (*со цзянь чжэ юань е*) но народ об этом не догадывался. Поэтому с народом нечего толковать о преобразованиях и обсуждать начинания — с ним можно только радоваться тому, что уже совершено и сделано»²⁸. Эта же стратегическая интерактивность участников игры как раз и позволяет умозаключать от надежности предварительного программирования требуемого результата — успешности реализации примененной стратегии (включая всевозможные стратагемы) — к достоверности соответствующего прогноза.

Рассмотрим показательный пример теоретико-игрового анализа ситуации в самом ее начале, когда она только-только наметилась: по словам источника, «еще не проявилась (*ци вэй чжао*)». Замечательный образец умения загодя спрогнозировать ход игры и заглянуть в ее конец мы находим среди ханьфэйцзывых иллюстраций ключевого положения Лаоцзы о “предвосхищающем прозрении” (точнее, “прозрении в сокровенное”, *вэймин* — А. К.)²⁹ «В древности княжеский сын в уд. Цзинь Чун Эр бежал из родного удела. Когда он проезжал через Чжэн, правитель последнего отнесся к нему бесцеремонно. Шу Чжань, уговаривая князя, сказал: “это добродетельный княжич: отнесся к нему хорошо, вы сделаете лишнее доброе дело (можете собрать добродетели)”. Чжэнский правитель не послушал. Уговаривая вторично князя, Шу сказал: “если не отнестись к нему хорошо, то не лучше ли убить его. Если вы не отдадите (такого) распоряжения, то потом будет беда”. Князь вторично не послушал. Вернулся в Цзинь княжич, поднял войско, пошел войною на Чжэн, совершенно разбил его и взял 8 городов»³⁰.

Руководимый сформулированным в «Дао дэ цзине» принципом «легко удержать то, что [пока еще] в безопасности, легко предупредить то, что еще не проявилось (*вэй чжао*), дальновидный советник Шу Чжань, как явствует из приведенного выше фрагмента, предложил на выбор две радикально противоположные друг другу (но равно оптимальные) стратегии — уважить или уничтожить знатного гостя, столкнувшегося с неподобающим его статусу приемом со стороны не слишком любезного хозяина.

Довольно любопытно обоснование данной стратегической дилеммы, вставшей, по мнению политического провидца, перед правителем удела Чжэн. Со ссылкой на достаточно популярную метафору «сеяния/жатвы»³¹ утверждаются две следующие очевидности: во-первых, не взошедшие семена не дадут всходов; во-вторых, характер всходов целиком и полностью детерминирован характером посеянного. Первая из упомянутых законо-

мерностей объясняет мотивы жестокого требования расправы над беззащитным гостем, как радикального средства («нет человека, нет проблемы») для предотвращения мести, непременно замысливаемой смертельно оскорбленным княжичем³². Вторая — имеет самое непосредственное отношение к проблеме прогностической дедукции: уверенность в результатах предпринимаемых действий, обосновывается правильным стратегическим выбором.

Предельная тривиальность упомянутых выше общеизвестных природных закономерностей (закон урожая) как раз и позволяет имплицативной формулировке второй из них (если посеешь семена рода X и семена рода X принесут плоды Y, то плоды Y также будут из рода X) выступать в качестве кросскультурной метафоры уже не просто этической максимы, а как раз того самого принципа реципрокности, постулирующего однородность (*тунлэй*) поступка и его последствий, о котором я уже упоминал ранее. Как утверждает китайский источник, «основание уверенности в порождаемом коренится исключительно в свойствах [того, что сеется] (*со шэн бу и, вэй дэ чжи цзи*)»³³. Поэтому, если посеянному все-таки суждено будет взойти и принести урожай, то плоды этого урожая с неизбежностью окажутся того же самого рода, что и исходный посев. Более того, они в расширенном масштабе воспроизведут посеянные семена (одно зерно принесет много зерен).

Пафос уподобления воздействия поступков человека на его судьбу самоочевидной зависимости жатвы от сеяния — это упор на запрограммированность и потому стоцентную предсказуемость результата выигрышной стратегии. Рассмотрим следующую виртуальную игру в «сеяние»³⁴, целью которой является получения урожая некоторой заранее намеченной сельскохозяйственной культуры. Успех в этом предприятии считается выигрышем, неуспех — проигрышем. Предположим, что посеянное обязательно всходит и приносит плоды. Допустим также, что сеятель не знает/или постоянно забывает о том, что от известного семени всегда получается такое же семя. Тогда у него есть множество различных стратегий — способов выбора семян для посева из достаточно обширного набора всевозможных семян (содержащего среди прочего и нужные ему семена): например, он может выбирать их совершенно случайно (хватаясь за первые попавшиеся на глаза), или руководствуясь какими-либо эстетическими соображениями (например, их привлекательной формой, или приятным цветом), или же следуя чьему-то совету и т.п. Легко сообразить, что хотя желанный урожай может принести любая из таких стратегий, однако же полная уверенность в конечном результате гарантируется исключительно осознанным выбором правильных семян. Только этот выбор оказывается выигрышной стратегией, наверняка гарантирующей запланированный урожай.

Итак, предопределенность характера жатвы характером сеяния в предположении успешности плодоношения служит надежным ручательством априорной предсказуемости и потому логической принудительности соответствующего прогностического умозаключения. Понятно, что данное соображение естественно обобщается на произвольные предметные области: несомненность предвидения в той или иной игре (сфере деятельности) обосновывается гарантированно благоприятным исходом этой игры при условии выбора/применения выигрышной стратегии ведущим игроком. Или же, напротив, неизбежным проигрышем — при наличии выигрышной стратегии у его оппонента.

Примечательно, что такого рода обобщение концептуализируется посредством гексаграммы № 10 «Поступь» (*Люй*)³⁵, прокламирующей предопределенность (а стало быть, принципиальную предсказуемость) выигрыша/проигрыша избранной поведенческой стратегией. Афоризм к завершающей, верхней черте этой, в буквальном смысле основополагающей («основание [положительных] свойств, *дэ чжи цзи*)»³⁶) гексаграммы предельно лаконично резюмирует идеологию аподиктически достоверного предвидения³⁷, базирующуюся на концепции выигрышной стратегии. Последняя эмблематизируется поразительным по выразительности образом смертельного риска («наступания

на тигриный хвост») со счастливым исходом³⁸. Предполагается, что опасная до безрассудства игра в «наступление на тигриный хвост» может закончиться как успехом (выигрыш — «тигр не кусает»³⁹), так и плачевно (проигрыш — «тигр кусает» смельчака⁴⁰).

Беспоследственное попираание тигриного хвоста призвано проиллюстрировать чудодейственную эффективность стратегии гармонии (хэ), изображаемой «Поступью»⁴¹ и позволяющей, так сказать, «оседлать тигра». Согласно конфуцианской мудрости, суть этой стратегии — в идее победы по правилам, т.е., в известном смысле, с согласия оппонента (коль скоро он принимает правила игры)⁴². Таким образом, речь идет об идеальной выигрышной стратегии, можно сказать, выигрышной стратегии как таковой, т.е. способности игрока к адекватному контрходу в ответ на любой ход оппонента в разыгрываемой игре⁴³. Поскольку речь идет именно о стратегической игре, а стало быть, о стратегическом взаимодействии, то такая адекватность описывается в терминах уже упоминавшейся ранее «гармонии» (хэ) — трактуемой здесь как доминирование одного из двух игроков, не вызывающее протеста оппонента, напротив, тот с готовностью гармонирует, поскольку все происходит строго в рамках правил (представляя собой своего рода *fair play*).

Итак, «Поступь» демонстрирует нерасторжимую связь дедуктивного прогноза с обосновывающей/реализующей его выигрышной стратегией. Эта характерная для логико-методологической мысли Древнего Китая установка на единство знания и действия, высказывания и фундирующей его конструкции не только является неотъемлемой особенностью китайского традиционного менталитета, но также удивительным, на первый взгляд, образом созвучна современным логико-методологическим представлениям о конструктивности знания, требующим эксплицитной спецификации эпистемологических процедур, посредством которых мы получаем это знание. Достаточно напомнить ситуацию в интуиционистской математике, где любое математическое утверждение p всегда требует проведения некоторого математического же построения p с некоторыми заданными свойствами. Иначе говоря, предложение p можно утверждать тогда, и только тогда, когда соответствующее ему построение выполнено.⁴⁴

Детерминированность игры (т.е., существование выигрышной стратегии для одного из двух игроков) в принципе позволяет априорно предсказать ее исход, но, конечно же, в предположении реализации этой выигрышной стратегии. Поэтому существование принципиальной возможности предвидеть исход игры представляет собой лишь необходимое (но никак не достаточное) условие прогностической дедукции, которое только будучи дополненным фактическим обнаружением такой стратегии — соответственно опознанием ее наличия у одного из игроков — гарантирует безошибочность предсказания истинного исхода. Но поскольку нахождение выигрышной стратегии даже для относительно несложных игр (таких, например, как Ним или крестики-нолики⁴⁵), не говоря уже о шахматах и сравнимых по сложности играх, достаточно нетривиальная, а чаще, и практически невыполнимая задача, то определение выигрышных стратегий становится центральной задачей дедуктивного прогнозирования. Коль скоро речь идет об истинности/ложности прогностического суждения (типичной формой которых является утверждение о выигрыше/проигрыше), детерминируемой искомой стратегией, то поиск и формулировка последней оказывается неотъемлемой частью дедуктивно-прогностической разновидности логического вывода.

Как с интуиционистской точки зрения в математических теоремах существования «главную ценность представляет собой не сама теорема, а используемое при ее доказательстве построение, без которого теорема оказывается лишенной какой бы то ни было ценности тенью»⁴⁶, точно так же прогноз без обосновывающей его выигрышной стратегии не может претендовать на статус заключения логического вывода. Вот почему нахождение, экспликация и кодификация таких стратегий являлись одной из важнейших задач китайской логико-методологической мысли (а не просто утилитарно ориентированными *ad hoc* уловками, мотивированными сиюминутными практическими задачами).

Наиболее внятной их формулировкой стала сравнительно поздняя каталогизация подобных стратегий в виде свода 36 стратегем⁴⁷.

Прозрачный пример дедуктивного прогноза на основе производной от одной из таких стратегем выигрышной стратегии предоставляет хрестоматийная история с искусно подстроенной (и потому загодя успешно предсказанной) победой на скачках. Эта история возводится к эпохе «Сражающихся царств». Военачальник Тянь Цзи неоднократно бьется об заклад с правителем государства Ци, делая крупные ставки на скачках и постоянно при этом проигрывая. Знаменитый полководец Сунь Бинь, ученик еще более прославленного военного теоретика Сунь-цзы (автора древнейшего военного трактата в мире), как-то раз присутствовавший на этих скачках, подметил, что лошади Тянь Цзи немногим уступают лошадям циского правителя. Надо сказать, что скачки в те времена состояли из трех заездов различных лошадей из одной конюшни: лучших, средних и посредственных. Сунь Бинь, посулив незадачливому игроку выигрыш, советует ему без колебаний ставить по-крупному. Обещание полководца оказалось не пустым посулом, и потому поверивший в него игрок сорвал баснословный куш.

Предложенная Сунь Бинем стратегия сводится к жертве посредственной лошадей (она выставляется против лучшей лошади правителя) ради выигрыша двух остальных, из которых лучшая лошадь Тянь Цзи предсказуемо побеждает среднюю лошадь противника, а средняя лошадь — посредственную лошадь циского владыки. Соответственно, Тянь Цзи, проигрывая в одном заезде, уверенно выигрывает в двух остальных и в итоге (один проигрыш против двух выигрышей) побеждает.

Идея пожертвовать частью ради выигрыша в целом, лежащая в основе примененной Сунь Бинем стратегии, впоследствии концептуализируется китайской традицией посредством стратегемы № 11 «Сливовое дерево засыхает вместо персикового» («*Ли дай тао цзян*»)⁴⁸. В рассмотренном выше случае использования этой стратегемы роль сливы, засыхающей вместо персика, уготована заведомо проигрывающей посредственной лошади Тянь Цзи, спасающей своим проигрышем от поражения лучшую и среднюю лошадей (исполняющих, таким образом, роли персиковых деревьев).

В пояснении к стратегеме № 11, в отличие от абсолютного большинства схожих лаконичных пояснений к другим стратегемам, отсутствуют прямые заимствования из текстового обрамления какой-либо конкретной гексаграммы, за исключением дважды повторенного названия гексаграммы № 41 «Убавление» («*Сунь*»). «Если [в данных обстоятельствах] убыль неизбежна, то следует убавить инь для прибавления ян (*ши би ю сунь, сунь инь и и ян*)»⁴⁹. Данное повторение гексаграммного имени рассматривается подавляющим большинством китайских исследователей как указание на гексаграмму *Сунь*, стоящую за данной стратегемой. Предлагается следующая реконструкция: имеет место преобразование гексаграммы № 11 *Тай* ☰ в *Сунь* ☷, когда нижняя (внутренняя) триграмма *Тай* при трансформации в *Сунь* убывает, приобретая иньскую черту вместо янской (речь идет о третьей снизу черте), а верхняя триграмма, напротив, умножается за счет приобретения янской черты вместо иньской (верхняя черта)⁵⁰.

Данная метаморфоза призвана изобразить убавление низа (триграмма Небо ☰ из *Тай* становится триграммой Озеро ☱ в *Сунь*) и прибавление верха (триграмма Земля ☷ из *Тай* превращается в триграмму Гора ☶ гексаграммы *Сунь*).

Обратим внимание на то, что в «Дао дэ цзине», для которого тема прозорливости является одним из сквозных мотивов, пожалуй, с наибольшей отчетливостью обнажается стратегемный аспект прогностического умозаключения: «Если хочешь сжать, прежде нужно растянуть. Если хочешь ослабить, прежде нужно усилить. Если хочешь развалить, прежде нужно возвеличить. Если хочешь отнять, прежде нужно дать. Вот что зовется “предвосхищающим прозрением” (*вэймин*)»⁵¹.

Гексаграммными прообразами этого лаоцзывого «предвосхищающего прозрения», по-видимому, является пара гексаграмм: № 41 ☵ «Убавление» (*Сунь*) и № 42 ☱ «Прибавление» (*И*). Неслучайно глава 18 «Дела человеческие» (*Жэнь цзянь сюнь*) «Хуайнань-цзы», иллюстрирующая «знание и предвидение» различными поучительными историями, открывается краеугольной для всей этой тематики цитатой из «Дао дэ цзина»: «[В порядке] вещей, что либо убавление чего-либо [оборачивается] прибавлением [этого], либо прибавление чего-либо [приводит к] убавлению [этого]»⁵². Далее идет прямая ссылка на эти гексаграммы: «Когда Конфуций, читая “Перемены”, доходил до [гексаграмм] Убавление и Прибавление, то всегда в волнении вздыхал и говорил: “Убавление и Прибавление [относятся] к царским делам!”»⁵³. Он следующим образом поясняет причину своего волнения в более развернутой версии этого пассажа: «Убавляющему самого себя непременно прибавится, а у прибавляющего самому себе непременно убавится — вот почему я вздыхаю»⁵⁴. По свидетельству недавно обнаруженного важного источника, величайший мудрец Китая специально отмечал ведущую роль «дао Убавления и Прибавления» в прогнозировании всевозможных «приобретений и потерь» (*сунь и чжи дао цзу и гуань дэши и*)⁵⁵.

В отличие от злокозненной ухищренности намеренного провоцирования оппонента на «прибавление» с прицелом (за счет «предвосхищающего прозрения») на обратный эффект «убавления», стратегия «убавления самого себя» отнюдь не сводится к коварной манипулятивности. Напротив, она представляет вполне respectable, можно сказать, каноническую стратегию «убавления» в расчете на последующее «прибавление». Классическим примером увязки стратегии «убавления» с ее прогнозируемым результатом является следующая знаменитая пара утверждений: «Убавляется и вновь убавляется, так что, в конце концов, доходит до недеяния. При недеянии же нет того, чего бы не делалось (*сунь чжи ю сунь и чжи юй увэй, увэй эр у бுவэй*)»⁵⁶.

Прогнозируемый результат («нет того, чего бы не делалось») выглядит вызывающе парадоксальным: недеяние чудесным образом вдруг оборачивается вседеянием. Понять, как в реальности, а не на словах, «ничто становится всем», помогает обращение к сакральному для китайской культурной традиции образу сидящего в ритуальной позе и обращенного лицом к югу совершенномудрого императора Шуня в церемониальном облачении. «Хуанди, Яо и Шунь облеклись в одеяния [состоящие из верхней и нижней частей]»⁵⁷, и в Поднебесной наступил порядок⁵⁸. По-видимому, [они] взяли это из триграмм/гексаграмм “Творчество” и “Исполнение” (т.е. из ☳ и ☵ — *А.К.*)»⁵⁹.

Сходным образом мудрый правитель, по словам Сюньцзы, «в хранимом предельно экономен (букв. предельно сокращен — *чжи юэ*), но при этом, [способен восстановить] мельчайшие подробности [хранимого]. В делах предельно празден, но при этом плодотворен. Облачен в одеяние [состоящее из верхней и нижней частей], не покидает циновки и при всем том, нет никого из людей среди [всех четырех] морей, кто бы ни желал обрести [его] в качестве императора. Вот это и называется предельной экономией. Нет радости большей, чем эта»⁶⁰.

Важно, что политика недеяния, иллюстрируемая вальяжной фигурой демонстративно бездельничающего правителя, вся активность которого сводится к облачению в костюм особого фасона, охарактеризована здесь как ярчайшая экземплификация логико-методологической концепции «сокращения»⁶¹. Выходит, что стратегия последовательного убавления («убавляется и вновь убавляется»), приводящая к вседеятельному недеянию представляет собой инструмент нахождения наименьшего действия, достаточного для инициации/задания всей игры. В рассматриваемом случае — имитацию монаршего дресс-кода, когда почин совершенномудрого императора, которому его командная позиция автоматически обеспечивает статус «иконы стиля», одним лишь своим церемониальным облачением и ритуальной позой индуцирует всех своих подданных: «упорядочивает себя самого и в Поднебесной наступает порядок» (*чжи ци шэнь эр тянься чжи*)⁶².

В полном согласии с Лаоцзы (*дао чан у вэй эр у бу вэй*) подобное минимальное (*увэй*), но максимально эффективное (*у бу вэй*) действие, сворачивающее в себе весь способ действий (*дао*), конституирующий игру, аттестуется Сюньцзы как знание мудреца, резко контрастирующее с чреватый безумием хаосом знаний глупца: «Знание знающего крепко [охватом] многого, [оно] существует благодаря хранению малого. Можно ли не вникать [в него]? Знание глупца крепко [охватом] малого, [оно] существует благодаря хранению многого. Можно ли не обезуметь [от него]?»⁶³.

Препятствием любой успешной игровой прогностики является троякая неопределенность исхода игры: (1) либо по причине стратегической неопределенности, т.е. непредсказуемости предпринимаемых оппонентом действий; (2) либо из-за комбинаторной неопределенности, т.е. комбинаторной сложности игры — практической необозримостью множества вариантов, возникающих по ходу игры; (3) либо, наконец, вследствие неопределенности, обусловленной влиянием случайных факторов. Поэтому возможность прогностической дедукции, зависящая от существования предопределенности (полная определенность) исхода игры, обеспечивается устранением фактора случайности, минимизацией стратегической неопределенности и фактического сведения ее к обозримой комбинаторной игре с полной информацией (см. пример «Скачек»). Обозримость является здесь ключевым моментом. Минимализация комбинаторной сложности игры достигается посредством ее триграммно-гексаграммной миниатюризации. Все мыслимые встречи инь и ян в шести позициях, исчерпывающие всевозможные сочетания начал, середины и концов, как раз и призваны свести разнообразие игровых сюжетов к комбинаторно прозрачным конфигурациям из шести позиций, допускающим полный анализ.

В качестве первого примера подобной триграммно-гексаграммной миниатюризации рассмотрим простейшую, но при этом основополагающую для идеологии Инь-Ян дуализма, симметричную игру двух игроков с двумя же стратегиями, изображаемую следующей матрицей (табл. 1).

Таблица 1

Игра «Порождение»

Инь ☵ / Ян ☲	1 черта	2 черты
1 черта	1, 1	1, -1
2 черты	-1, 1	-1, -1

Игроками здесь являются Инь и Ян, визуализируемые «родительскими» триграммами (*фуму гуа*) «Исполнение» (*Кунь* ☷) и «Творчество» (*Цян* ☱), соответственно. Столбцы таблицы представляют две возможные стратегии триграммы ☷: заместить ли своими прерванными чертами одну или же две непрерывные черты триграммы ☷. Симметричным образом, строки содержат две аналогичные стратегии для триграммы ☱: либо одна непрерывная черта займет место одной прерванной черты в триграмме ☷, либо же две. В клетках матрицы размещены числовые оценки результатов применения игроками каждой из доступных им стратегий, где выигрыш/проигрыш строк обозначается **первым** числом пары, соответственно, выигрыш/проигрыш столбцов — **вторым**. Положительное число изображает выигрыш, а отрицательное — проигрыш.

Цель обоих игроков — **максимизация** числа выигранных, т.е. иньских (иначе говоря, материнских), соответственно — янских (отцовских) триграмм⁶⁴. Легко заметить, что оптимальной для них обоих оказывается одна и та же стратегия, а именно, замена одной, и только одной, исходной черты на свою. Когда и отец (☷), и мать (☱) одновременно придерживаются этой наилучшей для них стратегии, то ее результатом (изображенным в начальной клетке первой строки матрицы) будет успешная реализация цели игры каждым из игроков: максимизация числа как отцовских, так и материнских триграмм («сыновей» и «дочерей», соответственно)⁶⁵. В предположении реализации обоими игро-

ками их оптимальных стратегий очевидна предопределенность и потому стопроцентная предсказуемость подобного равновесного исхода игры.

Для древнекитайской методологии исходным типом большего класса игр выступает игра в «самореализацию»⁶⁶, оптимальной стратегией в которой является количественная аккумуляция самореализующейся сущностью своих дискретных составляющих, постепенное наращивание образующего ее материала вплоть — по достижении определенной меры — до «перехода количества в качество»⁶⁷.

Контаминация двух частных случаев игры «самореализация» (для горы и для озера) дает очень важную новую игру, где гора и озеро фигурируют в качестве ярчайших материализаций взаимодействия двух взаимоположенно направленных векторов. «Гора и озеро по своей природе суть убывающие и возрастающие вещи: если [земля, образующая гору] не возрастает, то [последняя] непременно рассыдется, если [земля, вмещающая озеро] не убавится, то [последнее] непременно высохнет»⁶⁸. Формальным основанием, позволяющим амальгамировать две различные экзemplификации одной и той же игры в новую, значительно более интересную игру, оказывается присутствие в составе «Убыли» триграммы «Исполнение» (Кунь ☵☵)⁶⁹, первым «предметным» значением которой как раз и является земля.

Мы видим, что весьма изобретательным образом гора и озеро приводятся, так сказать, «к одному знаменателю» (роль которого играет земля), по существу, становясь лицевой и изнаночной стороной друг для друга, знаменуя выпуклость и вогнутость земной поверхности, соответственно. Подобное сопряжение в единое динамическое целое процессов возрастания и убывания посредством сведения их к взаимобратным деформациям одной и той же поверхности можно представить в виде следующей игры (табл. 2).

Таблица 2

Игра «Убывания/возрастания» (1)

Гора/Озеро	Возрастание земли	Убывание земли
Возрастание земли	1, -1	1, 1
Убывание земли	-1, -1	-1, 1

Оптимальные стратегии для горы и озера, как явствует из табл. 2, строго противоположны друг другу: если для горы это прибавление земли (когда гора становится все выше и выше), то для озера ровно наоборот — убавление земли, т.е., понижение земной поверхности, служащей вместилищем озера (при котором озеро делается все глубже и глубже).

Однако здесь обнаруживается один тонкий момент, не схватываемый изображенной в табл. 2 матрицей: идейный посыл гексаграммы «Убывание» вовсе не в банальной констатации того очевидного факта, что рост горы обеспечивается возрастанием образующей ее массы земли, а в указании на гораздо более нетривиальный способ возрастания горы — за счет углубления лежащего у ее основания озера. Действительно, способы бытийствования озера и возвышающейся над ним (в контексте гексаграммы «Убывание») горы таковы, что углубление озера, т.е. проседание-«убывание» его дна, равносильно укрупнению-«возрастанию» надстраивающейся над ним горы, высота которой при этом, естественно, отсчитывается от дна этого озера.

Таким образом, стратегия аккумуляции-возрастания земли уравнивается стратегией ее убывания, что связывает природные полярности («горы и доли») отношением **обратной пропорциональности**: чем ниже уровень земли у дна озера, тем выше надстраивающаяся над ним гора и, наоборот, чем выше гора, тем ниже/глубже заполненная водой низина/ущелье. «Земля, образуя гору благодаря возрастанию [земли], тем самым образует и озеро благодаря убыванию [земли]»⁷⁰. Возникает следующая уточненная версия игры «Убывания/возрастания» (табл. 3).

Таблица 3

Игра «Убывания/возрастания» (2)

Гора/Озеро	Возрастание земли	Убывание земли
Возрастание земли	1, -1	1, 1
Убывание земли	-1, -1	0, 1

Числовая оценка «нуль», стоящая в правой нижней клетке, указывает на компенсированность убыли горы за счет убыли озера. В случае с выпуклостью горы и вогнутостью озера (изображаемой гексаграммой «Убывание») мы имеем дело со строго замкнутой системой земной поверхности, где взаимобратность ее противоположно направленных искривлений-деформаций может быть проинтерпретирована в теоретико-игровых терминах как обмен одним и тем же ресурсом (т.е. землей) между двумя игроками. Такое теоретико-игровое прочтение взаимодуальности положительной и отрицательной кривизны (выпуклости и вогнутости) приводит к любопытнейшей двусмысленности. С одной стороны в этой «топологической» парадигме один игрок выигрывает в точности столько, сколько проигрывает другой (гора вырастает настолько, насколько убывает/углубляется дно озера, а дно озера в свою очередь выравнивается/поднимается настолько, насколько убавилась высота горы), т.е. повсюду работает принцип антагонистических игр. Но с другой стороны из-за особенностей самого способа существования озера, необходимым условием которого является именно наличие пустотности — впадины в земле, — прирост верха (т.е. выигрыш горы) за счет убыли низа, отнюдь не означает проигрыша низа, т.е. озера (ведь при углублении чаши озера, оно, напротив, вмещает больше воды). Так что первоначальная антагонистичность счастливо разрешается в парадоксальную кооперацию! Дуальность положительной и отрицательной кривизны — выпуклости и вогнутости (凸 и 凹) выступает здесь как парадоксальная кооперация на фоне антагонистической игры за перераспределение ресурсов земной поверхности.

В случае гексаграммы «Убывания» перед нами образчик редуцирования большого класса всевозможных игр «роста/умаления»⁷¹ до максимально компактного и потому прозрачного гексаграммного сценария. В контексте этого сценария делается стратегический выбор в пользу позиции «униженного озера» с верным расчетом на неминуемый выигрыш последнего безотносительно любых возможных контрдействий оппонирующей ему горы. Детализация подобной стратегии «самоумаления» (*цзы сунь*) обнаруживается у Сюньцзы⁷² и сводится к заблаговременному упреждению предсказуемого ответа оппонента. Пренебрежение такой стратегичностью поистине смерти подобно⁷³. Ведь согласно общему принципу всех динамических игр (т.е. игр с последовательными ходами) каждый игрок должен загодя просчитывать будущие ответные действия противостоящих ему игроков и на основе этого расчета выбирать свой упреждающий ход в настоящем. Что касается подразумеваемой стратегией «самоумаления» прогностической дедукции, то гексаграммы «Убывание» и «Возрастание» представляют собой «начала расцвета и упадка» («Сунь» «И», *шэн шуай чжи ши е*), соответственно⁷⁴, и, следовательно, могут рассматриваться в качестве примера применения стандартного теоретико-игрового приема обратного рассуждения (смотреть вперед и рассуждать в обратном порядке), позволяя с достоверностью прогнозировать всевозможные «приобретения и потери».

Проективность, т.е. нацеленность на перспективу, отличающая китайские представления о познавательной активности, подкрепляется указанием практических способов достижения этой перспективы. Квинтэссенцией подобной конструктивной фундированности проектирования является заостренность этой проективности/конструктивности до хитроумных приемов сценирования/стратагематики. Динамизм опирающейся на сценирование будущего китайской логики разительным образом отличается от статичности классического образа логики (как традиционной, так и современной), подразумевающего пассивную регистрацию уже существующего — отражение якобы независимой от на-

блюдателя «объективной» реальности, при котором логика оказывается не более чем статичным стражем корректности рассуждения. Напротив, китайская концепция логики фокусируется на выведении следствий из стратегических соображений относительно будущего, активно и целенаправленно формируемого познающим и одновременно участвующим в процессе коммуникативного взаимодействия субъектом.

1. Говоря «логика», мы имеем в виду прежде всего логический вывод, иначе говоря, дедуктивное рассуждение.
2. «Стратегичность» мы берем здесь в стандартном теоретико-игровом смысле: к стратегическим играм относятся те, в которых источником игровой неопределенности является непредсказуемость действий соперника. Последний может быть как реальным (человек, коллектив), так и условным (природа, обстоятельства).
3. «Ни Юэ, житель уезда Сун, был искусным диалектиком (*бяньчжэ*). Отстаивая тезис о том, что белая лошадь не лошадь, он одолел [всех других] диалектиков из циской академии Цзися. Проезжая на белой лошади через заставу, он [все же был вынужден] заплатить за нее пошлину как за лошадь [именно] белой масти. Таким образом, опираясь на пустые слова, [он] сумел победить [в споре] целое государство, но при выяснении фактического положения дел и, исходя из [реальной] формы [предмета пререканий, он] не смог провести и одного человека». См.: Хань Фэй-цзы цзицзе: [Хань Фэй-цзы с собранием разъяснений] // Чжуцзы цзицэн. Т. 5. Пекин, 1988. С. 210.
4. «Знание и предвидение (*чжэлюй*) суть двери счастья и несчастья». См.: Хуайнаньцзы // Чжуцзы цзицэн. Т. 5. Пекин, 1988. С. 306.
5. Люйши чуньцзо: [Весны и осени господина Люя] // Чжуцзы цзицэн. Пекин, 1988. Т. 6. Цз. 20. Гл. 4. С. 183–184.
6. Имеется в виду игра как регулируемое правилами поведение оппонентов в стратегическом взаимодействии.
7. Например, неизбежную эскалацию конфликта в следующей самоубийственной игре в месть: «В царстве Чу был пограничный город под названием Бэйлянь. Некая девица из этого города вместе с другой девицей из пограничного города со стороны царства У вместе собирали листья тут на самой границе. Во время забавы девица из Бэйляня как-то поранилась. Тогда люди из Бэйляня обвинили в ранении своего чада взрослых из У. Отвечая на это обвинение, усцы не были достаточно вежливы, что рассердило чусцев, которые убили жителей У и оставили их там лежать. Усцы тогда отправились в Чу, чтобы отомстить за это, и уничтожили всю семью той девушки. Это привело в ярость бэйлянского гуна, который вскричал: “Что? Эти усцы смеют нападать на мой город?” Он поднял войско и повел его ответным походом на чуский город, истребив там всех от мала до велика. Узнав об этом, пришел в ярость И Мо, царь Чу. Во главе войск он напал на пограничный город усцев и сровнял его с землей, предварительно разграбив, а затем отступил. Царства У и Чу с той поры стали непримиримыми врагами. В результате усский гун Цзы Гуан вновь пошел походом и дал сражение чусцам при Цзифу. Он нанес сокрушительное поражение чусцам и захватил их полководцев Пань Цзычэна, Сяо Вэйцзы и Фэнь Сяо. Затем он привел войска к стенам Ин, столицы царства Чу, где захватил и увез к себе жену чуского Пин-вана. Таковы истинные мотивы битвы при Цзифу». (Цит. по: Люйши чуньцзо (Весны и осени господина Люя) / пер. Г.А. Ткаченко. М.: Мысль, 2010. С. 126).
8. Хрестоматийным примером роковой ошибки — так сказать «ложного узнавания» — в опознании/идентификации характера происходящего («рода вещей» — *улэй*) служит следующая драматическая история: «Юй был лянским богачом. Дом [его] был полон гостей и изобилия: деньги и шелка не меряны, имущество и товары — не считаны. Восходя на высокую башню у дороги, [он] устраивал пиры — играла музыка, стучали кости. [Под башней] прохаживались удалцы. На башне раздался смех — [какой-то] игрок, попав в красный нефрит, выиграл две рыбы. А тут в удалцов попала дохлая крыса, которую уронил пролетавший коршун, и они стали друг другу говорить: “Юй давно уже наслаждается богатством и презирает других. Мы его не трогали, а [он нас] оскорбил, [кинув] дохлую крысу. Позовем на помощь таких же, как мы, оскорбленных, поведем всех и наверняка уничтожим его семью, чтобы уравнять отношения меж-

- ду людьми". Все согласились. Ночью в назначенный день, раздобыв оружие, вся ватага поднялась, напала на Юя и уничтожила [его] со всей семьей». Цит. по: Ян Чжу. Леузы // Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., 1967. С. 127. Данный сюжет воспроизводится в «Хуайнань-цзы» со следующими пояснениями: «Есть пословица: "Коршун уронил дохлую мышь, а Юй из-за этого погиб"... Это и называется относить явление к одному роду, в то время как оно принадлежит к другому». См.: Хуайнаньцзы. Философы из Хуайнани / пер. с кит., вступ. ст., примеч. Л.Е. Померанцева. М.: Наука — Вост. лит., 2016. С. 301–302.
9. В таких серьезных играх, как война, малейшая небрежность и вовсе может обернуться катастрофическими последствиями: «Сын гуна из царства Чжэн по имени Гуйшэн поднял войско с целью покарать царство Сун. Сунский Хуа Юань во главе своих войск встретил его при Даши. Ян Чжэнь правил его боевой колесницей. Накануне битвы Хуа Юань велел заколоть барана, чтобы угостить мужей, но Ян Чжэнь туда не был приглашен. На следующий день в ходе битвы он гневно обратился к Хуа Юаню и сказал: "Вчера ты всем заправлял, а сегодня всем заправляю я!" И он направил боевую колесницу в самый центр чжэнских войск. Сунские войска потерпели поражение, а Хуа Юань был пленен». Цит. по: Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) / пер. Г.А. Ткаченко. М.: Мысль, 2010. С. 127.
 10. Legge J. The Chinese Classics with a Translation. Critical Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indices: in 7 vol. Oxford, 1893. Vol. 1. P. 40–41.
 11. Стандартно именуемыми «четырьмя качествами» (*сыдэ*).
 12. Имеется в виду мироустроительная антагонистическая игра взаимодействия/соперничества двух абстрактных игроков — повсеместных полярностей Инь и Ян.
 13. «Облака идут, дожди накрапывают; разновидности вещей перетекают формами» (толкование посредством взаимодействия Цянь и Кунь, в частности, «игра в тучку и дождик»). Кроме того, как уже говорилось, данная (т.е. вторая) составляющая четырехчастного клише соотносится со второй — серединой — чертой триграммы, т.е., с «продолжением». Эта тема продолжения-развития как распространения-тотализации (*хэнтун-чжэоу*) звучит в комментарии ко второй черте начальной гексаграммы «Творчество» (в комментариях именно к этой гексаграмме «четыре качества» специально обсуждаются): «распространение *дэ* повсеместно... *дэ* обширно и преобразует [других]».
 14. «Стойкость — [это] совершение дел» (*чжэнь чжэ ши чжи гань е*), где эта самая «твердость в стойкости, достаточная для совершения дел», понимается толкователями (см.: Исюэ да цыдянь: [Большой словарь ицзиноведения]. Пекин: Хуася, 1992. С. 47) именно как способность довести начатое до конца (*цзю и чэньши*).
 15. Чжоу и чжэнь // Шисань цзин чжушу: [«Чжоуская (книга) перемен» в ортодоксальном толковании // «Тринадцать канонических книг» с комментариями]. Шанхай, 1935. Т. 1. С. 17.
- В частности, для «Творчества», где начальная янская черта, посредством своей коренной природы свертывает в себе [все многообразия] своих свойств (*цяньян и ци бэньсин юэму ци цин* — выделено мной. — *А.К.*). См.: Исюэ да цыдянь. С. 50. Согласно Ван Би: «Если бы натура не [ограничивала производные от] нее свойства, то как можно было бы длительно осуществлять их правильность? (*бу син ци цин, хэ нэн цзю син ци чжэнь*)» (Чжоу И чжэнь... С. 17.) Имеется в виду, что рассогласование свойств-derivативов исходной природы, неизбежно повредит их правильность (противоречия самому смыслу «производности»).
16. Имеется в виду априорная предсказуемость «свойств» в предположении их нерушимой верности исходному судьбоносному послы — «натуре».
 17. Люйши чуньцю: [Весны и осени господина Люя] // Чжуцзы цичэн. Пекин, 1988. Т. 6. Цз. 20. Гл. 4. С. 192.
 18. Я оставляю сейчас в стороне (как выходящую за рамки тематики данного исследования) стародавнюю проблему озадачивающего многообразия идущих непосредственно вслед за «стойкостью» знаков, в частности, таких несомненных антонимов *ци* (к счастью), как несчастье (*сюн*), опасность (*ли*), сожаление (*линь*) и т.д. Одним из распространенных объяснений подобного разнобоя является предположение о различной грамматике лишь внешне схожих друг с другом бинарных сочетаний, начинающихся с *чжэнь* — соответственно требующих различной реконструкции (например, *чжэнь сюн* прочитывается как «стойкость в целях предоставления несчастья»).
 19. Согласно субкомментария Кун Инда: *юй чжэнь цзэ цзи* («благоприятность» обусловлена сохранением «правильности»). См.: Чжоу И чжэнь... С. 23.

20. «Срединность» — середина верхней триграммы, а «правильность» — четность черты совпадает с четностью позиции (янская черта в нечетной, а стало быть, янской позиции).
21. Иначе говоря, минимаксной (т.е. лучшей среди худших) стратегией, обеспечивающей некий заведомо позитивный исход при любой контригре оппонента.
22. При условии существования выигрышной стратегии для одного из игроков, как, например, в шашечной игре «волки и овцы», где при правильной игре последние, так сказать, обречены на победу.
23. Обычно терминологизируемый иероглифическим биномом «знание и предвидение» (*чжшлюй*). См.: *Knoblock J. Xunzi: a translation and study of the complete works*. Stanford, 1988. Vol. 1. Books 1–6. P. 148–149.
24. Ле-цзы // Чжуцзы цзицэн. Пекин, 1988. Т. 5. С. 89.
25. Люйши чунью: [Весны и осени господина Люя] // Чжуцзы цзицэн. Пекин, 1988. Т. 6. Цз. 20. Гл. 4. С. 127.
26. *Xuany Kuany*. Спор о соли и железе (Янь те лунь) / пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. С. 105. (Памятники письменности Востока. СХХV.1, 2)
27. В классическом ранжировании когнитивных процессов у Сюньцзы практическое умение наделяется наивысшим познавательным статусом, «Не слышать [о чем-то] — хуже, чем слышать об этом. Слышать о чем-то — хуже, чем видеть это. Видеть что-то — хуже, чем знать это. [Просто] знать нечто — хуже, чем [мочь] осуществить это. [Когда] в учебе доходят до [способности] осуществлять, то [на этом] останавливаются. Осуществление является прозорливостью (*мин*). Прозорливец является совершенномудрым». Поясняя предпоследнюю фразу данного рассуждения (несколько неожиданное определение прозорливости как способности претворить в жизнь теоретическое знание), комментатор замечает: ««[способность] осуществить» свидетельствует о глубочайшем прозрении (*тунмин*) [в существо] дела». См.: Сюнь-цзы цзицзе: [Сюнь-цзы с собранием разъяснений] // Чжуцзы цзицэн. Пекин, 1988. Т. 2. С. 90. О своеобразии китайского «действенного знания» см., например, *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002. С. 335–351.
28. Люйши чунью: [Весны и осени господина Люя] // Чжуцзы цзицэн. Пекин, 1988. Т. 6. Цз. 20. Гл. 4. С. 189. Чеканная формулировка подобного стратегического видения у Лаоцзы (гл. 63): «увидеть малое как большое, малое как многое».
29. См. Лао-цзы // Чжуцзы цзицэн. Пекин, 1988. Т. 5. Гл. 36. С. 21. Ср.: *Лао-цзы*. Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни / пер. В.В.Малявина. М.: Феория, 2013. Гл. XXXVI. С. 340.
30. Материалы по китайской философии / пер. А.И. Иванова. СПб, 1912. С. 143.
31. Так называемый закон урожая (что посеешь, то и пожнешь).
32. См.: *Лю Цянь, Лу Чжэу*. Гоуй чжэнцзун: [«Речи царств» в ортодоксальном изложении]. Пекин, 2008. С. 192.
33. Там же.
34. Представляющую собой разновидность «игры с природой».
35. Указанием на гексаграммную подоплеку упомянутого в «Речах царств» закона урожая является присутствующая там отсылка («основание [положительных] свойств» *дэ чжи цзи*) к следующей канонической аттестации гексаграммы № 10 «Поступь»: «Вот почему, “Поступь” [представляет] основание [положительных] свойств (*дэ чжи цзи*)». См.: Чжоу И чжэнъи... С. 89.
36. Чжоу И чжэнъи... С. 28.
37. «Рассматривай поступь и вникай в [являемые ей] предзнаменования (*ши люй, као сяи*)». См.: Чжоу И чжэнъи... С. 28.
38. «Наступить на хвост тигра — [если] со страхом и трепетом, то, в конечном счете, к счастью». См.: Чжоу И чжэнъи... С. 27.
39. «Наступить на хвост тигра [так, чтобы он] не укусил человека...» (Чжоу И чжэнъи... С. 27).
40. Афоризм к 3-й черте гласит: «Но если так (неумело: подслеповато и хромяя) наступить на хвост тигра, [так, что он] укусит [этого] человека. К несчастью» (Чжоу И чжэнъи... С. 28).
41. «“Поступь” [говорит] о достижении цели посредством гармонии (*хэ эр чжи*)» и, соответственно, сама по себе «“Поступь” [предназначена для] гармонизирующего осуществлении (*и хэ син*)» (Чжоу И чжэнъи... С. 89).
42. В нашем случае — вызывающе третируемого опасного хищника, который не только не управляется с дерзким обидчиком, но, напротив, «радостно откликается (*юэ эр ши ху цянь*) в от-

- вет. «Вот почему [можно] “наступить на хвост тигра [так, чтобы он] не укусил человека...”» (Чжоу И чжэньи... С. 27).
43. Триграмма Цянь в контексте «Поступи» изначально обладает выигрышной стратегией в игре наступания на тигринный хвост. Сбой в третьей/шестой позиции объясняется отступлением от этой выигрышной стратегии («и подслеповатый может видеть, и хромой может наступить — недостаточно для того, чтобы идти наравне с другими; [если так] наступить на хвост тигра, то он укусит этого человека»). Неслучайно в соответствии с каноническим вердиктом Конфуция гармония представляет собой сердцевину традиционных форм поведения, обозначаемых словом этикет.
44. См.: *Гейтинг А.* Интуиционизм. М., 1965. С. 123.
45. В последнем случае, правда, приходится ослаблять «победу» до «непроигрыша», т.е. победы или ничьей.
46. *Вейль Г.* О философии математики. М., 2005. С. 23.
47. *Саньши лю цзи.* У арханчного «плана/замысла/расчета» (*цзи*) в современном виде — *цзицэ*, *цзилю* и *цзилюэ*, имеется много синонимов. Подробнее см.: *Зенгер Х. фон.* Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать / пер. с нем. А.В. Дыбо, А.Д. Гарькавый: в 2 т. М.: Эксмо, 2004. Т. 1. С. 8.
48. Там же. С. 193–219. См. также: Тридцать шесть стратагем // Китайская наука стратегии / сост. Малявин В.В. М.: Белые альвы, 1999. С. 259–271.
49. См.: Саньшилю цзи синьбянь: [36 стратагем в новой редакции]. Пекин: Цзефанцзюнь чубань-шэ, 1984. С. 34.
50. Саньшилю цзи лайюань юй Ицзин 64 гуа: [Истоки 36 стратагем и 64 гексаграммы Ицзин]. URL: http://www.360doc.com/content/14/0311/14/5642174_359560148.shtml2014-04-11.
51. Хань Фэйцзы иллюстрирует данный пассаж следующими историями: «Правитель Юэ поступив на службу в У, убеждал начать войну с Ци, имея в виду нанести вред уделу (т.е. уделу У. — А.К.). Когда же войска У одержали победу при Ай-лин над Ци, он заставил растянуть войска по Цзян и Цзи, насильно повел их к Хуан-чи и, только благодаря этому мог справиться с ним (одержав победу) при У-ху. Поэтому и сказано: “желая сократить, настойчиво растягивай: намереваясь ослабить, настойчиво усиливай”. Когда цзиньский кн. Сянь хотел напасть на вл. Юй, он направил туда нефрит и коней. Намереваясь напасть на Чоу Ю, Чжи Бо отправил в подарок большой экипаж (с колоколом и следом сам пошел с войском). — “Желая взять необходимо дать”. Начиная дело, когда нет формы, стремиться в великим заслугам перед миром — это ясность (букв., “прозрение в сокровенное” *вэймин* — А.К.). (Цит. по: Материалы по китайской философии. С. 141). Сюжет о вероломстве цзиньского князя Сянь в качестве иллюстрации все той же самой диалектики «дарения/отбирания» детализируется в Хуайнань-цзы: «А что называется отдать, а в результате взять? Цзиньский Сянь-гун собрался попросить проезда у царства Юй, чтобы напасть на Го. Он послал в подарок диск из нефрита Чуйцзи и упряжку, запряженную цюйчанскими конями. Юйский гун соблазнился подарками и собрался дать им дорогу. Гун Чжици, увещевая, сказал: “никак нельзя пропускать. Ведь Юй и Го это все равно как повозка и колеса: колеса поддерживают повозку, повозка опирается на колеса. Сила Юй и Го во взаимной поддержке. Если дать цзиньцам дорогу, то Го погибнет утром, а Юй — вечером”. Юйский гун не послушался увещеваний и дал дорогу. Сюнь Си повел войска на Го и покорил его, а на обратном пути напал на Юй и взял его. Это и называется отдать, а на самом деле взять». Цит. по: Хуайнаньцзы. Философы из Хуайнани. С. 310.
52. Лао-цзы // Чжуцзы цзинчэн. Т. 5. Гл. 42. С. 27.
53. Хуайнаньцзы // Чжуцзы цзинчэн. Т. 5. С. 306.
54. Кунцзы цзяюй: [Семейные речи Конфуция] / Ван Госюань, Ван Сюэмэй. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. С. 189.
55. Бошу Чжоу И цзяоши: [Шелковая рукопись Чжоу И с сопоставительными пояснениями] / пер на совр. кит. и коммент. Дэн Цюбо. Чанша, 1996. С. 484.
56. Лао-цзы // Чжуцзы цзинчэн. Т. 5. Гл. 48. С. 29.
57. Букв. «Вывесили одежду» (*чуй и*). Стилистическая вычурность («Вывешивание одежды») представляет собой явную отсылку к идейному истоку демонстративного поведения подобного рода: «Небо вывешивает образы (*чуй сяи*), из которых явствует благоуспешность и неблагоприятность в судьбе. Совершенномудрые соотносятся с ним» (Чжоу И чжэньи... С. 82). Очевидна перекличка двух процитированных выше текстов — облачаясь в некое одеяние специального вида, правитель просто исполняет установку, ориентирующую его на всемерную ими-

- тацию эталонной роли Неба (т.е. законодательного «верха») в отношении всего остального мироздания (т.е. законопослушного «низа»).
58. Благодаря введению нарочито подчеркнутого различия между верхней и нижней частями своде одеяния, отражающим противоположность высшего неба и дольной земли.
59. Чжоу И чжэньи. С. 87. В гексаграмме № 12 «Закрытость» ☰ (Ли) позиции обоих центров заняты чертами противоположной четности: во второй позиции стоит прерванная, в корреспондирующей с ней пятой — непрерывная. Тем самым имеет место естественный выбор в пользу непререкаемой власти верха (триграмма Цянь ☰) над низом (триграмма Кунь ☷). Поэтому данная фигура эмблематизирует отношение субординации как таковое (разумеется, включающее в себя и социальную упорядоченность).
60. Сюнь-цзы цзицзе // Чжуцзы цзичэн. Т. 2. С. 138.
61. Относительно данной концепции см.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М., ИДВ РАН, 2013. С. 260–281.
62. Люйши чуныцю // Чжуцзы цзичэн. Т. 6. С. 27.
63. Сюнь-цзы цзицзе // Чжуцзы цзичэн. Т. 2. С. 145.
64. Критерий дает следующее определение иньских и янских триграмм: «В иньских триграммах больше ян, а в янских триграммах больше инь (*инь гуа до ян, ян гуа до инь*)». Речь идет о количестве иньских/янских черт в триграммах, когда иньской/янской считается триграмма (за исключением «родительских» триграмм ☷ и ☰) с большим количеством янских, соответственно — иньских черт.
65. «Приобретшие отцовский дух оказываются сыновьями, приобретшие материнский дух оказываются дочерьми (*дэ фу ци чжэ вэй нань, дэ му ци чжэ вэй нюй*)». Имеется в виду, что замена нижней черты триграммы Кунь ☷ нижней же чертой триграммы Цянь ☰ порождает триграмму Чжэнь ☱, представляющую собой, старшего (т.е. первого) сына. Симметрично, замена нижней черты триграммы Цянь ☰ нижней же чертой триграммы Кунь ☷ порождает триграмму Сюнь ☶ представляющую собой старшую (т.е. первую) дочь. Аналогично порождаются средний сын (триграмма Кань ☵) и соответственно, средняя дочь (триграмма Ли ☲), а также младший (в данном случае — последний) сын, изображаемый триграммой Гэнь ☳, и младшая (т.е. последняя) дочь, представляемая триграммой Дуй ☱. (Чжоу И чжэньи... С. 94). Данный процесс взаимообмена триграммными чертами есть не что иное, как способ порождения четой родительских триграмм шести остальных триграмм — так называемой «шестерицы чад» (*лю цзы*).
66. Реализация вещи своего предназначения/заложенных в ней возможностей, или, другими словами — постепенное возрастание ее, так сказать, «зародышевого» состояния в то, чем оно призвано быть: например, потенциального неба («легкого и чистого ци») в действительное небо, потенциальной земли («тяжелого и мутного ци») — в действительную землю, потенциальной горы («почвы») — в действительную гору, потенциальной пучины («воды») — в действительную пучину и т.п.
67. Стандартные примеры здесь: «Накопившаяся почва образует гору, ..., накопившаяся вода образует пучину, ..., накопившиеся добрые [поступки] образуют добродетельность...». См.: Сюнь-цзы цзицзе // Чжуцзы цзичэн. Т. 2. С. 4.
68. *Такасима Номидзо*. Ицзин хоцзе ходуань бабай ли: [800 примеров свободного истолкования афоризмов Ицзин] / пер. на кит. Ван Чжибэнь. Пекин, 1997. С. 413.
69. «Исполнение» является верхней смешанной триграммой в «Убыли».
70. *Такасима Номидзо*. Указ. соч. С. 413.
71. Например, страгемы № 3, 4 и 11.
72. См. его концепцию «Дао умаления» (*сунь чжи чжи дао*). (Сюнь-цзы цзицзе // Чжуцзы цзичэн. Т. 2. Цз. 20. Гл. 28. С. 341).
73. «Ню Цюз умел употребить знание на то, чтобы знать, но не умел пользоваться знанием для незнания; имел мужество смель, но не имел мужества не смель... умеет избежать несчастья. За это Поднебесная ценит его. Недостаточно знать мотивы собственных поступков, нужно еще знать и мотивы поступков других людей». Цит. по: Хуайнаныцзы. Философы из Хуайнани. С. 295.
74. Чжоу И чжэньи... С. 96.

Научная жизнь

Обзор материалов Круглого стола в ИДВ РАН «Форум АТЭС 2017 во Вьетнаме: возможности регионального развития»

1 ноября 2017 г. в ИДВ РАН состоялся Круглый стол «Форум АТЭС 2017 во Вьетнаме: возможности регионального развития», организованный Центром изучения Вьетнама и АСЕАН. Мероприятие, проведенное в преддверии саммита АТЭС в г. Дананг (10–11 ноября 2017 г.), привлекло внимание научной общественности, государственных ведомств РФ, Посольства СРВ в РФ, российских и зарубежных средств массовой информации. В дискуссии участвовали сотрудник Минэкономразвития РФ **Н.А. Ширяев**, директор Центра изучения АТЭС РАНХиГС **Т.А. Флегонтова**, ученые академических институтов: **Е.В. Кобелев**, **Г.М. Локшин**, **Я.В. Мищенко** (ИДВ РАН), **Нгуен Куок Хунг** (ИЭ РАН), **А.Н. Федоровский**, **А.А. Рогожин** (ИМЭМО РАН), **Д.В. Мосяков** (ИВ РАН), а также ведущих вузов, где изучается регион: **О.В. Новакова**, **Е.М. Аксенова** (ИСАА МГУ), **Фам Чан Хай Нга** (МГИМО). Организатором Круглого стола выступил руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН д.э.н., проф. **В.М. Мазырин**.

Открыл обсуждение заместитель директора ИДВ РАН **А.В. Островский**. В первой части заседания, посвященной вопросам участия Вьетнама и России в АТЭС, были рассмотрены приоритеты России и Вьетнама на этом форуме и площадке АТЭС в целом.

СРВ, являясь членом Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) с 1998 г., намеревалась показать в ходе недели АТЭС в Дананге экономические достижения за 30 лет рыночных реформ, закрепить активную роль в регионе и международных делах в целом. Проведением саммита (уже второго за 10 лет) и участием в АТЭС Ханой демонстрирует многополярность своей внешней политики, твердый курс на интеграцию в мировую и региональную экономику, чтобы добиться диверсификации и либерализации ВЭД. Такая политика оказала положительное воздействие на экономическое развитие страны. Вьетнам готов одновременно участвовать в различных интеграционных объединениях, ищет способы поддержки малых и средних предприятий, создания конкурентной среды для государственного и частного секторов, обеспечения устойчивого инклюзивного развития экономики и сохранения окружающей среды.

Россия, рассматривая «разворот на Восток» как главный вектор движения своей экономики, следит за процессами, происходящими в АТЭС, и намерена принимать активное участие в выработке формирующихся там правил международного экономического сотрудничества. В работе РФ на площадке АТЭС пик активности пришелся на 2012 год, когда были выдвинуты российские приоритеты и ключевые инициативы. Прежде всего это расширение торговли, так как экономики АТЭС — важные торговые партнеры России, и их доля в российском товарообороте постоянно растет (в 2016 г.

он вырос на 30% и составил 112 млрд долл.) Для России интерес представляют вопросы не только торговли, но и инвестиций нового поколения, включая транспарентность, развитие электронной торговли, конкурентные условия государственных закупок. Большое внимание уделяется формированию надежных цепочек поставок и повышению добавленной стоимости, обеспечению продовольственной безопасности. РФ, ставя целью проведение структурных реформ в экономике, внимательно изучает опыт зарубежных стран, в том числе государств АТЭС.

Среди актуальных инициатив РФ в 2016–2017 гг. — развитие экономики удаленных регионов АТЭС, что связано с подъемом российского Дальнего Востока. По оценке А.В. Островского, взаимодействие со странами АТЭС необходимо для того, чтобы действительно развивать этот регион России: привлекать необходимые инвестиции, создавать новые предприятия и инфраструктуру, увеличивать население. Мероприятия, которые РФ проводит на Дальнем Востоке и подобных территориях, представляют интерес для зарубежных партнеров.

Еще один приоритет — продвижение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на площадке АТЭС и закрепление за ЕАЭС статуса полноценного участника интеграционных процессов в АТР. РФ также поддерживает развитие человеческого капитала, реализуемое через сотрудничество в области высшего образования.

Большой потенциал Россия видит в развитии сотрудничества в рамках АТЭС в сфере науки и технологий, обеспечении инновационного роста, переводе экономики на цифровые стандарты. Особое внимание уделяется выращиванию компаний — «национальных чемпионов» и поддержке российских и международных научно-технических проектов, а также привлечению женщин в сферу предпринимательства. Россия традиционно активно участвует в проектной деятельности АТЭС. По итогам двух проектных сессий 2017 г. Комитет АТЭС по бюджету и управлению одобрил четыре российских проекта. Среди них проект по созданию системы мониторинга землетрясений и наводнений на основе использования Интернета вещей.

Критически настроенные участники дискуссии отметили, что успехи России на азиатском направлении и в АТЭС ограничены, в экономическую интеграцию в АТР она пока не вписалась. Однако без подключения РФ к нормальному экономическому взаимодействию в АТР, без развития различных форм сотрудничества и партнерства со странами региона решить важнейшие для страны задачи невозможно. Чтобы преодолеть препятствия, на которые наталкиваются российские инициативы в регионе и, в частности, в АТЭС, необходимо пересматривать политику протекционизма, проводимую Россией, и учитывать интересы других стран.

Во второй части Круглого стола участники проанализировали интеграционные тенденции и препятствия в АТР и ЮВА в рамках общего процесса все более интенсивного взаимодействия входящих в них стран. Была дана также развернутая институциональная характеристика АТЭС.

По мнению экспертов, создание АТЭС было обусловлено американским стремлением разрушить протекционистские барьеры на пути своей продукции в страны АТР и политически «подтянуть к себе» страны этого региона. Быстрое становление АТЭС свидетельствовало о том, что американское влияние на тот момент в АТР достигло своего апогея. В XXI веке наблюдаются определенная стагнация в деятельности АТЭС, потеря им монопольного положения лидера регионального сотрудничества, появление других конкурентных структур. Критика АТЭС со стороны КНР и стран АСЕАН стала открытым вызовом американской гегемонии, причем Китай не устраивает, что в АТЭС именно США во многом определяют направление и тематику обсуждаемых проблем и принимаемых решений.

После образования Восточноазиатского саммита (ВАС) АТЭС стала для стран Большой Восточной Азии все больше отходить на второй план. В этой ситуации, по оценке экспертов, главным для АСЕАН региональным объединением выступает ВАС.

В то же время участники дискуссии признали, что асеановцы поступают вполне разумно, не желая покидать АТЭС.

В связи с этим было высказано мнение о бесполезности и бесперспективности участия России в АТЭС в условиях доминирования на этой площадке США. Сегодня администрация Трампа осуществляет блокировку инициатив других стран, затрудняет реализацию повестки дня АТЭС, силой продвигает свои рекомендации. Основная цель АТЭС — создание Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) — недостижима, пока ведущие державы региона — США и Китай — не достигнут согласия по этому вопросу.

Тем не менее, в отличие от ряда других региональных организаций, АТЭС — одна из немногих площадок, где налажен открытый диалог между развитыми и развивающимися странами, в том числе в формате регулярных встреч на высшем и рабочих уровнях, происходит выработка идей и платформ взаимодействия и решения самых актуальных вопросов, обмен опытом работы, подготовка кадров, продвижение интересов бизнеса, включая малый и средний. Регуляторика, т.е. формирование общих правил и нового порядка торгово-экономического сотрудничества, которые затем можно переносить в ВТО, испытывающую кризис, является одним из важнейших направлений деятельности АТЭС.

Задачи саммита АТЭС во Вьетнаме признаны важными по ряду причин. Его повестка позволяет дать критический анализ мировой политики после того, как наступил конец PAX America. Особое значение саммиту придает его проведение вскоре после XIX съезда Компартии Китая. Будущее китайской политики является общей озабоченностью регионального сообщества.

Признано, что современная стратегия стран Тихоокеанской Азии носит двухуровневый характер. К первому уровню относится заключение преимущественно двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). На втором — переговоры и проекты, носящие мегарегиональный и глобальный характер, в том числе АТЭС.

Транстихоокеанское партнерство (ТТП) эксперты отнесли ко второму разряду и оценили как одно из важных торговых соглашений последнего времени. Ханой изначально активно поддерживал этот проект и сейчас стремится его реанимировать. После присоединения Японии к переговорам по ТТП в 2013 г. она вместе с США стала считаться основным «костяком» этого многостороннего соглашения. В настоящее время Япония, которая является для Вьетнама партнером № 2 после США, стала не просто участником, а крупнейшей экономикой и потенциальным лидером проекта. Готовность Японии взять на себя эту миссию улучшила шансы на реализацию соглашения о ТТП. Поскольку страны АСЕАН боятся не столько США, сколько Китая, они также присматриваются к членству в ТТП.

По заключению экспертов, прошедшее в те же дни в Токио заседание 11 из 12 стран — участниц ТТП призвано скорректировать текст соглашения и тем самым позволить договориться о его реализации в новом составе. Однако перспективы ТТП неопределенны, так как страны АТЭС очень осторожно относятся к открытию своих рынков и предпочитают развивать интеграцию на двусторонней основе. Согласно одному из высказанных мнений, предпосылки для таких проектов трансконтинентального характера еще не созрели, тем более что тенденция глобализации себя исчерпала, уступив место регионализации. По другой точке зрения, соглашение по ТТП может быть скоро реанимировано. Трамп подписал документ, по которому США *начинают процедуру выхода* из ТТП, способны затянуться надолго. Трампа во второй раз вряд ли изберут, и новый президент США через три года, как предполагают, примет обратное решение.

В связи с 16-летним пребыванием России в АТЭС был поставлен вопрос, почему РФ не участвует ни в одном интеграционном проекте — ни в ТТП, ни во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Эксперты за Круглым столом сдержанно предположили, что причиной является лидерство в первом проекте США, а во втором — Китая. Вьетнам хочет видеть РФ в составе ВРЭП, чтобы сбалансировать угрозы для себя со стороны Пекина. Вместе с тем было отмечено, что у ВРЭП более мяг-

кие условия участия, сюда не входят ни Тайвань, ни Гонконг, поэтому Китай стремится быстрее реализовать проект. Япония же считает, что Россия — прежде чем вступать во ВРЭП — должна подтянуть свою экономику. Так или иначе, переговоры по ВРЭП продвинулись уже достаточно далеко, и его контуры выглядят все четче.

Выступающие подчеркнули, что для поддержания высоких темпов экономического роста в среднесрочной перспективе большинству стран — членов АТЭС, в первую очередь Китаю и странам АСЕАН, необходимо обеспечить надежную энергетическую базу. Но собственных ресурсов для этого внутри Ассоциации недостаточно, она нуждается в сотрудничестве с внешними партнерами. Для стран АТЭС в плане укрепления энергетической безопасности эксперты рекомендовали сотрудничество с РФ в научно-технической сфере и разработке прорывных технологий.

Россия нацелилась на Азию как главный рынок расширения своего нефтегазового экспорта. Это может привести к превращению России в важного нового поставщика энергоносителей в Китай уже в этом десятилетии, а в следующем — в Японию, Южную Корею и страны АСЕАН.

В заключение эксперты дали оценку достижениям экономического развития и внешней политики Вьетнама.

Было отмечено, что Вьетнам демонстрирует высокую экономическую динамику. Темпы роста ВВП составляли в 2010–2016 гг. в среднем 6%, а в 2017 г. — 6,81%. Основными торговыми партнерами Вьетнама в АТР являются КНР, США, Южная Корея, Япония, Тайвань, Таиланд, Малайзия, Гонконг и Сингапур. Почти со всеми из них, кроме США, Вьетнам имеет отрицательное торговое сальдо. Чтобы снизить региональную торговую зависимость, он расширяет географию торговли, продвигает вьетнамские товары на новые рынки стран АТЭС. Было высказано мнение, что вьетнамский опыт интеграции в систему мирового хозяйства и применения различных торговых соглашений дает хороший материал для изучения перспективы создания зоны свободной торговли между странами АТЭС.

В значительной степени экономический рост Вьетнама связан с приходом в страну крупного иностранного бизнеса. Особенно его роль возросла в 2000-е годы с началом активной реализации политики международной интеграции страны и после вступления в ВТО. В основном члены АТЭС вложили капиталы в промышленность и строительство, в недвижимость. Благодаря этим вложениям постепенно модернизируются разные сектора и отрасли экономики СРВ, положительно меняется ее структура.

Иностранный капитал, несмотря на скромное место в структуре общественных инвестиций (23%), играет ключевую роль в привлечении «ноу хау». Основными инвесторами являются страны АТЭС (они вложили в экономику Вьетнама 78% всех ПИИ), что объясняется их географической близостью и общими интересами, интеграцией в рамках региональных объединений. Однако мнения выступавших относительно того, какие факторы в целом перевешивают — положительные или отрицательные — в плане влияния ТНК на экономику Вьетнама, разошлись.

Экономический прогресс позволил СРВ начать прямые зарубежные инвестиции. Пока они идут в Камбоджу, Лаос и Россию, в основном в топливно-энергетические проекты, хотя появились и первые проекты в аграрной сфере.

Относительно международного имиджа Вьетнама было отмечено, что после провозглашения политики «обновления» (1986 г.) он стремительно вошел в состав элиты международного сообщества, позиционируя себя в качестве развивающейся страны. СРВ проявила готовность сотрудничать в области внешней политики с возможными партнерами «на всех азимутах» в формате либеральной экономической политики, а также позиционировала себя как потенциального политического лидера в Юго-Восточной Азии.

Постепенно одним из главных направлений сотрудничества для Ханоя становится сохранение безопасности в регионе. Мир и развитие — главные ориентиры его внешнеполитического курса. В своей современной внешней политике Вьетнам стремится сбалансиро-

ровать отношения с США и Китаем, не забывая и об укреплении сотрудничества с Россией. При этом он не собирается выступать посредником в урегулировании обострившихся разногласий между Россией и США. Это предположение, высказанное представителем агентства Regnum, вьетнамский ученый Нгуен Куок Хунг назвал явным преувеличением.

Эксперты также затронули вопросы развития отношений между РФ и СРВ. Было отмечено, что, несмотря на позитивные в целом тенденции, в последние годы отношения между двумя странами столкнулись с вызовами ввиду обострения споров между Вьетнамом и Китаем за острова Южно-Китайского моря, нарастающего сближения Ханоя с Вашингтоном. Постепенно сходит на нет прежняя высокая доверительность российско-вьетнамского сотрудничества, тормозятся важные совместные проекты в экономической и военно-технической областях. Под вопрос поставлены некоторые действия Москвы. Так, Вьетнам давно в одностороннем порядке либерализовал визовый режим для российских граждан. Предложение сделать безвизовым въезд в РФ хотя бы для тех вьетнамцев, которые здесь учились (тем более что для китайцев такой режим введен без групповых ограничений) пока не нашло отклика.

Важным событием признано подключение Вьетнама в 2015 г. к деятельности ЕАЭС в формате ЗСТ. По оценке участников, это может не только повысить эффективность российско-вьетнамского экономического сотрудничества, но и внести существенный вклад в процесс географической диверсификации внешней торговли Вьетнама. За 8 месяцев реализации соглашения экспорт Вьетнама увеличился на 41%, а импорт на 28%. Вьетнам имеет положительное сальдо в торговле с ЕАЭС, 2/3 его экспорта составляют мобильные телефоны, планшеты и компьютеры. Страны ЕАЭС экспортируют нефть, уголь, зерно, на 10% возрос экспорт машин. России предстоит выправлять дисбаланс в торговле, активнее поставляя в СРВ высокотехнологичные товары (дефицит РФ пока значителен — около 1,5 млрд долл.)

При подведении итогов Круглого стола участники пришли к выводу, что АТЭС фактически перестала быть экономическим сообществом, а превратилась в организацию, где комплексно обсуждаются проблемы, волнующие регион. Форумы АТЭС являются своего рода «инкубаторами» инициатив и процессов, необходимых для расширения торгово-экономического сотрудничества, обеспечения устойчивого развития и мира в регионе.

Участники дискуссии признали, что такая ситуация сегодня устраивает всех, и это дает АТЭС новый шанс на сохранение своей ниши в политической архитектуре АТР. По мнению экспертов, АТЭС как организация, не диктующая ни экономические, ни политические решения, по функциям сравнима с ОЭСР. Россия заинтересована в продолжении работы в АТЭС, включая создание АТЗСТ. При том, по заключению экспертов за Круглым столом, концепция российского участия в АТЭС ждет разработки и серьезного обсуждения в научном сообществе.

Собравшиеся отметили, что у России и Вьетнама есть много общих интересов и устремлений, которые они могут реализовать в АТЭС, в том числе путем более тесного взаимодействия на этой площадке.

Закрывая заседание, В.М. Мазырин выразил признательность представителю Посольства СРВ в РФ и всем российским коллегам за участие в мероприятии и пригласил их к дальнейшему сотрудничеству, в том числе к публикации статей в новом электронном журнале «Вьетнамские исследования» («The Russian Journal of Vietnamese Studies»).

Синологической библиотеке — 60 лет

Время летит стремительно. Кажется, совсем недавно отмечали полувековой юбилей, и вот уже нашей уникальной специализированной библиотеке китаеведения — 60 лет.

За это время произошло многое: непросто развивались российско-китайские отношения, что отразилось и на делах библиотеки¹, поэтому особенно отрадно, что последние десятилетия проходят под знаком дружбы двух стран; не обошли нас и проблемы, вызванные переменами в стране, — достаточно вспомнить, что библиотека выдержала четыре переезда без ущерба для книг; мы не остались в стороне от мировых библиотечных тенденций — появились компьютеры, сканеры, Интернет.

Особенно трудными оказались 1990-е годы, когда второе сократился кадровый состав, уменьшилось комплектование, усложнилось положение с помещениями для растущего фонда. Но на этом суровые испытания, как оказалось, не закончились. Десятилетие между двумя последними юбилеями для библиотеки оказалось насыщено событиями и трагическими (пожар в ИНИОН), и значимыми (выход в свет библиографического указателя, включившего литературу за 50 лет). В настоящее время Синологическая библиотека, несмотря на тяжелые последствия пожара, реформы в Академии наук, хроническое отсутствие денег на материально-техническое обеспечение, продолжает работать, накапливая опыт собственной истории. О создании библиотеки, формировании фондов, их уникальной коллекционной составляющей мы подробно рассказывали в статье, посвященной ее 50-летию².

Распоряжение об организации в Институте китаеведения специальной Синологической библиотеки³ было принято Президиумом АН СССР 6 марта 1958 г. в ответ на открытое письмо группы авторитетных ученых-китаеведов в газете «Правда». Инициаторами создания библиотеки были будущий академик, а в то время член-корреспондент АН СССР Николай Иосифович Конрад, д.филол.н., впоследствии член-корреспондент АН СССР Николай Трофимович Федоренко, д.филол.н., профессор Илья Михайлович Ошанин, д.и.н., а ныне академик Сергей Леонидович Тихвинский.

Заведующей библиотекой была назначена китаевед, к.и.н. Дора Натановна Зильберг, прекрасно владевшая четырьмя языками, в том числе и китайским. Она возглавляла ее на протяжении 20 лет⁴, много ездила по стране, разыскивая и собирая редкие издания книг. В середине 1958 г. на работу в библиотеку пришла Р.Г. Барышникова, высококвалифицированный специалист в области библиотковедения, которая впоследствии сменила Д.Н. Зильберг на посту заведующей. Работать в Синологическую библиотеку пришли китаеведы: Е.И. Воскресенская, Е.А. Гениатулина, К.Н. Денисова, М.С. Добрачева, В.П. Журавлева, А.Б. Козоровицкая, А.С. Костяева, Л.А. Кувшинникова, В.С. Любимова. Сотрудники библиотеки, недавние выпускники ведущих вузов страны, имели прекрасную китаеведческую подготовку, но библиотечное дело им пришлось осваивать в процессе работы. В этот сложный период становления неоценимую помощь оказал составитель «Библиографии Китая» Петр Емельянович Скачков, китаевед-энциклопедист, опытейший библиограф, родоначальник таких важных направлений советской науки, как история и библиография китаеведения.

По распоряжению Президиума АН СССР вновь созданной библиотеке была передана китайская часть библиотечного фонда Института востоковедения и коллекция редких книг из собрания академика Василия Михайловича Алексеева (1881–1951). Предшественницей Синологической библиотеки можно считать не менее уникальную китаеведческую библиотеку (создана в 1795 г.) Российской духовной миссии в Пекине, часть фондов которой была также передана Синологической библиотеке. Помимо этого библиотеке были переданы книги из Генконсульства в г. Харбине и Восточного института во Владивостоке. В разное время в фонд влились коллекции книг известных востоковедов — Б.И. Панкратова, А.П. Рогачева, М.Е. Шнейдера, Л.З. Эйдлина, А.А. Тишкова, В.С. Старикова, А.М. Дубинского и многих других.

Значительную часть своего богатого собрания книг подарил академик Сергей Леонидович Тихвинский, приложивший немало усилий не только для создания, но и для развития Синологической библиотеки. Неоценимую поддержку оказывали академик Борис Львович Рифтин (1932–2012), часто привозивший из Китая книги для библиотеки, хорошо знавший ее научные фонды⁵, академик Владимир Степанович Мясников, автор статьи о научном значении синологического фонда, написанной в честь 40-летнего юбилея библиотеки⁶, также подаривший немало книг.

В 1964 г. все фонды библиотек гуманитарных институтов Академии наук были переданы Фундаментальной библиотеке общественных наук (ФБОН) АН СССР, а институтские библиотеки стали ее структурными подразделениями. В 1969 г. после создания на базе ФБОН Института информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР Синологическая библиотека получила официальный статус Отдела ИНИОН в Институте Дальнего Востока АН СССР. В настоящее время — это Отдел библиотечно-библиографического обслуживания (ОББО) ИНИОН при ИДВ РАН.

Трагическим для мировой и российской гуманитарной науки оказался январь 2015 года, когда пожар практически уничтожил большую часть богатейшего книжного фонда, больно ударил по людям, беззаветно преданным своему делу. Для Синологической библиотеки — это потеря значительной части китайского фонда, которая хранилась в здании ИНИОН. Время предает забвению имена правителей, но сгоревшие библиотеки с древнейших времен вписаны в анналы истории.

В октябре 2018 года мы отмечаем 100-летие со дня основания ФБОН.

Фундаментальная библиотека общественных наук, несмотря на трудности восстановительного периода, продолжает работать; функционируют также библиотечные подразделения ИНИОН при академических институтах, созданные еще в годы советской власти. В то время сложилась уникальная система специализированных библиотек при академических институтах гуманитарного профиля. Сотрудники библиотек собирали, обрабатывали и систематизировали издания этих институтов, создавая тем самым их «золотой фонд» и науковедческую базу. Многие из институтских публикаций можно найти только в этих специализированных библиотеках.

К сожалению, успешно функционировавшая система начала разрушаться как вследствие пожара, так и в связи с реформированием Академии наук. Техническая оснащенность Отделов библиотечно-библиографического обслуживания ИНИОН оставляет желать лучшего, из-за низкого уровня зарплаты уходят специалисты. Некоторые Отделы ББО прекратили обслуживание читателей в связи с переездом и отсутствием помещения для размещения фондов. Библиотеки, продолжающие обслуживать читателей, занимают те самые «золотые», по мнению чиновников, метры, которые можно сдать в аренду, продать. Синологическая библиотека — часть этой структуры, *Damoclis gladius* навис и над нами. Остается только радоваться реакции читателей: «Слава богу, что вы не сгорели!»

Продолжая трагическую цепь событий, мы вспоминаем академика Михаила Леонтьевича Титаренко (1934–2016), директора Института Дальнего Востока. Невосполнимой утратой для нас явился его уход из жизни. Михаил Леонтьевич любил биб-

лиотеку, уважал ее сотрудников и всегда откликнулся на их нужды (это и ремонт помещений, и книжные дары, материальная помощь, компьютеры). Без его моральной и материальной поддержки «Библиография Китая»⁷, где Михаил Леонтьевич был главным редактором, появилась бы еще нескоро. Уже после его смерти Р.Д. Щурова передала библиотеке последнюю изданную книгу М.Л. Титаренко⁸, часть книг из личной библиотеки и его предсмертное письмо. Вот несколько строчек из него: «Направляю Вам мой прощальный труд, подготовленный совместно с доктором политических наук В.Е. Петровским... Основные идеи книги — полноценное всеобъемлющее сотрудничество с Китаем и доверительное взаимодействие. Это не конъюнктурный поворот политики, а ее генеральное направление, диктуемое коренными интересами народов этих стран». Оставшаяся часть книг из библиотеки будет стоять в мемориальном кабинете им. академика М.Л. Титаренко.

В этих сложных условиях выход в свет бесценной для китаистов «Библиографии Китая» является одним из самых значимых событий в истории Синологической библиотеки. В 2017 г. мы отметили юбилей ее составителя, ученого-библиографа В.П. Журавлевой. «По признанию отечественных востоковедов, да и многих зарубежных ученых... она самый авторитетный, высококвалифицированный российский специалист в области библиографии Китая»⁹.

«Библиография Китая» В.П. Журавлевой содержит 9173 названия книг и статей, опубликованных на русском языке за 50 лет. С уверенностью можно сказать, что в указателе зафиксирован исчерпывающий объем литературы по заявленным темам. Источниково-ведческой базой для создания указателя послужили богатейшие каталоги и картотеки Синологической библиотеки, электронная база данных ИНИОН, ежегодники литературы по Китаю за 1970–1988 гг., изданные ИДВ РАН. Обследованы электронные каталоги многочисленных российских и зарубежных библиотек.

Особая благодарность А.Е. Лукьянову, д. филос. наук, лауреату Государственной премии РФ, — бессменному руководителю научных грантов, ответственному редактору «Библиографии Китая». Благодаря его активному участию идет работа над ее продолжением.

Библиография, составленная В.П. Журавлевой, получила широкий отклик ученых-китаеведов. Вышли рецензии А.Б. Старостиной, В.Г. Бурова. Исследователи отмечают высокий профессионализм исполнения и добротность проделанной работы. По мнению А. Старостиной, «рассматриваемый библиографический труд уникален. Перед составителем стояла задача сбора колоссального объема информации и ее систематизации на нынешнем переходном для науки этапе»¹⁰. Ценность книги в том, отмечает В.Г. Буров, что она дает представление о состоянии современного российского китаеведения, степени разработанности различных направлений и школ китайской фило-софской мысли разных эпох.

«Рецензируемое издание — наглядный пример образцового с научной точки зрения библиографического справочника... Отечественные ученые получили справочное издание, научное значение которого трудно переоценить. Несомненно, что «Библиография Китая» будет с интересом встречена и за рубежом, в мировом синологическом сообществе, как и работы учителя автора — Петра Емельяновича Скачкова, которые были переведены на английский язык»¹¹.

Библиография В.П. Журавлевой — достойное продолжение библиографического труда П.Е. Скачкова, ее первого наставника и старшего друга, завещавшего своей ученице и коллеге составление продолжения библиографии Китая.

Петр Емельянович Скачков (1892–1964) — выпускник Ленинградского института живых восточных языков, ученик академика В.М. Алексеева¹².

Он, как и его учитель, понимал, какое огромное значение для развития отечественного китаеведения имеет библиография¹³.

Выдающийся ученый П. Е. Скачков был человеком большой души и культуры. Знаток музыки и живописи, он и сам не был лишен художественного дарования: увлекался живописью и рисованием, писал этюды, брал уроки у известного русского художника К.С. Петрова-Водкина. В Синологической библиотеке хранятся три пейзажа П.Е. Скачкова, подаренные А.С. Ипатовой. Издано более 50 его научных исследований.

К работе по созданию полной библиографии русской литературы о Китае, отвечающей всем требованиям научного библиографирования, П.Е. Скачков приступил в 1928 г. Предшественников у него в этой области практически не было¹⁴. В 1932 г. после четырехлетней работы по сбору и систематизации материала в свет вышла «Библиография Китая: Систематический указатель книг и журн. статей о Китае на русском языке. 1730–1930» П.Е. Скачкова, отразившая всю литературу о Китае на русском языке за 200 лет¹⁵. Это была первая полноценная научно-вспомогательная библиография по Китаю, составленная выдающимся ученым-китаеведом. Изданная малым тиражом (2175 экз.), она быстро превратилась в раритет. Ее переиздали фотоофсетным способом в США (Ann Arbor, Mich.: J.W. Edwards, 1948) в серии: American Council of Learned Societies Reprints: Russian series; № 7. В 1936 г. П.Е. Скачков подготовил продолжение указателя. Оно не было опубликовано и сохранилось в рукописи¹⁶.

В 1960 г. выходит в свет фундаментальный труд ученого «Библиография Китая»¹⁷ с дополнением литературы до 1957 г. включительно. Ее тираж в 2000 экз. разошелся так же быстро, как и предыдущий. В 1975 г. она была переиздана в США нью-йоркским издательством AMS Press. По информационной обеспеченности библиография Петра Емельяновича относится к категории библиографий повышенной полноты: содержит 19 551 описание книг и статей с XVIII в. до 1957 г. (за 250 лет). Известны и другие библиографические работы П.Е. Скачкова¹⁸.

Возвращаясь к истории библиотеки, надо сказать, что за 60 лет фонды Синологической библиотеки выросли не только количественно (на 1 января 1983 г. в них насчитывалось свыше 140 тыс. единиц хранения, на 1 января 2017 г. — свыше 210 тыс.), но и обрели весомую научную ценность. К сожалению, за два года комплектование покупных книг сведено практически к минимуму, а за последний, 2017 г., мы получаем, главным образом, книжный контрольный экземпляр Российской книжной палаты (экземпляр длительного пользования, ДП). Еще продолжает поступать иностранная литература, в т.ч. и китайская, с большим опозданием, но приходят китайские журналы. Выручают дары сотрудников ИДВ и других научных учреждений. Создание фондов высокой научной значимости — заслуга в значительной мере прошлых лет...

За 60 лет в библиотеке сформировался справочно-библиографический аппарат высокой степени информативности (3 каталога, 4 справочно-библиографические картотеки¹⁹).

В 1979 г. вышел в свет подготовленный главным библиографом Синологической библиотеки Л.А. Кувшинниковой «Указатель периодических изданий на китайском языке в фондах библиотек Москвы и Ленинграда», содержащий 1846 названий периодических и продолжающихся изданий. Указатель отличает высокий уровень библиографической культуры. Появление этого «интереснейшего и полезнейшего издания для всех, кто изучает Китай, его историю, культуру, науку», было отмечено рецензией известного ученого-китаеведа академика Б.Л. Рифтина²⁰.

В последние годы были опубликованы указатели трудов академиков М.Л. Титаренко (2004, 2014), С.Л. Тихвинского (2000, 2008), В.С. Мясникова (2001, 2003), юбилейные информационно-библиографические справочники²¹.

На базе фондов библиотеки отечественными учеными было подготовлено и издано большое количество трудов. Среди них «Большой китайско-русский словарь» в 4-х томах под редакцией И.М. Ошанина (отмечен Госпремией СССР, 1986 г.), перевод на русский язык древнего памятника «Исторические записки» Сыма Цяня в 7-ми томах (Р.В. Вяткин), «Китайская философия: Энциклопедический словарь» (М., 1994), перево-

ды на русский язык «Лунь юя» Конфуция и «Книги правителя области Шан» (Л.С. Переломов), перевод на русский язык первой части «Свода минского законодательства» (Н.П. Свистунова) и др. Книжные фонды Синологической библиотеки были широко использованы сотрудниками ИДВ РАН при подготовке к изданию документальных серий «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.» и «ВКП (б), Коминтерн и Китай», а также энциклопедии «Духовная культура Китая» в 6-ти томах и «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» в 10-ти томах.

В 2010 г. на церемонии вручения Государственной премии за издание энциклопедии «Духовная культура Китая» доктор филос. наук А.И. Кобзев передал президенту Д.А. Медведеву письмо, в котором была изложена программа «Русский Китай» о развитии синологических исследований в России. Одним из программных пунктов было «Создание электронной китаистической библиотеки, начиная с оцифровки Синологической библиотеки ИНИОН РАН и стремясь к охвату всего написанного в России о Китае»²². Это — перспектива развития нашей библиотеки.

На основе богатейших материалов библиотеки были написаны многие фундаментальные монографии по истории Китая с древнейших времен до наших дней, по древней и современной китайской литературе и языку, по экономике и политике, многочисленные диссертации не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Синологическая библиотека по праву считается крупнейшим в мировом китаеведении собранием книжных фондов по Китаю на многих языках мира²³.

В сентябре 1981 г. в рамках Европейской ассоциации китаеведов (ЕАК) состоялся Семинар синологических библиотек Европы, в работе которого принимала участие главный библиограф Синологической библиотеки В.П. Журавлева (15 участников из разных стран). Мероприятие проходило в Синологическом Институте при Лейденском университете (Нидерланды), который является ведущим учреждением в Западной Европе.

Синологическая библиотека по своим фондам и по объему работы была признана одной из крупнейших библиотек в Европе. Западные синологи-библиотекари единодушно высказались за дальнейшее более активное участие Синологического отдела ИНИОН в работе ЕАК, что содействовало бы научному обмену и взаимному получению необходимой литературы и информации. Участники постановили учредить Европейскую ассоциацию библиотекарей-синологов (European Association of Sinological librarians, EASL), членом которой стала и Синологическая библиотека.

В 2014 году заведующая библиотекой О.Н. Попова в составе делегации ИНИОН побывала в Китае, где выступила с презентацией «Синологическая библиотека — информационная основа российского китаеведения»²⁴. Китайские коллеги-библиотекари высоко оценили научное сопровождение Синологической библиотеки.

В 2016 году состоялась Международная научная конференция «Дальний Восток: коллекционеры и коллекции сегодня», проходившая с 23 по 25 марта 2016 г. во Франции в Musées des Confluences (комплексный музей, символизирующий собой слияние цивилизаций и их развитие, возведенный на стрелке слияния рек Санны и Роны в г. Лион). По приглашению французских ученых в работе конференции принимали участие В.Я. Портяков²⁵, О.Н. Попова,²⁶ которые выступили с презентацией доклада Vasily Alekseev's collection of Chinese calligraphy and old novels in the fund of the Sinological Library.

На конференции была представлена и подарена научной библиотеке университета Лиона «Библиография Китая» В.П. Журавлевой. Участники конференции с большой теплотой и пониманием отнеслись к тяжелому положению библиотеки после пожара. По словам преподавателей, французские студенты в качестве взаимного обмена с удовольствием посетили бы и институт, и библиотеку. В ноябре 2017 г. пришло письмо от организаторов конференции: «Your paper about the Sinological Library is very instructive... We will publish it in 2018 by L'Harmattan, "L'univers esthétique"»²⁷.

В том же году О.Н. Попова участвовала в работе XXI конференции Европейской ассоциации китаеведения в Санкт-Петербурге²⁸, где рассказала о собрании книг В.М. Алексева из фондов Синологической библиотеки²⁹.

Участие в международных конференциях и тот отклик, который мы получаем от зарубежных исследователей, свидетельствуют об их интересе к богатейшим редким фондам Синологической библиотеки и готовности к взаимному сотрудничеству. К сожалению, зарубежные поездки зачастую происходят за личный счет самого командированного и не субсидируются Институтом...

Наши двери открыты для исследователей. В библиотеку едут со всех концов России, из бывших союзных республик, других стран, особенно из Китая. В год мы принимаем не одну китайскую делегацию из разных провинций, административных округов, а также Тайваня, которые хотят ближе познакомиться с нашей библиотекой. В сентябре 2017 г. в здании Института Дальнего Востока состоялось совместно с китайской стороной открытие выставки китайской литературы по общественным наукам (более 300 книг), подаренной ФБОН делегацией из Библиотеки Академии общественных наук Китая.

В своей научной работе библиотека тесно сотрудничает с исследовательскими подразделениями ИДВ РАН, Отделом Китая Института востоковедения РАН, Обществом российско-китайской дружбы, ИСАА МГУ и другими вузами страны. Среди приоритетных направлений можно назвать участие в изданиях Ученых записок Отдела Китая Института востоковедения РАН «Общество и государство в Китае», где напечатаны библиографические списки трудов видных российских китаеведов А.И. Кобзева, Ю.В. Чудодеева, а также ушедших из жизни Л.Н. Борох, Ю.М. Гарушанца, З.Д. Катковой, В.Е. Еремеева, Л.И. Головачевой, А.Н. Хохлова и многих других.

Сотрудники библиотеки активно участвуют в работе Общества российско-китайской дружбы (ОРКД), занимаясь организацией тематических книжных выставок, в том числе выездных, посвященных знаменательным датам из истории и культуры Китая, жизни и деятельности государственных и партийных лидеров, юбилеям отечественных китаеведов. Среди них можно назвать выставку (2014) к юбилею академика М.Л. Титаренко, на презентации книги которого присутствовал Посол КНР в России Ли Хуэй, а также экспозиции книг к 115-летию Чжоу Эньлая (2013), к 100-летию отца Си Цзинпина Си Чжунсюня (2014), к 90-летию военной школы Хуанпу (Вампу), юбилейные выставки НОАК и ее маршалов.

Возможностями фонда библиотеки и помощью ее сотрудников часто пользуются издательства, радио и телевидение. В конце 1990-х годов в помещении библиотеки снимались фрагменты двухсерийного документального фильма о сыне Чан Кайши Цзян Цзинго (Елизарове) с указанием в титрах благодарности за оказанную помощь. Фильм неоднократно был показан по центральному телевидению. Кроме этого, был подобран материал для документального фильма о Чжоу Эньлае киностудии «Ракурс». Регулярно предоставляются материалы для радиостанции «Голос России», ведущей передачи на Китай. Иллюстративные издания из фонда библиотеки были использованы при создании фильма о последнем китайском императоре Пу И (2004), об исследованиях Тибета (2004). Для РИА «Новости» в 2002 г. к визиту Президента РФ В.В. Путина в Китай были предоставлены иллюстрации из китайских книг, изданных в XVII—XIX вв. Часть этих иллюстраций была опубликована в альбоме, посвященном визиту.

В 2016–2017 гг. продолжалось сотрудничество с Евразийской академией ТВ и радио (ЕАТР). В 2016 г. президент ЕАТР В.Д. Рузин обратился к дирекции ИНИОН с просьбой использовать документы из фондов Синологической библиотеки для создания совместного с Хэйлуцзянским телевидением документального фильма о VI съезде КПК. Для съемок исторических материалов китайскому ТВ было предоставлено помещение библиотеки. Фильм вышел на экраны в Китае и России. Работа над созданием русской версии документального сериала о VI съезде КПК продолжается.

Искреннюю благодарность за помощь сотрудникам библиотеки Валентине Петровне Журавлевой, Лидии Васильевне Блюмхен, Мае Константиновне Давыдовой выражают многие читатели и в своих публикациях, и устно. Уважение и признательность читателей — высшая оценка труда библиотекаря.

Главное достояние Синологической библиотеки наряду с ее бесценными фондами — это заданная с самого начала атмосфера доброжелательного отношения к читателям, бережное отношение к книжным фондам и их пополнение, высококвалифицированная консультативная помощь читателям.

© 2018

О.Н. Попова,

заведующая Отделом библиотечно-библиографического обслуживания ИНИОН при ИДВ РАН. E-mail: library@ifes-ras.ru.

1. Синологическое отделение ФБОН АН СССР: К 10-летию со дня основания // Народы Азии и Африки. 1968. № 3. С. 221–222.
2. *Ипатова А.С., Попова О.Н.* Синологической библиотеке 50 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 170–174.
3. Текст распоряжения см.: Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды: Информ.-библиогр. справочник. М., 2006. С. 22–23.
4. *Зильберг Д.Н.* Библиотека советских китаеведов // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 4. С. 145–147.
5. *Рифтин Б.Л.* Старинные китайские романы в собрании Синологической библиотеки // Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения: К 25-летию создания: Сб. обзоров и материалов. М., 1983. С. 45–84.
6. *Мясников В.С.* Научное значение синологического фонда Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН // Библиотечно-информационное обеспечение в области социальных и гуманитарных наук на пороге XXI века: Материалы науч. конф., посвященной 80-летию Фундамент. б-ки ИНИОН... М., 1999. С. 38–42; *Он же.* Научное значение синологического фонда Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН // В.С. Мясников. Кастальский ключ китаеведа. М., 2014. Т. 4. С. 295–298.
7. *Журавлева В.П.* Библиография Китая: Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008 / РАН Ин-т Дал. Востока; Ин-т науч. информации по обществ. наукам. М.: Форум, 2015. 704 с.
8. *Титаренко М.Л., Петровский В.Е.* Россия, Китай и новый мировой порядок: Теория и практика. М.: Весь мир, 2016. 304 с.
9. Юбилей Валентины Петровны Журавлевой // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 182; Также о ней: Юбилей Валентины Петровны Журавлевой // Там же. 2007. № 2. С. 190–191; Журавлева В.П. // *Милибанд С.Д.* Библиографический словарь. М., 2008. С. 505.
10. *Старостина А.Б.* Рец. на кн.: Журавлева В.П. Библиография Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 171–173.
11. *Буров В.Г.* [Рец.] Журавлева В.П. Библиография Китая // Восток. 2017. № 1. С. 217–221.
12. В.М. Алексеев, перечисляя китаистов, «прошедших через его руки», называет и П.Е. Скачкова. См.: *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982. С. 228.
13. См.: *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста: книга руководств для изучающих язык и культуру Китая / отв. ред. Б.Л. Рифтин; отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб., 2010. 503 с. Это первый рекомендательный библиографический указатель синологической литературы, ожидавший публикации с 1934 г. Во «Введении» известные китаеведы Н.Т. Федоренко (1912–2000) и Л. З. Эйдлин (1909–1985) назвали его «лабораторией синолога» (с. 10–11).
14. Известная «Библиография Азии» В.И. Межова содержит лишь выборочно литературу о Китае до 1881 г. В 20–30-е годы XX в. библиографическая информация о Китае в нашей стране сводилась, главным образом, к публикации библиографических списков и обзоров по Китаю в та-

- ких журналах, как «Библиография Востока», «Азиатский вестник» и некоторых других. Информацию об изданных ранее библиографиях о Китае см. также: *Рифтин Б.Л.* О синологических словарях и справочниках, старых и новых // Архив российской китаистики: в 2 т. М., 2013. Т. 1. С. 330–432.
15. *Скачков П.Е.* Библиография Китая: Систематический указатель книг и журн. статей о Китае на русском языке. 1730–1930. М.; Л.: Соцэкгониздат, 1932. XXIV, 844 с. (Ком. академия. Науч. ин-т по Китаю).
 16. Библиография Китая (продолжение). 1931–1935: Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке: [рукопись]. 1936. (53 л.) Записи не нумерованы. По приблизительным подсчетам, их около 3000.
 17. *Скачков П.Е.* Библиография Китая / отв. ред. А.Г. Яковлев. М.: Вост. лит., 1960. 691 с.
 18. Китайская художественная литература: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке / ВГБИЛ; сост.: П.Е. Скачков, И.К. Глаголева; отв. ред. Л.З. Эйлин. М.: Всесоюз. книж. палата, 1957. 165 с. Содержит 1823 записи; Очерки истории русского китаеведения. (М., 1977). Переведена на кит. яз.: Элосы ханьсюэ ши / Гос. комитет по составлению истории дин. Цин; предисл. *Мясников В.С.* Китайскому читателю (с. 1–11); пер. и предисл. Лю Жомэй (с. 13–41). Пекин: Шэхуй кэсюэ взнь сянь чубаньшэ, 2011. 596 с., портр.
 19. Подробно о содержании фондов библиотеки см.: *Журавлева В.П., Костяева А.С.* // Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963. С. 101–109.
 20. *Рифтин Б.Л.* Рец. на кн.: Указатель периодических изданий на китайском языке в фондах библиотек Москвы и Ленинграда. М., 1979 // Народы Азии и Африки. 1981. № 2. С. 239–242.
 21. Институт Дальнего Востока: Справочник / сост.: Р.М. Асланов, В.П. Журавлева, А.С. Ипатова. М., 1996; Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды / сост.: В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова. М., 2006.
 22. Письмо Президенту РФ о перспективах развития синологических исследований в России от заведующего Отделом Китая Ин-та востоковедения РАН, декана ФГН МФТИ ГУ, д. филос. наук., проф. А.И. Кобзева // В поисках «китайского чуда»: Сб. ст., посвященный 80-летию Ю.В. Чудодеева. М.: ИВ РАН, 2011. С. 33.
 23. Наиболее полное представление о богатстве и разнообразии фондов Синологической библиотеки дает юбилейный сборник «Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения: к 25-летию создания» (М., 1983). В сборнике помещены статьи видных советских ученых-китаеведов: С.И. Кучеры, акад. Б.Л. Рифтина, О.Е. Непомнина, Ф.Б. Белелюбского, А.Н. Хохлова, а также обзоры и статьи сотрудников Синологической библиотеки В.П. Журавлевой, Л.А. Кувшинниковой, М.С. Добрачевой, раскрывающие содержание справочно-библиографического раздела фонда, насчитывающего более 100 названий указателей литературы по Китаю, изданных не только в России, но в США и Европе.
 24. *Попова О.Н.* Синологическая библиотека — информационная основа российского китаеведения: Доклад в Административном институте (Партийной школе) провинции Чжэцзян, г. Ханчжоу, 3 ноября 2014 г.
 25. *Портяков Владимир Яковлевич*, д. экон. н., зам. директора ИДВ РАН по научной работе, гл. редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».
 26. *Попова Ольга Николаевна*, зав. Синологической библиотекой с 2001 г.
 27. Из письма Marie Laureillard. <Marie.Laureillard@univ-lyon2.fr>
 28. XXI конференция европейской ассоциации китаеведения: [обзор докл.] // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 6. С. 172.
 29. *Popova Olga.* Alekseev collection of Chinese calligraphy and books in Moscow // 21st Biennial conference of the European Association for Chinese Studies: Book of Abstracts. Aug., 23–28.2016. St. Petersburg. СПб., 2016. (EACS — 2016). С. 92–93.

Рецензии

Молодякова Э.В. Япония: тотальная победа консерваторов: Избр. тр. 2000–2016 гг. / ред.-сост. В.Э. Молодяков; отв. ред. Е.Л. Катасонова; Ин-т востоковедения РАН. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 448 с.

Книга избранных работ (к сожалению, вышедшая посмертно) известного российского японоведа, доктора исторических наук, профессора Эльгены Васильевны Молодяковой (1937–2016) «Япония: тотальная победа консерваторов» подводит итоги продуктивной научной деятельности автора, оставаясь при этом актуальной новинкой. Потому что политические, социальные, духовные процессы в жизни Японии, которым она посвящена, продолжают и в целом развиваются в предсказанном учебном направлении.

Э.В. Молодякова полвека проработала в Институте востоковедения РАН, полтора десятилетия возглавляла там Центр японских исследований, с 2009 г. и до конца жизни была заместителем директора. Выдающийся ученый, она оказалась прекрасным администратором, отдавая все силы и время решению текущих, порой не связанных с наукой, проблем института, а не собственной исследовательской деятельности. Бессменный руководитель коллективных монографий, многолетний главный редактор ежегодника «Япония», она откладывала собственные книги «на потом», не успев завершить работу над монографией о современном японском обществе (в соавторстве с С.Б. Маркарьян) и собрать под одной обложкой статьи последних лет. Сейчас это сделали ее друзья и ученики.

Жизненный и научный путь Э.В. Молодяковой, последние тридцать лет бессменно находившейся «на переднем крае» российского японоведения, хорошо известен коллегам. Он подробно описан и проанализирован во вступительной статье доктора экономических наук И.Л. Тимониной, связанной с автором многолетним научным сотрудничеством. Что сразу обращает на себя внимание — это многогранность, разносторонность научных интересов Э.В. Молодяковой, причем не просто интересов, но об-

ластей японоведческого знания, которыми она занималась. Признанный специалист по «текущему моменту» политики, от перипетий борьбы партий в парламенте и на выборах до новейших идейных и социальных тенденций, она профессионально разбиралась в проблемах японской семьи и гражданских движений, системы образования и особенно религиозной жизни, которой посвятила ряд ценных исследований.

Особенность данной книги, как и работ Э.В. Молодяковой в целом, заключается в сочетании исторического и актуального знания. Анализируя текущие события, она всегда стремилась понять их причины, исторические корни и логику развития, показать, почему случилось так, а не иначе. Свободно ориентируясь во всей послевоенной (а это уже более семидесяти лет!) истории Японии, ученый умело и убедительно выявлял причинно-следственные связи современных процессов в политике и обществе. В результате такого анализа логичным и понятным становился их итог — «тотальная победа консерваторов», как точно и афористично определила Э.В. Молодякова сущность произошедшего в Японии после триумфальной победы Либерально-демократической партии на парламентских выборах в декабре 2012 г. Этот вывод автора получил убедительное подтверждение и на выборах в нижнюю палату японского парламента 22 октября 2017 г. На них правящая коалиция во главе с ЛДП вновь одержала, без преувеличения, оглушительную победу. Это открывает возможность для нынешнего премьер-министра Японии Синдзо Абэ еще более настойчиво и последовательно проводить свой, на глазах становящийся все более консервативным, курс как во внутренней, так и внешней политике.

Будучи профессионалом, то есть человеком, привыкшим квалифицированно и полно отвечать на поставленные вопросы и не братья

за то, чего не знает, Э.В. Молодякова меньше всего была «узким» специалистом. Стремление «объемно» видеть социально-политические проблемы современности приводило ее к изучению трансформации императорской системы после Второй мировой войны, эволюции национальной системы образования и «морально-го воспитания» как ее части, коренных перемен в профсоюзном движении, развития гражданской инициативы.

«Тотальная победа консерваторов» в сегодняшней Японии — это закономерный итог развития японской политической системы в послевоенный период, в течение которого ЛДП бессменно, за редким исключением, находилась у кормила власти. Это явление даже породило образный термин «полупартийная система» в стране, где доминирующую роль играет одна партия — ЛДП, а оппозиция приходила к власти лишь «не в серьез и ненадолго». При этом однако, как справедливо подчеркивала Э.В. Молодякова, в японском обществе несогласным — оппозиции как «слева», так и «справа» — предоставляется возможность высказаться, и ее голос будет услышан.

Собранные в рецензируемую книгу статьи писались для коллективных монографий и других изданий по большей части как оперативный отклик и комментарий к событиям. Не все прогнозы автора сбылись, но, действительно, мало кто в 2009 г. мог представить сценарий сокрушительного поражения либерал-демократов на выборах в парламент, а в 2012 г. масштаб их триумфального возвращения

на следующих выборах. Выборы в нижнюю палату японского парламента 2012 и 2017 годов не просто привели к разгрому главной оппозиционной силы — Демократической партии Японии, но и похоронили (во всяком случае, в обозримом будущем) надежду на формирование в стране работающей двухпартийной системы, подобной американской или британской. Будущему историку, изучающему нынешнюю политическую систему Японии, очень пригодятся собранные в рецензируемую книгу работы Молодяковой, которые избавят его от необходимости «изобретать велосипед».

Хочу особо отметить стиль письма и манеру изложения автора, придерживавшегося принципа «просто о сложном». Не стремясь быть понятной только «посвященным», не злоупотребляя «умными» словами, обычно являющимися калькой с английского, Э.В. Молодякова адресовала свои работы широкому читателю, интересующемуся затронутой в них проблематикой, в том числе за пределами японоведческого «цеха». Поэтому ее с таким интересом читали историки и религиоведы, социологи и этнологи. Уверен, что книга привлечет новых читателей трудов Э.В. Молодяковой и принесет пользу старым.

Завершает сборник большое интервью с Э.В. Молодяковой, раскрывающее многие, подчас неожиданные, стороны ее жизни и профессиональной деятельности. Предлагаемая библиография ее опубликованных работ дает представление о масштабе и разнообразии научного наследия японоведа с большой буквы.

© 2018

*В.О. Кистанов, доктор исторических наук,
руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН*

Юбилей ученого

Юбилей Ольги Исааковны Завьяловой

4 декабря 2017 г. исполнилось 70 лет доктору филологических наук, главному научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН Ольге Исааковне Завьяловой.

Ольга Исааковна окончила Восточный факультет Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, выпускница кафедры китайской филологии. В 1971 г. она поступила в аспирантуру ИДВ РАН, в 1974–1981 гг., и с 1987 г. по настоящее время — сотрудник нашего института. Ученица и последовательница крупнейшего российского синоведа С.Е. Яхонтова, О.И. Завьялова посвятила свои работы различным областям китайского языкознания — диалектологии, фонетике, социолингвистике и языковой политике, истории китайского языка, языкам народов КНР, сино-исламским языковым и этнокультурным контактам.

Еще на студенческой скамье О.И. Завьялова заинтересовалась диалектами китайского языка. В 1970-х годах в составе нескольких этнолингвистических экспедиций она изучала обычаи и диалекты советских дунган — потомков китаеязычных выходцев из северо-западного Китая. В своей кандидатской диссертации («Диалекты Ганьсу», 1975), посвященной лингвистической географии этой и сопредельных провинций, О.И. Завьялова определила исходное местоположение дунганских диалектов на лингвистической карте Китая. Тогда же было экспериментально доказано наличие в ганьсуйском диалекте дунганского языка четырех, а не трех тонов, как считалось раньше.

С 1981 по 1986 г. Ольга Исааковна находилась в Японии, участвовала в лингвистическом проекте Института языков и культур Азии и Африки при Токийском университете иностранных языков, опубликовала несколько работ по китайской диалектологии. По возвращении написала первую в нашей стране «женскую» книгу о жизни в этой стране (Токио и токийцы: будни, выходные, праздники. М., 1990).

Основанная на докторской диссертации, которую О.И. Завьялова защитила в 1992 г., монография «Диалекты китайского языка» (1996) — первое в России обобщающее исследование по китайской диалектологии. В его основе лежат обширные материалы, опубликованные на протяжении XX века прежде всего (но не только) в конти-

нентальном Китае и на Тайване. Разработанные в диссертации карты, охватившие более тысячи пунктов, позволили автору обнаружить ранее неизвестную диалектную границу вдоль хребта Циньлин и реки Хуайхэ. Эта граница признана сейчас китайскими и западными учеными важнейшим лингвистическим рубежом страны, наличие и значение которого подтверждается новыми данными по лексике и грамматике, собранными в последние годы.

В 2010 г. вышла в свет книга Ольги Исааковны «Большой мир китайского языка», адресованная широкому кругу читателей. Востребованная преподавателями и студентами многих учебных заведений, книга была переиздана в расширенном варианте в 2014 г.

О.И. Завьялова — научный редактор раздела «Язык и письменность» 3-го тома энциклопедии «Духовная культура Китая» («Литература. Язык и письменность». 2008), удостоенной Государственной премии РФ. Этой поистине колоссальной работе было посвящено несколько лет. Будучи автором 36 статей, вошедших в 3-й том, она также подготовила серию статей и для пятого тома энциклопедии (2009).

Четыре статьи О.И. Завьяловой — об изучении китайского языка в России, сино-исламском языкознании, дунганском языке и научная биография выдающего советского китаеведа А.А. Драгунова — были недавно опубликованы в многотомной энциклопедии «Китайский язык и китайское языкознание» (Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics. Boston-Leiden: Brill, 2017). В создании этой энциклопедии принимали участие более 400 ученых из разных стран мира.

В последнее время О.И. Завьялова в качестве ответственного редактора и автора обширной вводной статьи готовила выпуск сборника уникальных российских дореволюционных работ о китайском исламе и переселении дунган в Российскую империю (Дунгане: история и культура. М., 2017). Этот сборник вызвал большой интерес в мировом китаеведении, в КНР готовится издание на китайском языке.

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают Ольге Исааковне доброго здоровья и осуществления творческих замыслов.

Юбилей Елены Ильиничны Сафроновой

Елена Ильинична родилась в Москве в семье видного советского дипломата-китаиста Ильи Ивановича Сафронова.

По окончании 4-й московской спецшколы с изучением ряда предметов на английском языке она поступила в МГИМО МИД СССР, который окончила в 1980 г. с присвоением квалификации экономиста по международным экономическим отношениям.

Елена Ильинична владеет английским, испанским и португальским языками, знание которых подтверждено не только дипломом МГИМО, но и Высших курсов иностранных языков Министерства внешней торговли СССР.

Трудовую деятельность Елена Ильинична начала после окончания вуза в качестве экономиста в одном из внешнеторговых объединений МВТ СССР, где проработала до ноября 1984 г., когда по-

ступила в очную аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР.

В 1987 г., успешно окончив аспирантуру и в срок защитив кандидатскую диссертацию по проблемам торгово-экономических отношений КНР с ведущими латиноамериканскими странами — Аргентиной, Бразилией и Мексикой, Е.И. Сафронова была принята на работу в ИДВ АН СССР.

Елена Ильинична имеет серьезный опыт организационной работы в МВТ СССР, а также в Научном совете по комплексному изучению проблем современного Китая Отделения экономики РАН, ученым секретарем которого она являлась в 1990–1992 гг. При ее активном участии было подготовлено проведение ряда ежегодных международных конференций серии «Китай и мир», впоследствии получившей название «Китай, китайская цивилизация и мир».

С декабря 1992 по ноябрь 1994 г. Е.И. Сафронова — докторант ИДВ РАН. В конце ноября 1994 г. она перешла на работу в Московский банк Сбербанка РФ на должность ведущего, а затем главного специалиста одного из его центральных управлений, где, используя опыт работы экономиста-внештоторговца, занималась закупками в США и Европе оборудования для автоматизации банковской деятельности. Однако Е.И. Сафронова не утратила связей с ИДВ РАН и в 1994–1997 гг. продолжала работать в институте по совместительству.

В 1998 г. Е.И. Сафронова вернулась в Институт Дальнего Востока и в настоящее время является ведущим научным сотрудником Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН. Сфера ее научных интересов широка и включает экономическую дипломатию КНР, проблему «мягкой силы» в международных отношениях, отношения КНР с государствами Африки и Латинской Америки, экономические

и гуманитарные аспекты отношений Китая со странами Центральной Азии (ШОС), проблемы отношений «Север — Юг» и др.

Е.И. Сафронова — автор более 150 опубликованных научных работ, включая три авторские монографии. Она постоянный автор ежегодника «КНР: политика, экономика, культура» и постоянный докладчик на различных конференциях и заседаниях «круглых столов», организуемых ИДВ РАН. Елена Ильинична — один из авторов сборников статей, публикуемых по итогам этих научных форумов, а также автор ряда аналитических и информационных материалов для директивных органов. Ее работы знают за рубежом.

Более десяти лет Е.И. Сафронова выступает в качестве составителя, ответственного редактора и одного из авторов ежегодного издания ИДВ РАН «Китай в мировой и региональной политике. История и современность». Благодаря ее усилиям это издание было включено в базу Национальной электронной библиотеки (НЭБ), интегрированной с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ).

Е.И. Сафронова — высококвалифицированный специалист-аналитик, обладающий широкой научной эрудицией и умением нестандартно подойти к изучению проблемы. Ее отличают высокий творческий потенциал, ответственность за порученное дело, трудолюбие и работоспособность.

В ИДВ РАН высоко ценят доброжелательность и отзывчивость Елены Ильиничны, ее стремление помочь коллегам. Она на добровольной основе оказывает содействие сотрудникам ИДВ в их работе с базой НЭБ/РИНЦ. Обладая прекрасной языковой подготовкой, Е.И. Сафронова не раз помогала сотрудникам и гостям ИДВ РАН с переводами их устных выступлений и печатных материалов.

Елена Ильинична — научный редактор и рецензент целого ряда академических публикаций и диссертационных работ. Осуществляет руководство аспирантами. Она — член Ученого совета ИДВ РАН.

Результаты научной деятельности Елены Ильиничны неоднократно отмечались руководством Института.

Дирекция и сотрудники ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» от души поздравляют Е.И. Сафронову с юбилеем и желают ей доброго здоровья и новых творческих успехов.

Contents

IN THE RUSSIAN-CHINESE FRIENDSHIP SOCIETY

To the Participants and Guests of the Ceremonial Meeting on the Occasion of the 60th Anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society [Congratulatory Message of the President Russian Federation Vladimir Putin]

Congratulatory Message of the Chairman of People's Republic of China XI Jinping on the Occasion of the 60th Anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society

G. Kulikova. The 60th Anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society

XIX CONGRESS OF THE CPC

Round Table at the Institute of Far Eastern Studies (RAS): "The XIX Congress of the Communist Party of China and Russian-Chinese Relations"

A. Vinogradov. The XIX Congress of CPC: the Great Campaign towards Revival

I. Ushakov. Ecology-Related Agenda of the XIX Congress of CPC

POLITICS

D. Streltsov. The 2017 Parliamentary Elections in Japan: the Return Back or a New Stage of Political Development?

ECONOMY

N. Kotlyarov, A. Ostrovsky. Foreign Investment in China: Place and Role in the Economic Reform

N. Koledenkova. Main Directions and Priorities in the Development of Engineering Complex of China

HISTORY

I. Garry. The History of the Origin of Princedoms of Hor in Eastern Tibet

V. Perminova. Legislative Reform and Legal Status of Taiwan in Japanese Empire (1895–1945)

PHILOSOPHY

A. Krushinsky. The Logic of Chinese Stratagem Thinking

SCIENTIFIC EVENTS

V. Mazyrin. Review of Materials of the Round Table at the Institute of Far Eastern Studies (RAS) "The APEC Forum 2017 in Vietnam: Opportunities for Regional Development"

O. Popova. Sinology Library — 60 years

BOOK REVIEW

V. Kistanov, E. Molodyakova. Japan: Total Victory of the Conservatives

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Olga Isaakovna Zavyalova

Jubilee of Elena Ilyinichna Safronova

Summary

G. Kulikova. The 60th Anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society

The article is devoted to the Society of Russian-Chinese friendship (SRCF) — the heir and successor of the glorious traditions of the first Soviet society of friendship with peoples of foreign countries — Soviet-Chinese friendship Society found in Moscow on 29 October 1957. Over 60 years the Society continues its activities to strengthen understanding and friendly ties with its neighbour — China, with the great Chinese people.

Key words: SSCF, SRCF, SCRF, Russian-Chinese relations, the interests of the peoples of Russia and China, good-neighbourliness, partnership, friendship, peace, development.

A. Vinogradov. The XIX Congress of CPC: the Great Campaign towards Revival

The article reviews the main provisions, possible domestic and foreign implications of the CPC XIX Congress decisions. Particular attention is given to the basic principles of the theory of socialism with the Chinese characteristics of the New era, to the problems, contradictions and challenges of modern world development for China and the need to change the development model in PRC, as well as to Xi Jinping's role in elaborating the ideological and theoretical doctrine of the CPC.

Key words: CPC, the XIX Congress of CPC, Xi Jinping, theory of socialism with Chinese characteristics of the New era, "One Belt, One Road", China.

I. Ushakov. Ecology-Related Agenda of the XIX Congress of CPC

The article highlights the major directions for the further development of the PRC ecology-related policy as set forth at the XIX Congress of the Communist Party of China (October, 2017). The summary of some results attained during implementation of the previous environment protection plans is followed by the outline of the prospects for resolving the problems faced by the State in environment-protection activities.

Key words: the PRC, ecology-related policy, environment protection, eco-civilization construction, «beautiful China».

D. Streltsov. The 2017 Parliamentary Elections in Japan: the Return Back or a New Stage of Political Development?

The article contains analysis of special election to the House of Representatives of Japanese Parliament held on October 22, 2017. The Author notes that voters have not shown great interest in this election, but the feeling of external threat associated with DPRK actions, as well as the absence of effective alternative to the LDP and the chaos inside the opposition row allowed the ruling coalition to win convincing victory, retaining the qualified majority in the lower house.

Keywords: Japan, parliamentary elections, House of Representatives, the dissolution of Parliament, Liberal Democratic Party, Party of Hope, Constitutional Democratic Party, bi-partisan system.

N. Kotlyarov, A. Ostrovsky. Foreign Investment in China: Place and Role in the Economic Reform

The dynamics of sectoral and territorial structure of foreign investment in China is presented. The basic directions of investment flows from abroad are covered. The analysis shows that the sectoral structure of foreign investment remains in constant changing due to the

investment policy of the Chinese government. Foreign investment throughout the reform period were directed either to municipalities – Shanghai, Beijing – or to the most developed coastal regions (Guangdong, Jiangsu). This order remained unchanged during the implementation of economic reforms.

Key words: China, economic reform, foreign direct investment (FDI), sectoral structure, territorial structure, free trade zone, special economic zones (SEZ).

N. Koledenkova. Main Directions and Priorities in the Development of Engineering Complex of China

The article describes the key directions of development of engineering industry in China in XXI Century. The special attention is given to the industry's transition to innovative development. The author presents the dynamics of manufacturing principal products, examines the role of state capital and foreign investments in technical re-equipment of enterprises.

Key words: China, engineering industry, sectoral structure, innovation development, investments.

I. Garry. The History of the Origin of Princedoms of Hor in Eastern Tibet

The article discusses the history of princedoms of Hor in Eastern Tibet from the XIII Century until the fall of the Qing Empire (1911) in the context of their relationship with the Mongols and Manchus. Special attention is paid to the history of the princedoms' origin, to distribution inside them of Buddhist Gelug school, to socio-political situation in the princedoms at the time of first appearance of the aliens there.

Key words: Princedoms of Hor, Kham, Eastern Tibet, the Mongols, the Manchus, the Qing Empire.

V. Perminova. Legislative Reform and Legal Status of Taiwan in Japanese Empire (1895–1945)

The article analyses Japan's policy during the occupation of Taiwan in 1895–1945, aimed at full integration of the colony with its mother country, including the sphere of legislation. It discusses in detail the legal status of the island, civil rights and liberties of local population; traces the changes in the legislation and its adaptation to local realities in various periods of Japanese administration's colonial rule.

Key words: Taiwan, Japanese empire, colonial rule, colony, political integration, international affairs.

A. Krushinsky. The Logic of Chinese Stratagem Thinking

From the point of view of Confucian philosophers of antiquity cognitive value of the reasoning is determined by its efficiency, so the highest cognitive status belongs to an infallible prognostic reasoning. This type of reasoning, where the veracity of the forecast is guaranteed by the implementation of a certain winning strategy, may be called a predictive form of deduction.

Keywords: stratagem thinking, prognostic reasoning, winning strategy, interactivity.

Татьяна Васильевна Лазарева
26.10.1945 – 10.12.2017

10 декабря 2017 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончалась ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, кандидат исторических наук Татьяна Васильевна Лазарева.

Вся трудовая жизнь Татьяны Васильевны была связана с Институтом Дальнего Востока. В апреле 1967 г. она поступила на работу в Сектор научной информации на должность научно-технического сотрудника и очень скоро стала одной из лучших машинисток Института. Ей доверяли подготовку самых ответственных документов, направляемых в высшие государственные структуры СССР.

Природная любознательность и стремление к профессиональному росту привели ее на вечернее отделение Исторического факультета МГУ, который она успешно окончила. Одновременно Татьяна Васильевна факультативно изучала китайский язык и после окончания университета прошла годичную языковую стажировку в Пекине.

В 2002 г. Т.В. Лазарева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Кадровая политика в национальных районах КНР (1949–2001 гг.)».

За период своей научной деятельности Татьяна Васильевна опубликовала около 100 научных работ, выступала с докладами на конференциях разных уровней. Ее научные труды неоднократно получали высокую оценку коллег.

Большую работу Т.В. Лазарева проделала на посту ответственного секретаря Общества российско-китайской дружбы, а затем в качестве члена Центрального правления Общества. В 2005 г. ее работа была отмечена Почетным знаком ОРКД.

Более 20 лет Татьяна Васильевна была председателем профсоюзной организации Института. Ее деловые качества умелого организатора, чуткость и внимательность к нуждам сотрудников, доброжелательное отношение к людям заслуженно снискали ей авторитет среди коллектива.

Татьяна Васильевна была добрым, чутким человеком, замечательным товарищем, ценным сотрудником. Память о ней будет храниться в наших сердцах.

Выражаем искреннее соболезнование родным и близким покойной в связи с тяжелой утратой.

Руководство и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukarap.com>).

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Лицензионный договор о предоставлении права использования статьи в научном журнале на русском языке, учредителем (соучредителем) которого является Российская академия наук» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*